

Уильям Шекспир

Король Лир

Уильям Шекспир

Король Лир

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

William Shakspeare

King Lear

Quarto 1608

Folio 1623

Уильям Шекспир

Король Лир

Кварто 1608

Фолио 1623

Издание подготовил

А.Н. ГОРБУНОВ

МОСКВА НАУКА 2013

УДК 821.111-1
ББК 84.4 (4 Англ.)
Ш41

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

М.Л. Андреев, В.Е. Багно (заместитель председателя), *В.И. Васильев,*
А.Н. Горбунов, Р.Ю. Данилевский, Н.Я. Дьяконова,
Б.Ф. Егоров (заместитель председателя), *Н.Н. Казанский,*
Н.В. Корниенко (заместитель председателя), *А.Б. Куделин* (председатель),
А.В. Лавров, Ю.С. Осипов, М.А. Островский, И.Г. Птушкина,
Ю.А. Рыжов, И.М. Стеблин-Каменский,
Е.В. Халтрин-Халтурина (ученый секретарь), *А.К. Шапошников*

Ответственный редактор
А.Н. ГОРБУНОВ

Серия основана академиком
С.И. ВАВИЛОВЫМ

ISBN 978-5-02-038104-9

- © Кружков Г.М., перевод, 2013
- © Горбунов А.Н., статья, примечания, 2013
- © Первушина Е.А., статья, 2013
- © Российская академия наук и издательство «Наука», серия «Литературные памятники» (разработка, оформление), 1948 (год основания), 2013
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2013

Король Лир

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Л и р, король Британии
Г о н е р и л ь я, старшая дочь Лира
Р е г а н а, средняя дочь Лира
К о р д е л и я, младшая дочь Лира
Г е р ц о г О л б а н с к и й, муж Гонерильи
Г е р ц о г К о р н у э л ь с к и й, муж Реганы
К о р о л ь Ф р а н ц у з с к и й, муж Корделии
Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й, претендент на руку Корделии
Г р а ф К е н т, впоследствии выдающий себя за Кая
Г р а ф Г л о с т е р
Э д г а р, старший сын Глостера, впоследствии выдающий себя
за Тома из Бедлама
Э д м у н д, побочный сын Глостера
С т а р и к, арендатор у Глостера
К у р а н, слуга Глостера
Ш у т Лира
О с в а л ь д, дворецкий Гонерильи
П р и д в о р н ы й на службе Корделии
В р а ч
Т р и с л у г и К о р н у э л а
Г е р о л ь д
Т р и к а п и т а н а
С л у г а
Р ы ц а р ь
Г о н е ц,
а также, р ы ц а р и, состоящие в свите Лира, слуги, солдаты,
т р у б а ч и и другие

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лир, король Британии
Гонерилья, старшая дочь Лира
Регана, средняя дочь Лира
Корделия, младшая дочь Лира
Герцог Олбанский, муж Гонерильи
Герцог Корнуэльский, муж Реганы
Король Французский, муж Корделии
Герцог Бургундский, претендент на руку Корделии
Граф Кент, впоследствии выдающий себя за Кая
Граф Глостер
Эдгар, старший сын Глостера, впоследствии выдающий себя
за Тома из Бедлама
Эдмунд, побочный сын Глостера
Старик, арендатор у Глостера
Куран, слуга Глостера
Шут Лира
Освальд, дворецкий Гонерильи
Придворный на службе Корделии
Врач
Три слуги Корнуэла
Герольд
Три капитана
Слуга
Рыцарь
Гонец,
а также рыцари, состоящие в свите Лира, слуги, солдаты,
трубачи и другие

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА I

Входят Кент, Глостер и Эдмунд.

Кент

Я думал, что герцога Олбанского король любит больше, чем Корнуэльского.

Глостер

И нам всегда казалось так же. Но теперь, при этом разделе королевства, невозможно понять, кого он предпочитает: части такие ровные, словно взвешены на весах.

Кент

Это ваш сын, милорд?

Глостер

Он рос под моим попечением, сэр. Я так часто краснел, признавая его своим сыном, что в конце концов привык.

Кент

Я вас не понимаю, милорд.

Глостер

Зато его матушка поняла меня с одного взгляда; от этого вскоре ее живот округлился, и она получила младенца в люльку прежде, чем мужа в постель. Я дурно поступил, по-вашему?

Кент

Сделанного не воротить; да и зачем, если получился такой славный парень.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА I

Входят Кент, Глостер и Эдмунд.

Кент

Я думал, что герцога Олбанского король любит больше, чем Корнуэльского.

Глостер

И нам всегда казалось так же. Но теперь, при этом разделе королевства невозможно понять, кого он предпочитает: части такие ровные, словно взвешены на весах.

Кент

Это ваш сын, милорд?

Глостер

Он рос под моим попечением, сэр. Я так часто краснел, признавая его своим сыном, что в конце концов привык.

Кент

Я вас не понимаю, милорд.

Глостер

Зато его матушка поняла меня с одного взгляда; от этого вскоре ее живот округлился, и она получила младенца в люльку прежде, чем мужа в постель. Я дурно поступил, по-вашему?

Кент

Сделанного не воротишь; да и зачем, если получился такой славный парень.

Г л о с т е р

У меня есть другой сын, законный, на год с чем-то постарше, но этот дорог мне ничуть не меньше. Хотя он и родился, никого не спрашивая, но мать его была красавицей и зачали мы его в обоюдной радости, так что грех было не признать шалопаю. Знаком ли ты с этим благородным дворянином, Эдмунд?

Э д м у н д

Нет, милорд.

Г л о с т е р

Это лорд Кент. Запомни: он мой самый дорогой и достойный друг.

Э д м у н д

Слуга вашей милости, сэ.

К е н т

Уверен, что полюблю вас, как только узнаю получше.

Э д м у н д

Постараюсь заслужить вашу любовь, сэ.

Г л о с т е р

Он был в отлучке девять лет, и скоро опять уезжает из дома. А вот и король.

Трубы за сценой.

Входит придворный, несущий корону, за ним король Лир,
за ним герцоги Олбанский и Корнуэльский,
за ними Регана, Гонерилья, Корделия и придворные.

Л и р

Позовите короля Франции и герцога Бургундского, Глостер.

Г л о с т е р

Да, государь.

Уходит.

Л и р

Тем временем мы вам хотим открыть
Другой наш замысел. – Подайте карту.
Мы разделили наше королевство

Г л о с т е р

У меня есть другой сын, законный, на год с чем-то постарше, но этот дорог мне ничуть не меньше. Хотя он и родился, никого не спрашивая, но мать его была красавицей и зачали мы его в обоюдной радости, так что грех было не признать шалопая. Знаком ли ты с этим благородным дворянином, Эдмунд?

Э д м у н д

Нет, милорд.

Г л о с т е р

Это лорд Кент. Запомни: он мой самый дорогой и достойный друг.

Э д м у н д

Слуга вашей милости, сэр.

К е н т

Уверен, что полюблю вас, как только узнаю получше.

Э д м у н д

Постараюсь заслужить вашу любовь, сэр.

Г л о с т е р

Он был в отлучке девять лет, и скоро опять уезжает из дома. А вот и король.

Трубы за сценой.

Входит король Лир,
за ним герцоги Олбанский и Корнуэльский,
за ними Регана, Гонерилья, Корделия и придворные.

Л и р

Позовите короля Франции и герцога Бургундского, Глостер.

Г л о с т е р

Да, государь.

Уходит.

Л и р

Тем временем мы вам хотим открыть
Другой наш замысел. – Подайте карту.
Мы разделили наше королевство

На три удела и решили ныне
Стряхнуть с усталых плеч обузу власти
И возложить на молодых и сильных
Правленья груз. Два славных жениха,
Король французский и бургундский герцог,
Соперники за руку нашей младшей,
Сегодня также ждут от нас решенья.
Но прежде, чем сложить монарший жезл,
Хотел бы я от дочерей услышать,
Кто больше любит нас, чтобы щедрей
Ту наградить из них, в ком громче голос
Природных чувств. Пусть первой говорит,
Как старшая рождением, Гонерилья.

Гонерилья

О государь! Не передать словами
Моей любви; вы мне дороже жизни,
Здоровья, красоты, богатства, чести,
Свободы, радости, земли и неба.
Я вас люблю, как мать – свое дитя
И как дитя – кормилицу родную.
Нет мочи продолжать, язык немеет
И грудь спирает от такой любви.

Корделия

А что сказать Корделии? Молчи.
Люби без слов.

Лир

(показывает на карте)

Весь этот край обширный
С полями и тенистыми лесами –
От сих границ до сих – передаю
Тебе с супругом и потомкам вашим
В владенье вечное. – А что нам скажет
Дочь средняя, разумница Регана?

На три удела и решили твердо
Стряхнуть с усталых плеч обузу власти
И возложить на молодых и сильных
Груз государственный, – чтоб налегке
Доковылять до гроба. Этот день
Мы выбрали, любезные зятя,
Чтобы заране выделить вам долю
Наследства нашего, предотвратив
Грядущий спор. Два славных жениха,
Король французский и бургундский герцог,
Соперники за руку нашей младшей,
Сегодня также ждут от нас решенья.
Но прежде, чем сложить монарший жезл,
Хотел бы я от дочерей услышать,
Кто больше любит нас, чтобы щедрей
Ту наградить из них, в ком громче голос
Природных чувств. Пусть первой говорит,
Как старшая рождением, Гонерилья.

Гонерилья

О государь! Не передать словами
Моей любви; вы мне дороже жизни,
Здоровья, красоты, богатства, чести,
Свободы, радости, земли и неба.
Я вас люблю, как мать – свое дитя
И как дитя – кормилицу родную.
Нет мочи продолжать, язык немеет
И грудь спирает от такой любви.

Корделия

А что сказать Корделии? Молчи.
Люби без слов.

Лир

(показывает на карте)

Весь этот край обширный
С прохладой рек и пестротой лугов,
С полями и тенистыми лесами –
От сих границ до сих – передаю
Тебе с супругом и потомкам вашим
В владенье вечное. – А что нам скажет
Дочь средняя, разумница Регана?

Регана

Мой государь, я из того же теста
И чувствую все то же, что сестра,
Хотя могла бы кое-что прибавить.
Я вас люблю так, что любая мысль
О радости иной мне ненавистна,
Как недостойная моей души,
Что нет мне счастья больше, чем всегда
Любить вас одного!

Корделия

Что мне сказать?
Кто любит сердцем, а не языком,
Тот чувствами богаче, чем словами.

Лир

(показывает на карте)

Тебе с твоим потомством отдаю
Треть королевства вплоть до сей границы,
Обширностью и красотой не хуже,
Чем доля Гонерильи. – А теперь –
Последняя, меньшая наша дочь,
Хотя любимая ничуть не меньше:
Что скажешь ты, чтоб за собой оставить
Край более обширный и богатый,
Чем сестрин?

Корделия

Ничего, мой государь.

Лир

Как – ничего? Подумай хорошенько.
Из ничего не выйдет ничего.
Скажи ясней.

Корделия

(в сторону)

Как приневолить сердце
Жить напоказ? Мой добрый государь,
Я вас люблю, как долг велит дочерний,
Не больше и не меньше.

Регана

Я вылеплена из того же теста
И чувствую все то же, что сестра,
Хотя могла бы кое-что прибавить.
Я вас люблю так, что любая мысль
О радости иной мне ненавистна,
Как недостойная моей души,
Что нет мне счастья больше, чем всегда
Любить вас одного!

Корделия

Что мне сказать?
Кто любит сердцем, а не языком,
Тот чувствами богаче, чем словами.

Лир

(показывает на карте)

Тебе с твоим потомством отдаю
Треть королевства вплоть до сей границы,
Обширностью и красотой не хуже,
Чем доля Гонерильи. – А теперь
Что скажет младшая из дочерей,
За чью любовь французская лоза
Соперничает с молоком бургундским?
Что скажешь ты, чтоб за собой оставить
Край более обширный и богатый,
Чем сестрин?

Корделия

Ничего, мой государь.

Лир

Как – ничего?

Корделия

Так, ничего.

Лир

Опомнись.

Из ничего не выйдет ничего.
Скажи ясней.

Корделия

(в сторону)

Как приневолить сердце
Жить напоказ? Мой добрый государь,
Я вас люблю, как долг велит дочерний,
Не больше и не меньше.

Л и р

Это – всё?

Корделия, поправься поскорей,
Пока еще не поздно.

К о р д е л и я

Государь,

Меня вы породили, воспитали,
Любили и лелеяли. В ответ
Я вас люблю и чту, как подобает
Послушной дочери. Но не скажу,
Как сестры, что я больше никого
Не полюблю. Когда я выйду замуж,
Часть моей нежности, любви, заботы
Достанется супругу. Я не стану
Любить и в женах одного отца.

Л и р

Так говоришь от сердца?

К о р д е л и я

Да, милорд.

Л и р

Так молода и так черства душой?

К о р д е л и я

Так молода, отец, и так правдива.

Л и р

Возьми ее в приданое себе –
Свою правдивость. Солнцем светозарным,
Плодотворящим землю, и луной,
И колдовскими чарами Гекаты,
И всеми тайнами ночных светил,
В чьей власти мы с рождения до смерти,
Клянусь, что отрекаюсь навсегда
От кровной связи, от родства с тобой
И всех забот отцовских. Дикий варвар,
Что пожирает собственных детей,
Отныне будет мне родней и ближе,
Чем ты, моя уже не дочь!

Л и р

Это – всё?

Корделия, поправься поскорей,
Пока еще не поздно.

К о р д е л и я

Государь,

Меня вы породили, воспитали,
Любили и лелеяли. В ответ
Я вас люблю и чту, как подобает
Послушной дочери. Но не скажу,
Как сестры, что я больше никого
Не люблю. Когда я выйду замуж,
Часть моей нежности, любви, заботы
Достанется супругу. Я не стану
Любить и в женах одного отца.

Л и р

Так говоришь от сердца?

К о р д е л и я

Да, милорд.

Л и р

Так молода и так черства душой?

К о р д е л и я

Так молода, отец, и так правдива.

Л и р

Возьми ее в приданое себе –
Свою правдивость. Солнцем светозарным,
Плодотворящим землю, и луной,
И колдовскими чарами Гекаты,
И всеми тайнами ночных светил,
В чьей власти мы с рождения до смерти,
Клянусь, что отрекаюсь навсегда
От кровной связи, от родства с тобой
И всех забот отцовских. Дикий варвар,
Что пожирает собственных детей,
Отныне будет мне родней и ближе,
Чем ты, моя уже не дочь!

Кент

Милорд...

Лир

Ни слова, Кент; не суйся поперек,
Когда дракон разгневан! – Я любил
Всех больше эту, младшую. Я думал:
Вот кто под старость будет мне опорой.

(Корделии.)

Сокройся с глаз моих! Чтоб мне в могиле
Покоя не найти, коль я не вырву
Тебя из сердца! – Короля зовите
И герцога Бургундского. Живей!

Несколько слуг уходят.

Вы, Корнуэл и Олбани, в добавок
К полученному прежде разделите
Между собой и эту треть. Пусть гордость,
Что кажется гордячке прямою,
Берет ее в супруги. Вас обоих
Я облакаю ныне нашей властью,
Величием и всем, что вытекает
Из власти и величья. Мы же сами
Намерены по месяцу гостить
У вас поочередно, с личной свитой
В сто рыцарей. Себе мы оставляем
Лишь имя с титулами; остальное –
Правленье, суд, налоги – целиком
Вам отдаем, зятьям моим любезным,
С короной вместе.

Кент

Благородный Лир,

Кого я чтил как своего монарха,
Любил и покорялся, как отцу,
Молился, как святому!...

Лир

Осторожней –
Стрела уже дрожит на тетиве!

К е н т

Милорд...

Л и р

Ни слова, Кент; не суйся поперек,
Когда дракон разгневан! – Я любил
Всех больше эту, младшую. Я думал:
Вот кто под старость будет мне опорой.

(Корделии.)

Сокройся с глаз моих! Чтоб мне в могиле
Покоя не найти, коль я не вырву
Тебя из сердца! – Короля зовите
И герцога Бургундского. Живей!

Несколько слуг уходят.

Вы, Корнуэл и Олбани, в добавок
К полученному прежде разделите
Между собой и эту треть. Пусть гордость,
Что кажется горячке прямою,
Берет ее в супруги. Вас обоих
Я облакаю ныне нашей властью,
Величием и всем, что вытекает
Из власти и величья. Мы же сами
Намерены по месяцу гостить
У вас поочередно, с личной свитой
В сто рыцарей. Себе мы оставляем
Лишь имя с титулами; остальное –
Правленье, суд, налоги – целиком
Вам отдаем, зятьям моим любезным,
С короной вместе.

К е н т

Благородный Лир,
Кого я чтил как своего монарха,
Любил и покорялся, как отцу,
Молился, как святому!...

Л и р

Осторожней –
Стрела уже дрожит на тетиве!

Кент

Так пусть летит и пусть пронзит мне сердце!
Кент будет груб, пока безумен Лир.
Опомнись! Или думаешь, я струшу
И промолчу, когда король блажит,
Опутан лестью? Чести долг не в этом.
Остынь, обдумай все по-королевски
И принятое в пагубной горячке
Решенье отмени. Ручаюсь жизнью,
Дочь младшая тебя не меньше любит,
Хоть меньше говорит. Лишь тот котел
Гудит, который пуст.

Лир

Ни слова больше!
Ты жизнью шутишь, Кент.

Кент

Я жизнь ценил
Не больше пешки, в бой ее бросая
За короля. Не пощажу и ныне
Для чести короля.

Лир

Прочь с глаз моих!

Кент

Смотри, король, изгнав из глаз прицел,
Не промахнись.

Лир

Клянусь великим Фебом!

Кент

Клянусь, клянешься Фебом ты напрасно.

Лир

Предатель! Негодяй! *(Выхватывает меч из ножжен.)*

Кент

Так пусть летит и пусть пронзит мне сердце!
Кент будет груб, пока безумен Лир.
Опомнись! Или думаешь, я струшу
И промолчу, когда король блажит,
Опутан лестью? Чести долг не в этом.
Остынь, обдумай все по-королевски
И принятое в пагубной горячке
Решенье отмени. Ручаюсь жизнью,
Дочь младшая тебя не меньше любит,
Хоть меньше говорит. Лишь тот котел
Гудит, который пуст.

Лир

Ни слова больше!
Ты жизнью шутишь, Кент.

Кент

Я жизнь ценил
Не больше пешки, в бой ее бросая
За короля. Не пощажу и ныне
Для чести короля.

Лир

Прочь с глаз моих!

Кент

Смотри, король, изгнав из глаз прицел,
Не промахнись.

Лир

Клянусь великим Фебом!

Лир

Клянусь, клянешься Фебом ты напрасно.

Лир

Предатель! Негодяй! *(Выхватывает меч из ножен.)*

Герцоги Корнуэльский и Олбанский

Государь!

Остановитесь!

К е н т

Что ж! Убей врача;
Болезни скверной этим не излечишь.
Нет, отмени неправоe решенье –
Иль буду я твердить тебе в лицо:
Худое ты творишь.

Л и р

Ты все сказал?
Так слушай же, что повелит монарх:
За то, что ты дерзнул подвигнуть нас
Нарушить наше клятвенное слово,
Что с честью королевской несовместно,
И вздумал прекословить нашей воле,
Вот приговор тебе: четыре дня
Даем тебе на сборы, чтоб на пятый
Покинул ты пределы королевства;
И помни: коль на следующий день
Застигнут будешь ты в моих владеньях,
То смерть тебе. Юпитером клянусь,
Быть по сему.

К е н т

Ну что ж, прощай, король.
Когда престол во власти сумасброда,
Изгнанье – здесь, а за морем – свобода.

(Корделии.)

Пусть небеса хранят тебя, дитя,
За то, что отвечала ты не лстя.

(Регане и Гонерилье.)

Желаю, леди, чтоб осталась в силе
Хоть часть того, что вы наговорили.
А Кент уйдет, – прощайте, господа! –
Под новым небом жить, как жил всегда.

Уходит.

Входит Глостер с королем Французским,
герцогом Бургундским и свитой.

К е н т

Убей врача!

Болезни скверной этим не излечишь.
Нет, отмени неправое решение –
Иль буду я твердить тебе в лицо:
Ты зло творишь.

Л и р

Ты все сказал, изменник?

Так слушай же, что повелит монарх:
За то, что ты дерзнул подвигнуть нас
Нарушить наше клятвенное слово,
Что с честью королевской несовместно,
И вздумал прекословить нашей воле,
Вот приговор тебе: четыре дня
Даем тебе на сборы, чтоб на пятый
Покинул ты пределы королевства;
И помни: коль на следующий день
Застигнут будешь ты в моих владеньях,
То смерть тебе. Юпитером клянусь,
Быть по сему.

К е н т

Ну что ж, прощай, король.
Когда престол во власти сумасброда,
Изгнанье – здесь, а за морем – свобода.

(Корделии.)

Пусть небеса хранят тебя, дитя,
За то, что отвечала ты не лъстя.

(Регане и Гонерилье.)

Желаю, леди, чтоб осталась в силе
Хоть часть того, что вы наговорили.
А Кент уйдет, – прощайте, господа! –
Под новым небом жить, как жил всегда.

Уходит.

Трубы.

Входит Глостер с королем Французским,
герцогом Бургундским и свитой.

Г л о с т е р

Король Французский и Бургундский герцог –
Здесь, государь.

Л и р

Вас, мой Бургундец, первым
Хочу спросить. Вы с королем Французским
За дочь мою вели любовный спор;
Каким довольствуетесь вы приданным,
Чтоб продолжать ходатайство свое,
Не отступившись?

Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й

Тем, что обещали
Вы прежде, благородный государь;
А меньше не предложите вы сами.

Л и р

Достойный герцог, прежде мы ценили
Ее дороже, но с тех пор, увы,
Цена упала. Вот она, глядите:
Коль что-то в этой маленькой притворе
Вам нравится, – берите так, как есть,
С немилостию нашу впридачу.

Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й

Я поражен; не знаю, что сказать.

Л и р

Ответьте мне: такую, как теперь,
Отверженную, нищую, в опале,
С приданным из отцовского проклятья –
Возьмете вы ее?

Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й

Простите, сэр;
Но на таких условиях – не решаюсь.

Л и р

А никаких других условий, герцог,
Нет у меня.

(Королю Французскому.)

Г л о с т е р

Король Французский и Бургундский герцог –
Здесь, государь.

Л и р

Вас, мой Бургундец, первым
Хочу спросить. Вы с королем Французским
За дочь мою вели любовный спор;
Каким довольствуетесь вы приданным,
Чтоб продолжать ходатайство свое.
Не отступившись?

Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й

Тем, что обещали
Вы прежде, благородный государь;
А меньше не предложите вы сами.

Л и р

Достойный герцог, прежде мы ценили
Ее дороже, но с тех пор, увы,
Цена упала. Вот она, глядите:
Коль что-то в этой маленькой притворе
Вам нравится, – берите так, как есть,
С немилостию нашею впридачу.

Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й

Я поражен; не знаю, что сказать.

Л и р

Ответьте мне: такую, как теперь,
Отверженную, нищую, в опале,
С приданым из отцовского проклятья
Возьмете вы ее?

Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й

Простите, сэр;
Но на таких условиях – не решаюсь.

Л и р

А никаких других условий, герцог,
Нет у меня

(Королю Французскому.)

Вам, славный мой король,
И предлагать не стану этой сделки,
Чтоб нам не раздружиться. Обратите
Свою любовь на более достойных
От этого презренного создання:
Самой Природе стыдно за нее.

Король Французский
Как странно! Та, которая была
Еще вчера любимицею вашей, –
Вы нахвалиться ею не могли! –
Была отрадой для отцовских глаз
И утешеньем старости, – так скоро
В немилость впала! Не могу представить,
Какой чудовищный ее поступок
Вдруг совершил такую перемену.

Корделия
Прошу вас, подтвердите, государь,
Что не убийство, не потеря чести,
Не заговор злодейский, не измена
Меня лишили милости отца,
А только неуменье лицемерить,
Юлить и угождать, – привычка делом
Доказывать любовь, а не словами,
Коль в том моя вина, я не стыжусь.

Лир
Уж лучше б ты не родилась,
Чем так отца родного опозорить.

Король Французский
И только-то? Природная стыдливость,
Которая не терпит пустозвонства
И чувств не выставляет напоказ, –
Причина этой бури? Что нам скажет
Наш друг, Бургундский герцог?

Герцог Бургундский
Я сказал.
Властительный король, я буду рад
Взять в жены вашу дочь, коль вы дадите
За нею то, что обещали прежде.

Вам, славный мой король,
И предлагать не стану этой сделки,
Чтоб нам не раздружиться. Обратите
Свою любовь на более достойных
От этого презренного создання:
Самой Природе стыдно за нее.

Король Французский

Как странно! Та, которая была
Еще вчера любимицею вашей, –
Вы нахвалиться ею не могли! –
Была отрадой для отцовских глаз
И утешеньем старости, – так скоро
В немилость впала! Не могу представить,
Какой чудовищный ее поступок
Вдруг совершил такую перемену.

Корделия

Прошу вас, подтвердите, государь,
Что не убийство, не потеря чести,
Не заговор злодейский, не измена
Меня лишили милости отца,
А только неуменье лицемерить,
Юлить и угождать, – привычка делом
Доказывать любовь, а не словами,
Коль в том моя вина, я не стыжусь.

Лир

Уж лучше б ты совсем не родилась,
Чем так отца родного опозорить.

Король Французский

И только-то? Природная стыдливость,
Которая не терпит пустозвонства
И чувств не выставляет напоказ, –
Причина этой бури? Что нам скажет
Наш друг, Бургундский герцог?

Герцог Бургундский

Я сказал.

Властительный король, я буду рад
Взять в жены вашу дочь, коль вы дадите
За нею то, что обещали прежде.

Лир

А я сказал, что и гроша не дам.

Герцог Бургундский

Мне жаль, но в этом случаю, боюсь,
Вы жениха теряете.

Корделия

Тем лучше.

Я не жалею, герцог. Вы искали,
Как видно, выгоды, а не любви.

Король Французский преклоняет колено перед Корделией.

Король Французский

Корделия, ты в бедности своей
Еще дороже мне, в пренебрежение –
Желаннее, в несчастье – любимей.
Тебя, отвергнутую, принимаю
Как дар судьбы. Ты будешь королевой
Прекрасной Франции, и общий жар
Любви и поклонения растопит
В твоей душе жестокий лед обиды.
Король, я в жены вашу дочь беру
Не бесприданницей. Она сама –
Сокровище. За тысячу Бургундий
Такой не купишь. Попрощайся с ними,
Корделия моя, и не горюй
О том, что покидаешь. Там, за морем
Ты лучший край найдешь.

Лир

Возьми ее.

Я дочери такой не знаю больше
И видеть не желаю. Пусть уходит
Без нашего напутствия, любви
И отчего благословенья. Нищей.

(Герцогу Бургундскому.)

Идемте, благородный герцог.

Уходят Лир, герцоги Бургундский, Корнуэльский и
Олбанский, Глостер, придворные и слуги.

Лир

А я сказал, что и гроша не дам.

Бургундский герцог
Мне жаль, но в этом случаю, боюсь,
Вы жениха теряете.

Корделия

Тем лучше.
Я не жалею, герцог. Вы искали,
Как видно, выгоды, а не любви.

Король Французский преклоняет колено перед Корделией.

Король Французский

Корделия, ты в бедности своей
Еще дороже мне, в пренебреженье –
Желаннее, в несчастьи – любимей.
Тебя, отвергнутую, принимаю
Как дар судьбы. Ты будешь королевой
Прекрасной Франции, и общий жар
Любви и поклонения растопит
В твоей душе жестокий лед обиды.
Король, я в жены вашу дочь беру
Не бесприданницей. Она сама –
Сокровище. За тысячу Бургундий
Такой не купишь. Попрощайся с ними,
Корделия моя, и не горюй
О том, что покидаешь. Там, за морем
Ты лучший край найдешь.

Лир

Возьми ее.
Я дочери такой не знаю больше
И видеть не желаю. Пусть уходит
Без нашего напутствия, любви
И отчего благословенья. Нищей.

(Герцогу Бургундскому.)

Идемте, благородный герцог.

Трубы.

Уходят Лир, герцоги Бургундский, Корнуэльский и
Олбанский, Глостер, придворные и слуги.

Король Французский
Что ж! попрощайся с сестрами, – и в путь.

Корделия
Сокровища отцовские, на вас
Гляжу омытыми слезами взором.
Я знаю цену вам и вашим чувствам,
Хоть как сестра об этом умолчу.
Пусть будет так. Любите же отца
Хоть в половину ваших обещаний.
Увы, когда бы не моя опала,
Я бы на вас надеяться не стала.
Прощайте.

Регана
Не учи нас, как нам чтить
Отца родного.

Гонерилья
Поучись-ка лучше,
Как угождать тому, кто взял тебя
Из жалости, как нищенку. Свой жребий
Строптивостью вполне ты заслужила.

Корделия
Покажет время, кто лукав, кто нет,
И тайные дела явит на свет.
Счастливо оставаться вам.

Король Французский
Идем,
Моя Корделия!

Уходят король Французский и Корделия.

Гонерилья
Сестра, нам надо серьезно поговорить. Сама видишь, как обстоят дела.
Я думаю, король сегодня же покинет замок.

Регана
По всей вероятности, он поедет к тебе. А на следующий месяц – к нам.

Король Французский
Что ж! попрощайся с сестрами, – и в путь.

Корделия
Сокровища отцовские, на вас
Гляжу омытыми слезами взором.
Я знаю цену вам и вашим чувствам,
Хоть как сестра об этом умолчу.
Пусть будет так. Любите же отца
Хоть в половину ваших обещаний.
Увы, когда бы не моя опала,
Я бы на вас надеяться не стала.
Прощайте.

Регана
Не учи нас, как нам чтить
Отца родного.

Гонерилья
Поучись-ка лучше,
Как угождать тому, кто взял тебя
Из жалости, как нищенку. Свой жребий
Строптивостью вполне ты заслужила.

Корделия
Покажет время, кто лукав, кто нет,
И тайные дела явит на свет.
Счастливо оставаться вам.

Король Французский
Идем,
Моя Корделия!
Уходят король Французский и Корделия.

Гонерилья
Сестра, нам надо серьезно поговорить. Сама видишь, как обстоят дела.
Я думаю, король сегодня же покинет замок.

Регана
По всей вероятности, он поедет к тебе. А на следующий месяц – к нам.

Гонерилья

Ты заметила, как внезапно меняются его настроения? Младшая всегда была его любимицей, и вдруг так с нею обойтись! Это уж чересчур.

Регана

Старость портит характер. Впрочем, он всегда был вспыльчив.

Гонерилья

Прежде он был только вспыльчив; но подумай, что будет, когда эта привычка соединится с раздражительностью, неизбежной в дряхлом возрасте.

Регана

Он может и на нас наброситься вдруг, как на бедного Кента, которого он едва не убил.

Гонерилья

А как грубо он распрощался с королем Франции! Нам нужно во всем быть заодно. Если он и дальше намерен так себя вести, значит он отрекся лишь для того, чтобы еще больше нас унижить.

Регана

Поразмыслим об этом.

Гонерилья

Нужно что-то делать. И чем скорее, тем лучше.

Уходят.

СЦЕНА II

Входит Эдмунд.

Эдмунд

Природа, только ты моя богиня.
Тебе одной служу. Ужель я должен
Склониться пред обычаем нелепым
И ветхим правилом – лишь оттого,
Что я на десять иль двенадцать лун
Моложе брата? Незаконный сын!
Что это значит? Или я сложенъем,

Гонерилья

Ты заметила, как внезапно меняются его настроения? Младшая всегда была его любимицей, и вдруг так с нею обойтись! Это уж чересчур.

Регана

Старость портит характер. Впрочем, он всегда был вспыльчив.

Гонерилья

Прежде он был только вспыльчив; но подумай, что будет, когда эта привычка соединится с раздражительностью, неизбежной в дряхлом возрасте.

Регана

Он может и на нас наброситься вдруг, как на бедного Кента, которого он едва не убил.

Гонерилья

А как грубо он распрощался с королем Франции! Нам нужно во всем быть заодно. Если он и дальше намерен так себя вести, значит он отрекся лишь для того, чтобы еще больше нас унижить.

Регана

Поразмыслим об этом.

Гонерилья

Нужно что-то делать. И чем скорее, тем лучше.

Уходят.

СЦЕНА II

Входит Эдмунд.

Эдмунд

Природа, только ты моя богиня.
Тебе одной служу. Ужель я должен
Склониться пред обычаем нелепым
И ветхим правилом – лишь оттого,
Что я на десять иль двенадцать лун
Моложе брата? Незаконный сын!
Что это значит? Или я сложеньем,

Лицом, манерами или умом
Ущербнее того, кто был зачат
В супружеской постели? Что за кличка,
Которой метят, как бычков тавром,
Таких, как я? Бастард! Сынок побочный!
Как будто в сладкий миг любви запретной
Природа не творит сильнее и ярче,
Чем в затхлой, душной и унылой спальне,
Где, одурев от сна, плодят вслепую
Трусливых олухов? Я больше вправе
Владеть землей отцовской, чем Эдгар,
Хоть он и старше. Своего бастарда
Отец не меньше любит, чем тебя,
Законный отпрыск. Если план удастся
И он прочтет письмо, – побочный сын
Восторжествует над сынком законным.
Смелей, бастарды! Боги любят вас.

Входит Глостер.
Эдмунд читает письмо.

Г л о с т е р

Ну и дела! Изгнать с позором Кента,
Обидеть Францию, а самому
Отречься от своей монаршей власти,
Оставив только титул? Сгоряча,
Как будто злою мухою ужален?
– Какие вести, Эдмунд?

Э д м у н д

Никаких, милорд.

Г л о с т е р

Почему ты прячешь это письмо?

Э д м у н д

Никаких особых вестей нет, милорд.

Г л о с т е р

Что за письмо ты читал?

Э д м у н д

Так, пустяки.

Лицом, манерами или умом
Ущербнее того, кто был зачат
В супружеской постели? Что за кличка,
Которой метят, как бычков тавром,
Таких, как я? Бастард! Сынок побочный!
Как будто в сладкий миг любви запретной
Природа не творит сильнее и ярче,
Чем в затхлой, душной и унылой спальне,
Где, одурев от сна, плодят вслепую
Трусливых олухов? Я больше вправе
Владеть землей отцовской, чем Эдгар,
Хоть он и старше. Своего бастарда
Отец не меньше любит, чем тебя,
Законный отпрыск. Если план удастся
И он прочтет письмо, – побочный сын
Восторжествует над сынком законным.
Смелей, бастарды! Боги любят вас.

Входит Глостер.
Эдмунд читает письмо.

Глостер

Ну и дела! Изгнать с позором Кента,
Обидеть Францию, а самому
Отречься от своей монаршей власти,
Оставив только титул? Сгоряча,
Как будто злою мухою ужален?
– Какие вести, Эдмунд?

Эдмунд

Никаких, милорд.

Глостер

Почему ты прячешь это письмо?

Эдмунд

Никаких особых вестей нет, милорд.

Глостер

Что за письмо ты читал?

Эдмунд

Так, пустяки.

Г л о с т е р

Пустяки? Почему же ты так поспешно сунул его в карман? Пустяков так не прячут. Покажи-ка мне эту бумагу. Если там действительно пустяки, мы это увидим без очков.

Э д м у н д

Прошу простить меня, сэр. Это письмо от брата, которое я еще не дочитал до конца. Но из того, что я успел понять, лучше бы вам в него не заглядывать.

Г л о с т е р

Дай-ка мне его сюда.

Э д м у н д

Не отдать – плохо, а отдать – еще хуже. Судя по началу, письмо весьма предосудительное.

Г л о с т е р
(беря письмо)

Сейчас увидим.

Э д м у н д

Зная брата, могу предположить, что этим письмом он хотел только испытать меня.

Г л о с т е р
(читает)

«Обычай уважать старость портит лучшие годы нашей жизни, лишая нас возможности пользоваться наследственным добром до той поры, пока мы сами не одряхлеем. Эта тирания стариков несносна и держится не на их силе, а лишь на нашем согласии ее терпеть. Подробнее поговорим при встрече. Если бы наш отец уснул без пробуждения, ты бы мог пользоваться половиной его доходов и вдобавок вечной дружбой твоего брата Эдгара».

Ах, вот как – заговор? «Если бы наш отец уснул без пробуждения...» И это пишет мой сын Эдгар? Да как у него рука не отсохла такое написать! – Когда это пришло? Кто доставил письмо?

Э д м у н д

Его никто не доставлял, милорд. В том-то и штука. Я нашел его у себя на подоконнике.

Г л о с т е р

Это почерк брата?

Э д м у н д

Если бы содержание было другое, я бы сказал, что почерк его. Но в этих обстоятельствах я склонен думать, что нет.

Г л о с т е р

Пустяки? Почему же ты так поспешно сунул его в карман? Пустяков так не прячут. Покажи-ка мне эту бумагу. Если там действительно пустяки, мы это увидим без очков.

Э д м у н д

Прошу простить меня, сэр. Это письмо от брата, которое я еще не дочитал до конца. Но из того, что я успел понять, лучше бы вам в него не заглядывать.

Г л о с т е р

Дай-ка мне его сюда.

Э д м у н д

Не отдать – плохо, а отдать – еще хуже. Судя по началу, письмо весьма предосудительное.

Г л о с т е р
(беря письмо)

Сейчас увидим.

Э д м у н д

Зная брата, могу предположить, что этим письмом он хотел только испытать меня.

Г л о с т е р
(читает)

«Обычай уважать старость портит лучшие годы нашей жизни, лишая нас возможности пользоваться наследственным добром до той поры, пока мы сами не одряхлеем. Эта тирания стариков несносна и держится не на их силе, а лишь на нашем согласии ее терпеть. Подробней поговорим при встрече. Если бы наш отец уснул без пробуждения, ты бы мог пользоваться половиной его доходов и вдобавок вечной дружбой твоего брата Эдгара».

Ах, вот как – заговор? «Если бы наш отец уснул без пробуждения...» И это пишет мой сын Эдгар? Да как у него рука не отсохла такое написать! – Когда это пришло? Кто доставил письмо?

Э д м у н д

Его никто не доставлял, милорд. В том-то и штука. Я нашел его у себя на подоконнике.

Г л о с т е р

Это почерк брата?

Э д м у н д

Если бы содержание было другое, я бы не замедлил подтвердить, что почерк его. Но в этих обстоятельствах я склонен думать, что нет.

Г л о с т е р

Это его рука.

Э д м у н д

Рука его, милорд, но я надеюсь, что к его сердцу это не имеет никакого отношения.

Г л о с т е р

Не высказывал ли он тебе прежде подобных мыслей?

Э д м у н д

Никогда, милорд. Хотя я слышал от него неоднократно, что когда сыновья уже в зрелом возрасте, старикам следовало бы перейти под их опеку, а сыновьям – распорядиться всеми доходами.

Г л о с т е р

Ах он, злодей! Те же самые мысли, что в письме! Отвратительный негодяй! Попрать законы, природу, обычаи? Скотина неблагодарная! Скорее сыскать его, арестовать на месте. Фу, какой негодяй! Где он сейчас, Эдмунд?

Э д м у н д

Не знаю точно, милорд. Но если бы вам было угодно сдержать на время свое возмущение, можно было бы точнее выведать его истинные намерения. Если, неверно их поняв, вы сразу посадите его под замок, вы этим только нанесете урон своей чести и навсегда убьете в нем сыновнее почтение. Ручаюсь вам: он это написал, чтобы испытать мою любовь к вашей милости, и ни для чего другого.

Г л о с т е р

Ты так думаешь?

Э д м у н д

Если ваша милость согласится, я могу сделать так, чтобы вы услышали наши переговоры и убедились во всем собственными ушами. Чтобы не откладывать – хоть сегодня вечером.

Г л о с т е р

Не может быть, чтобы он оказался таким чудовищем.

Г л о с т е р

Это его рука.

Э д м у н д

Рука его, милорд, но я надеюсь, что к его сердцу это не имеет никакого отношения.

Г л о с т е р

Не высказывал ли он тебе прежде подобных мыслей?

Э д м у н д

Никогда, милорд. Хотя я слышал от него неоднократно, что когда сыновья уже в зрелом возрасте, старикам следовало бы перейти под их опеку, а сыновьям – распорядиться всеми доходами.

Г л о с т е р

Ах он, злодей! Те же самые мысли, что в письме! Отвратительный негодяй! Попрать законы, природу, обычаи? Скотина неблагодарная! Скорее сыскайте его, арестовать на месте. Фу, какой негодяй! Где он сейчас, Эдмунд?

Э д м у н д

Не знаю точно, милорд. Но если бы вам было угодно сдержать на время свое возмущение, можно было бы точнее выведать его истинные намерения. Если, неверно их поняв, вы сразу посадите его под замок, вы этим только нанесете урон своей чести и навсегда убьете в нем сыновнее почтение. Ручаюсь вам: он это написал, чтобы испытать мою любовь к вашей милости, и ни для чего другого.

Г л о с т е р

Ты так думаешь?

Э д м у н д

Если ваша милость согласится, я могу сделать так, чтобы вы услышали наши переговоры и убедились во всем собственными ушами. Чтобы не откладывать – хоть сегодня вечером.

Г л о с т е р

Не может быть, чтобы он оказался таким чудовищем. Эдмунд, сыщи его сейчас же, поговори начистоту. Притворись половчее. Я готов все отдать, лишь бы узнать правду.

Эдмунд

Конечно, нет.

Глостер

Отца, который его так нежно, так искренне любил! Громы небесные! Эдмунд, сыщи его сейчас же, поговори начистоту. Притворись половчее. Я готов все отдать, лишь бы узнать правду.

Эдмунд

Я его разыщу, сэр, и сообщу вам.

Глостер

Эти недавние затмения, солнечное и лунное, не предвещают ничего хорошего. Пусть ученые объясняют их естественными причинами, ясно, что они посланы нам в наказание. Что мы видим? Любовь остывает, дружба гибнет, братская привязанность рушится. В городах бунты, в деревнях раздоры, во дворцах измены, сыновья ополчаются на отцов. – Отыщи этого изверга, Эдмунд, изобличи его; постарайся ради меня. – А честный, благородный Кент изгнан, изгнан за честность. Странные дела творятся!

Уходит.

Эдмунд

Вот удивительная глупость – и мир в это верит! Будто бы в несчастьях, что мы сами причиняем себе своей распущенностью, виновато расположение звезд, солнца и луны. словно мы злодеи по необходимости, дураки по воле небес, мошенники, воры и предатели по несчастливому раскладу звезд, лжецы, пьяницы и прелюбодеи из-за непреодолимого влияния какой-то планеты. И все зло, что мы творим, предопределено свыше. Прекрасная увертка для распутника – свалить свои распутные делишки на звезды. Я был зачат под хвостом Дракона, родился под мордой Большой Медведицы – отсюда следует, что я жесток и похотлив. Чуть! Я стал бы тем, кто я есть, если бы даже самая стыдливая звездочка мерцала над той поляной, где мой отец брюхатил мою мать. Эдгар...

Входит Эдгар.

А вот он и сам; легок на помине, как Порок в старинной комедии. Напушу на себя мрачную задумчивость и буду вздыхать, как полоумные в Бедламе. – Эти затмения сулят большие треволнения. Фа-фа-фа-ля-ля-ля...

Эдгар

Как дела, Эдмунд? Над чем ты так серьезно размышляешь?

Эдмунд

Я его разыщу, сэр, и сообщу вам.

Глостер

Эти недавние затмения, солнечное и лунное, не предвещают ничего хорошего. Пусть ученые объясняют их естественными причинами, ясно, что они посланы нам в наказание. Что мы видим? Любовь остывает, дружба гибнет, братская привязанность рушится. В городах бунты, в деревнях раздоры, во дворцах измены. Семейные узы рвутся. То сын ополчается на отца, как в моем случае, то отец отвергает собственную дочь – как король, поступивший вопреки природе. Лучшие времена в прошлом; будущее будет еще хуже. Интриги, предательства, пустота сердец и череда губительных бед – вот что проводит нас до могилы. – Отыщи этого изверга, Эдмунд, избличи его; постарайся ради меня. – А честный, благородный Кент изгнан, изгнан за честность. Странные дела творятся!

Уходит.

Эдмунд

Вот удивительная глупость – и мир в это верит! Будто бы в несчастьях, что мы сами причиняем себе своей распущенностью, виновато расположение звезд, солнца и луны. Словно мы злодеи по необходимости, дураки по воле небес, мошенники, воры и предатели по несчастливому раскладу звезд, лжецы, пьяницы и прелюбодеи из-за непреодолимого влияния какой-то планеты. И все зло, что мы творим, предопределено свыше. Прекрасная увертка для распутника – свалить свои распутные делишки на звезды. Я был зачат под хвостом Дракона, родился под мордой Большой Медведицы – отсюда следует, что я жесток и похотлив. Я стал бы тем, кто я есть, если бы даже самая стыдливая звездочка мерцала над той поляной, где мой отец брюхатил мою мать.

Входит Эдгар.

А вот он и сам; легок на помине, как Порок в старинной комедии. Напушу на себя мрачную задумчивость и буду вздыхать, как полоумные в Бедламе. – Эти затмения сулят большие треволнения. Фа-фа-фа-ля-ля-ля...

Эдгар

Как дела, Эдмунд? Над чем ты так серьезно размышляешь?

Эдмунд

Я думаю, брат, о том, что только что прочел: о бедах, что нам предвещают затмения.

Эдгар

Неужто ты придаешь этому значение?

Эдмунд

Сам посуди. Тут написано, что за этими затмениями последует череда несчастий: мор, засуха, вражда между детьми и родителями, ссоры между друзьями, придворные заговоры, мятежи, междоусобицы, изгнание друзей, разводы и я не знаю, что еще.

Эдгар

И ты веришь в астрологические бредни?

Эдмунд

Ну, ладно, оставим эту тему. Давно ли ты видел отца?

Эдгар

Вчера вечером. А в чем дело?

Эдмунд

Ты говорил с ним?

Эдгар

Целых два часа.

Эдмунд

Вы расстались мирно? Не заметил ли ты чего-то необычного в его словах или тоне?

Эдгар

Да нет.

Эдмунд

Подумай, чем ты мог оскорбить его или обидеть. И самое главное: не показывайся ему на глаза, пока не уляжется гнев, который в нем невесть с чего разбушевался. В такую минуту он может сделать с тобой не знаю что.

Эдгар

Какой-то негодяй меня оклеветал.

Эдмунд

Я думаю, брат, о том, что только что прочел: о бедах, что нам предвещают эти затмения.

Эдгар

Неужто ты придаешь этому значение?

Эдмунд

К несчастью, все это уже начинает сбываться. Давно ли ты видел отца?

Эдгар

Вчера вечером. А в чем дело?

Эдмунд

Ты говорил с ним?

Эдгар

Целых два часа.

Эдмунд

Вы расстались мирно? Не заметил ли ты чего-то необычного в его словах или тоне?

Эдгар

Да нет.

Эдмунд

Подумай, чем ты мог оскорбить его или обидеть. И самое главное: не показывайся ему на глаза, пока не уляжется гнев, который в нем невесть с чего разбушевался. В такую минуту он может сделать с тобой не знаю что.

Эдгар

Какой-то негодяй меня оклеветал.

Эдмунд

Боюсь, что так, братец. Вот тебе мой добрый совет. С оружием не расставайся. Я совру, если стану уверять, что против тебя не замышляется что-то недоброе. То, что я рассказал, еще цветочки, на самом деле все еще страшнее. Прошу тебя, скорее скройся!

Эдгар

Но я тебя еще увижу?

Эдмунд

Будь спокоен. Твои неприятности – моя забота.

Эдгар уходит.

Доверчивый отец и честный сын,
Чье благородство чуждо подозрений;
На этой честности я и сыграю.
Бастард? Зато умом не простоват –
И, значит, прав. Вот так вокруг мизинца
Я обведу законного глупца
И завладею землями отца.

Уходит.

СЦЕНА III

Входят Гонерилья и Освальд.

Гонерилья

Это правда, что отец ударил нашего придворного за то, что тот выбрал его шута?

Освальд

Да, мадам.

Эдмунд

Боюсь, что так, братец. Умоляю тебя, не попадайся ему на глаза, пока не пройдет эта дурная вспышка. Знаешь что – укройся пока в моей комнате. Я сообщу тебе, когда настанет подходящий момент для вашего разговора. Вот тебе ключ. Если захочешь выйти, захвати с собой оружие.

Эдгар

Оружие?

Эдмунд

Поверь, это добрый совет. Я совру, если стану уверять, что против тебя не замышляется что-то недоброе.

Эдгар

Ты скоро вернешься?

Эдмунд

Будь спокоен. Твои неприятности – моя забота.

Эдгар уходит.

Доверчивый отец и честный сын,
Чье благородство чуждо подозрений;
На этой честности я и сыграю.
Бастард? Зато умом не простоват –
И, значит, прав. Вот так вокруг мизинца
Я обведу законного глупца
И завладею землями отца.

Уходит.

СЦЕНА III

Входят Гонерилья и Освальд.

Гонерилья

Это правда, что отец ударил нашего придворного за то, что тот выбрал его шута?

Освальд

Да, мадам.

Гонерилья

Он мне чинит обиды днем и ночью,
Без счета безобразия творит;
От рыцарей его житья не стало.
И он же упрекает нас во всем!
Такое положенье нестерпимо.
Когда вернется он с охоты, Освальд,
Скажи, что я не выхожу, – больна.
И не бросайся исполнять приказы;
Служи с прохладцей; я за все отвечу.

Звуки рога за сценой.

Освальд

Он возвращается, мадам: я слышу.

Гонерилья

Не угождай ему. Вели и слугам
Не суетиться и не угождать.
Не нравится – пускай к сестрице едет;
Она во всем со мной единокровна
И не позволит помыкать собой.
Ему всё кажется, что он владеет
Верховной властью. Старики, как дети:
И ласка, и острастка им нужна,
Чтоб осадить порою шалуна.
Запомни это.

Освальд

Хорошо, мадам.

Гонерилья

Служите людям короля небрежно;
Пусть возмущаются. Мне нужен повод,
Чтоб объясниться с ним начистоту.
Тем временем я напишу сестре,
Чтоб нам держаться заодно. Ступай же,
Распорядись об ужине.

Уходят.

Гонерилья

Он мне чинит обиды днем и ночью,
Без счета безобразия творит;
От рыцарей его житья не стало.
И он же упрекает нас во всем!
Такое положенье нестерпимо.
Когда вернется он с охоты, Освальд,
Скажи, что я не выхожу, – больна.
И не бросайся исполнять приказы;
Служи с прохладцей; я за все отвечу

Звуки рога за сценой.

Освальд

Он возвращается, мадам: я слышу.

Гонерилья

Не угождай ему. Вели и слугам
Не суетиться и не угождать.
Не нравится – пускай к сестрице едет;
Мы с ней во всех делах единокорны.
Запомни это.

Освальд

Хорошо, мадам.

Гонерилья

Служите людям короля небрежно;
Пусть возмущаются. Мне нужен повод,
Чтоб объясниться с ним начистоту.
Тем временем я напишу сестре,
Чтоб нам держаться заодно. Ступай же,
Распорядись об ужине.

Уходят.

СЦЕНА IV

Входит Кент (переодетый).

Кент

Я бороду убрал; когда в придачу
Еще и выговор я изменю,
Чтобы меня по речи не признали,
Мой план удастся. Послужи-ка, Кент,
Там, где изгнанник ты и вне закона;
Авось твой старый добрый господин
Сочтет, что новобранец пригодится.

Охотничьи рожки за сценой.

Входит Лир и его рыцари.

Лир

Подождем обеда здесь. Сходи, поторопи их.

Слуга уходит.

А ты кто такой?

Кент

Человек, сэра.

Лир

В чем твое ремесло? На что ты годишься?

Кент

Мое ремесло простое – быть, а не казаться. Верно служить тому, кто мне верит, любить честных, говорить с умными, избегать болтунов, бояться греха и срама, драться, если драки не избежать, и не есть рыбы.

Лир

Кто же ты такой?

Кент

Честный малый, такой же бедный, как наш король.

Лир

Если ты так же беден среди подданных, как он среди монархов, ты воистину беден. Чего ты желаешь?

СЦЕНА IV

Входит Кент (переодетый).

Кент

Я бороду убрал; когда в придачу
Еще и выговор я изменю,
Чтобы меня по речи не признали,
Мой план удастся. Послужи-ка, Кент,
Там, где изгнанник ты и вне закона;
Авось твой старый добрый господин
Сочтет, что новобранец пригодится.

Охотничьи рожки за сценой.
Входит Лир и его рыцари.

Лир

Подождем обеда здесь. Сходи, поторопи их.

Слуга уходит.

А ты кто такой?

Кент

Человек, сэра.

Лир

В чем твое ремесло? На что ты годишься?

Кент

Мое ремесло простое – быть, а не казаться. Верно служить тому, кто мне верит, любить честных, говорить с умными, избегать болтунов, бояться греха и срама, драться, если драки не избежать, и не есть рыбы.

Лир

Кто же ты такой?

Кент

Честный малый, такой же бедный, как наш король.

Лир

Если ты так же беден среди подданных, как он среди монархов, ты воистину беден. Чего ты желаешь?

Кент

Служить.

Лир

Кому ты желаешь служить?

Кент

Вам.

Лир

Ты знаешь меня, не правда ли?

Кент

Нет, но у вас в лице есть что-то такое, что внушает уважение.

Лир

Что же это?

Кент

Достоинство.

Лир

Что ты умеешь делать?

Кент

Что угодно. Умею держать язык за зубами, бежать или скакать куда прикажут, точно исполнять и докладывать без лишних слов. В общем, я малый на все руки, и вдобавок ретив и расторопен.

Лир

Сколько тебе лет?

Кент

Я не так молод, чтобы влюбиться в женщину за ее песенки, и не так стар, чтобы всякая юбка могла мною вертеть. А лет на моем горбу сорок восемь.

Лир

Хорошо, будь при мне; посмотрим, какова твоя служба. Если ты не разочуешься мне после обеда, оставайся и дальше. – Эй, где наш обед? И где мой шут? Сыщите и доставьте сюда моего шута.

Уходит один из рыцарей. Входит Освальд.

Скажи-ка, любезный, где сейчас моя дочь?

Кент
Служить.

Лир
Кому ты желаешь служить?

Кент
Вам.

Лир
Ты знаешь меня, не правда ли?

Кент
Нет, но у вас в лице есть что-то такое, что внушает уважение.

Лир
Что же это?

Кент
Достоинство.

Лир
Что ты умеешь делать?

Кент
Что угодно. Умею держать язык за зубами, бежать или скакать куда прикажут, точно исполнять и докладывать без лишних слов. В общем, я малый на все руки, и вдобавок ретив и расторопен.

Лир
Сколько тебе лет?

Кент
Я не так молод, чтобы влюбиться в женщину за ее песенки, и не так стар, чтобы всякая юбка могла мною вертеть. А лет на моем горбу сорок восемь.

Лир
Хорошо, будь при мне; посмотрим, какова твоя служба. Если ты не разочуешься мне после обеда, оставайся и дальше. – Эй, где наш обед? И где мой шут? Сыщите и доставьте сюда моего шута.

Уходит один из рыцарей. Входит Освальд.

Скажи-ка, любезный, где сейчас моя дочь?

О с в а л ь д

С вашего позволения, сэр...

Уходит.

Л и р

Что он сказал? Позовите этого олуха обратно!

Уходят Кент и один из рыцарей.

Где же мой шут? Тут все заснули, что ли?

Возвращаются Кент и рыцарь.

Ну, как? Где этот бездельник?

К е н т

Он сказал, милорд, что ваша дочь нездорова.

Л и р

Почему этот олух не вернулся, когда я его позвал?

П е р в ы й р ы ц а р ь

Сэр, он мне ответил в самых округлых выражениях, что ему сейчас неудобно.

Л и р

Так и сказал?

П е р в ы й р ы ц а р ь

Милорд, я не понимаю, в чем тут дело, но, на мой взгляд, вашему высокочеству не оказывают здесь того уважения, которое прилично вашему титулу. Мне кажется, что слуги в замке сделались менее любезны, а равным образом и сам герцог, и ваша дочь.

Л и р

Ха! Ты так думаешь?

П е р в ы й р ы ц а р ь

Прошу меня простить, если я ошибаюсь, милорд; но долг не позволяет мне молчать, когда я вижу, что чести вашего величества наносится ущерб.

Освальд

С вашего позволения, сэр...

Уходит.

Лир

Что он сказал? Позовите этого олуха обратно!

Уходит один из рыцарей.

Где же мой шут? Тут все заснули, что ли?

Возвращается рыцарь.

Ну, как? Где этот бездельник?

Первый рыцарь

Он сказал, милорд, что ваша дочь нездорова.

Лир

Почему этот олух не вернулся, когда я его позвал?

Первый рыцарь

Сэр, он мне ответил в самых округлых выражениях, что ему сейчас неудобно.

Лир

Так и сказал?

Первый рыцарь

Милорд, я не понимаю, в чем тут дело, но, на мой взгляд, вашему высочеству не оказывают здесь того уважения, которое прилично вашему титулу. Мне кажется, что слуги в замке сделались менее любезны, а равным образом и сам герцог, и ваша дочь.

Лир

Ха! Ты так думаешь?

Первый рыцарь

Прошу меня простить, если я ошибаюсь, милорд; но долг не позволяет мне молчать, когда я вижу, что чести вашего величества наносится ущерб.

Лир

Может быть, ты и прав; у меня тоже возникало такое ощущение. Я замечал, что в последнее время мне прислуживали с лендой и с неохотой, но приписывал это скорее своей мнительности, чем какому-то намерению. Посмотрим, что будет дальше. Но куда же подевался мой шут? Я не видел его уже два дня.

Первый рыцарь

С тех пор, как молодая госпожа уехала во Францию, наш бедный шут загрустил не на шутку.

Лир

Довольно об этом. Я и сам заметил. – Ступайте к моей дочери и скажите, что я хочу с ней говорить.

Слуга уходит.

И приведите сюда шута.

Уходит другой рыцарь. Входит Освальд.

Лир

А, это ты, мой любезный? Пойди-ка сюда поближе. Кто я такой, по твоему?

Освальд

Отец моей госпожи...

Лир

«Отец твоей госпожи»? Ах ты, негодяй своего господина, сучий сын! Шавка кудлатая!

Освальд

Я не сучий сын, милорд, и не шавка, с вашего позволения.

Лир

Как ты смеешься так смотреть на меня, наглец?

(Бьет его.)

Освальд

Меня нельзя бить, милорд.

Кент

(подножкой сбивает Освальда с ног)

А пинать, как мяч, можно?

Лир

Может быть, ты и прав; у меня тоже возникало такое ощущение. Я замечал, что в последнее время мне прислуживали с ленцой и с неохотой, но приписывал это скорее своей мнительности, чем какому-то намерению. Посмотрим, что будет дальше. Но куда же подевался мой шут? Я не видел его уже два дня.

Первый рыцарь

С тех пор, как молодая госпожа уехала во Францию, наш бедный шут загрустил не на шутку.

Лир

Довольно об этом. Я и сам заметил. – Ступайте к моей дочери и скажите, что я хочу с ней говорить.

Слуга уходит.

И приведите сюда шута.

Уходит другой рыцарь. Входит Освальд.

Лир

А, это ты, мой любезный? Пойди-ка сюда поближе. Кто я такой, по твоему?

Освальд

Отец моей госпожи...

Лир

«Отец твоей госпожи»? Ах ты, негодяй своего господина, сучий сын! Шавка кудлатая!

Освальд

Я не сучий сын, милорд, и не шавка, с вашего позволения.

Лир

Как ты смеешься так смотреть на меня, наглец?

(Бьет его.)

Освальд

Меня нельзя бить, милорд.

Кент

(подножкой сбивает Освальда с ног)

А пинать, как мяч, можно?

Л и р

Благодарю тебя, приятель. Ты хорошо мне служишь.

К е н т

(Освальду)

Ну, вставай, живо! Я научу тебя уважать старших. Ступай прочь, деревенщина! Не то я снова растяну тебя во всю длину. Смекнул? Ну, то-то.

О с в а л ь д уходит.

Л и р

Благодарю тебя, дружище. Вот тебе честно заработанное.

(Дает ему денег.)

Входит Ш у т.

Ш у т

А вот и от меня награда – мой петушиный гребень.

Л и р

Что это значит, дружок?

Ш у т

(Кенту)

Бери смело; эта шапка по тебе.

Л и р

Почему, дурак?

Ш у т

Потому что только дурак вступается за тех, кому изменила фортуна. Надо знать, откуда ветер дует, а то недолго и простудиться. Так что бери мой петуший гребень, не сомневайся. Погляди на этого мудреца: он прогнал двух своих дочерей, а третью благословил против своей воли. Если ты будешь ему служить, мой колпак тебе как раз впору. (Лир.) Как дела, дядюшка? Если бы у меня было две дочери, я бы купил себе два колпака с колокольчиками.

Л и р

Для чего, дурак?

Ш у т

Я бы отдал все свое добро дочерям, а себе оставил два дурацких колпака. Хочешь, одолжу тебе один? Второй попроси у дочек.

Л и р

Берегись, любезный, как бы тебе не отведать плетки.

Л и р

Благодарю тебя, приятель. Ты хорошо мне служишь.

К е н т

(Освальду)

Ну, вставай, живо! Я научу тебя уважать старших. Ступай прочь, деревенщина! Не то я снова растяну тебя во всю длину. Смекнул? Ну, то-то.

О с в а л ь д уходит.

Л и р

Благодарю тебя, дружище. Вот тебе честно заработанное.

(Дает ему денег.)

Входит Ш у т.

Ш у т

А вот и от меня награда – мой петушиный гребень.

Л и р

Что это значит, дружок?

Ш у т

(Кенту)

Бери смело; эта шапка по тебе.

Л и р

Почему, дурак?

Ш у т

Потому что только дурак вступается за тех, кому изменила фортуна. Надо знать, откуда ветер дует, а то недолго и простудиться. Так что бери мой петуший гребень, не сомневайся. Погляди на этого мудреца: он прогнал двух своих дочерей, а третью благословил против своей воли. Если ты будешь ему служить, мой колпак тебе как раз впору. (Лир.) Как дела, дядюшка? Если бы у меня было две дочери, я бы купил себе два колпака с колокольчиками.

Л и р

Для чего, дурак?

Ш у т

Я бы отдал все свое добро дочерям, а себе оставил два дурацких колпака. Хочешь, одолжу тебе один? Второй попроси у дочек.

Л и р

Берегись, любезный, как бы тебе не отведать плетки.

Ш у т

Правде, как верному псу, всегда грозят плеткой: убирайся к себе в конуру, слишком громко лаешь. А сучка Бланш скачет перед камином и радостно тявкает.

Л и р

Это не парень, а сушая язва.

Ш у т

Хочешь, я скажу тебе мудрый стишок?

Л и р

Скажи.

Ш у т

Запоминай, дядюшка:

Считай то, что тратишь,
Хватай, что ухватишь,
Таи то, что знаешь,
Держи, что поймаешь,
Цени, что имеешь,
Пожнешь, что посеешь,
Не пей больше кружки,
Не верь потаскушке, –
Не станешь убогим
Скитальцем безрогим.

Л и р

Ничего мудрого я тут не вижу.

Ш у т

Так ты и не заплатил мне ничего. Мудрость денежек стоит, как говорил один адвокат.

Л и р

И то правда. Из ничего ничего и не выйдет.

Ш у т

(Кенту)

Объясни ему, приятель, что то же самое с доходами от земли, которую он раздал.

Л и р

Злой дурак!

Ш у т

Правде, как верному псу, всегда грозят плеткой: убирайся к себе в конуру, слишком громко лаешь. А сучка Бланш скачет перед камином и радостно тявкает.

Л и р

Это не парень, а суцая язва.

Ш у т

Хочешь, я скажу тебе мудрый стишок?

Л и р

Скажи.

Ш у т

Запоминай, дядюшка:

Считай то, что тратишь,
Хватай, что ухватишь,
Таи то, что знаешь,
Держи, что поймаешь,
Цени, что имеешь,
Пожнешь, что посеешь,
Не пей больше кружки,
Не верь потаскушке, –
Не станешь убогим
Скитальцем безрогим.

Л и р

Ничего мудрого я тут не вижу.

Ш у т

Так ты и не заплатил мне ничего. Мудрость денежек стоит, как говорил один адвокат.

Л и р

И то правда. Из ничего ничего и не выйдет.

Ш у т
(Кенту)

Объясни ему, приятель, что то же самое с доходами от земли, которую он раздал.

Л и р

Злой дурак!

Ш у т

А знаешь, дядюшка, в чем разница между злым дураком и добрым?

Л и р

Ну, объясни.

Ш у т

(поет)

Кто дал тебе совет
Отдать зятьям свой трон,
Тот добрый был дурак,
Но хуже злого он.
Взгляните – тут рядком
Два славных дурака:
Один прикрылся колпаком,
Другой – без колпака.

Л и р

Не меня ли ты дурачишь, дружок!

Ш у т

Все прочие титулы ты роздал, но этого у тебя не отнять – он прирожденный.

К е н т

(Лиру)

А он не совсем уж полный дурак, милорд.

Ш у т

Куда мне! Полный дурак – это монополия. Наши вельможи не дали бы мне одному захватить всю глупость, да и прекрасные дамы – им ведь тоже охота дурака повалить. Сразу за это дело ухватятся! – А хочешь, дядюшка, я тебя научу, как из одного яйца сделать две короны?

Л и р

Как?

Ш у т

Очень просто. Рассекаешь яйцо на две части, серединку съедаешь, и вот тебе две скорлупки – две короны. Когда ты рассек свое королевство надвое и отдал обе половинки, кем ты стал? Тем простофилей, который перетаскивал своего осла через лужу. Мало же было ума в башке, носившей золотой венец, раз она так легко с ним рассталась. И пусть высекут того дурака, который скажет, что это неправда.

Ш у т

А знаешь, дядюшка, в чем разница между злым дураком и добрым?

Л и р

Ну, объясни.

Ш у т

Пожалуйста! Дай мне яйцо, и я тебя научу, как из одного яйца сделать две короны.

Л и р

Как?

Ш у т

Очень просто. Рассекаешь яйцо на две части, серединку съедаешь, и вот тебе две скорлупки – две короны. Когда ты рассек свое королевство надвое и отдал обе половинки, кем ты стал? Тем простофилей, который перетаскивал своего осла через лужу. Мало же было ума в башке, носившей золотой венец, раз она так легко с ним рассталась. И пусть высекут того дурака, который скажет, что это неправда.

(Поет.)

Шутам невесело сейчас,
Дела их стали плохи
С тех пор, как умники у нас
Ведут, как скоморохи.

Л и р

Что-то распелся сегодня, голубчик. Что это на тебя нашло?

Ш у т

Это на меня нашло с той самой поры, когда ты дочек своих сделал мамками, дал им в руки розги и сам снял с себя штанишки.

(Поет.)

От счастья плакали они,
Фортуну объегоря,
Тогда-то, видя этот срам,
Дурак запел от горя.

Л и р

Полно врать, дурень. Я вижу, ты давно не получал взбучки.

Ш у т

Сразу видно, что ты родня со своими дочерьми. Им охота выпороть меня за правду, а тебе – за вранье. Лучше молчать; но и за молчание могут вздуть. Лучше быть кем угодно, только не шутом – и не королем в отставке. Эх, дядюшка! Зачем ты дал обкорнать свой ум с двух сторон и ничего не оставил посередке?

Входит Гонерилья.

Гляди-ка, вот тебе несут кашку и бутылочку с соской.

Л и р

Ну, здравствуй, дочка. Вижу, ты не в духе.
Тебя я часто хмурой застаю...

Ш у т

Были времена, когда тебя мало заботило, в духе она или не в духе. Тогда ты был сам себе господин; а теперь – нуль без палочки. Я и то поважнее тебя: я шут, а ты никто. (Гонерилье.) Всё, молчу! Вы велите мне попридержаться язык – я понял это по вашим глазам, мадам. Молчу, молчу.

(Поет.)

Шутам невесело сейчас,
Дела их стали плохи
С тех пор, как умники у нас
Ведут, как скоморохи.

Л и р

Что-то распелся сегодня, голубчик. Что это на тебя нашло?

Ш у т

Это на меня нашло с той самой поры, когда ты дочек своих сделал мамками, дал им в руки розги и сам снял с себя штанишки.

(Поет.)

От счастья плакали они,
Фортуны объегоря,
Тогда-то, видя этот срам,
Дурак запел от горя.

Л и р

Полно врать, дурень. Я вижу, ты давно не получал взбучки.

Ш у т

Сразу видно, что ты родня со своими дочерьми. Им охота выпороть меня за правду, а тебе – за вранье. Лучше молчать; но и за молчание могут вздуть. Лучше быть кем угодно, только не шутом – и не королем в отставке. Эх, дядюшка! Зачем ты дал обкорнать свой ум с двух сторон и ничего не оставил посередке?

Входит Гонерилья.

Гляди-ка, вот тебе несут кашку и бутылочку с соской.

Л и р

Ну, здравствуй, дочка. Вижу, ты не в духе.
Тебя я часто хмурой застаю...

Ш у т

Были времена, когда тебя мало заботило, в духе она или не в духе. Тогда ты был сам себе господин; а теперь – нуль без палочки. Я и то поважнее тебя: я шут, а ты никто. (Гонерилье.) Всё, молчу! Вы велите мне попридержать язык – я понял это по вашим глазам, мадам. Молчу, молчу.

Кто все спустил с высокой горки,
Захочет есть, а нет ни корки.

(Указывая на Лира.)

Был бычок – стал сухой стручок.

Гонерилья

Сэр, не один лишь этот наглый шут,
Вся ваша невоздержанная свита
Весь день буянит, пьянствует, бранится
И ставит кверху дном всё в замке. Раньше
Я думала, вы их угомоните
По нашим просьбам, но теперь я вижу,
Что, покрывая явные бесчинства,
Вы лишь потворствуете им. Боюсь,
Мы вынуждены будем предпринять
Иные меры, чтоб покончить с буйством.
Гостеприимству тоже есть предел.

Шут

А вот еще стишок:

Писклявил кукушонок,
Покуда был он мал,
А вырос из пеленок –
Папашу заклевал.

Свечка погасла, и мы впотьмах.

Лир

Вы – наша дочь, мадам?

Гонерилья

Довольно, сэр
Оставьте глупости и выкрутасы,
Которые не подобают вам,
И возвратитесь к трезвому рассудку.

Шут

Ну, что я сказал? Телега правит лошадью. С праздником тебя, дядюшка!

Лир

Кто я такой? Ужели вправду Лир?
Чьи эти руки? Разве Лир так смотрит?
Так говорит? Так ходит? Нет, не верю;

Кто всё спустил с высокой горки,
Захочет есть, а нет ни корки.

(Указывая на Лира.)

Был бычок – стал сухой стручок.

Гонерилья

Сэр, не один лишь этот наглый шут,
Вся ваша невоздержанная свита
Весь день буянит, пьянствует, бранится
И ставит кверху дном всё в замке. Раньше
Я думала, вы их угомоните
По нашим просьбам, но теперь я вижу,
Что, покрывая явные бесчинства,
Вы лишь потворствуете им. Боюсь,
Мы вынуждены будем предпринять
Иные меры, чтоб покончить с буйством,
Гостеприимству тоже есть предел.

Ш у т

А вот еще стишок:

Писклявил кукушонок,
Покуда был он мал,
А вырос из пеленок –
Папашу заклевал.

Свечка погасла, и мы впотьямах.

Л и р

Вы – наша дочь, мадам?

Гонерилья

Довольно, сэр.

Оставьте глупости и выкрутасы,
Которые не подобают вам,
И возвратитесь к трезвому рассудку.

Ш у т

Ну, что я сказал? Телега правит лошадью. С праздником тебя, дядюшка!

Л и р

Кто я такой? Ужели вправду Лир?
Чьи эти руки? Разве Лир так смотрит?
Так говорит? Так ходит? Нет, не верю;

Не может быть... Какой тяжелый сон!
Эй, кто-нибудь, кто помнит короля,
Скажите мне, кто я теперь? Тень Лира?
И вправду. Можно было догадаться.
Когда-то, быв еще в уме и в силе,
Я, кажется, имел трех дочерей.

Ш у т

Которые хотят сделать из тебя послушного папочку.

Л и р

Как вас зовут, сударыня?

Г о н е р и л ь я

Довольно!
Устала я от ваших представлений.
Прошу вас, правильно меня поймите:
Вы стары, вам пристало быть мудрей.
Сто рыцарей огромной вашей свиты
С их дерзким, необузданным разгулом
Двор герцога всечасно превращают
В подобье постоянного двора.
Поэтому мы предлагаем, сударь,
Уменьшить вдвое шумную ораву,
А тех, что остаются, – приструнить,
Чтоб знали, как себя вести.

Л и р

Проклятье!
Седлайте лошадей; сзывайте свиту.
Тебя, бездушный выродок, отныне
Обременять собою я не стану.
Есть у меня другая дочь.

Г о н е р и л ь я

Вы бьете
Моих людей, а ваш разгульный сброд
Чинит обиды высшим.

Входит герцог Олбанский.

Не может быть... Какой тяжелый сон!
Эй, кто-нибудь, кто помнит короля,
Скажите мне, кто я теперь?

Ш у т

Тень Лира.

Л и р

Как вас зовут, сударыня?

Г о н е р и л ь я

Довольно!

Устала я от ваших представлений.
Прошу вас, правильно меня поймите:
Вы стары, вам пристало быть мудрей.
Сто рыцарей огромной вашей свиты
С их дерзким, необузданным разгулом
Двор герцога всечасно превращают
В подобье постоянного двора.
Поэтому мы предлагаем, сударь,
Уменьшить вдвое шумную ораву,
А тех, что остаются, – приструнить,
Чтоб знали, как себя вести.

Л и р

Проклятье!

Седлайте лошадей; сзывайте свиту.
Тебя, бездушный выродок, отныне
Обременять собою я не стану.
Есть у меня другая дочь.

Г о н е р и л ь я

Вы бьете

Моих людей, а ваш разгульный сброд
Чинит обиды высшим.

Входит герцог Олбанский.

Лир

Слишком поздно

Раскаянье пришло!

(Герцогу.)

Вы тоже, сэръ?

И вы того желаете, не так ли?

(Слугам.)

Готовьте лошадей.

Слуга уходит.

Неблагодарность,

Исчадь ада с сердцем ледяным!

В обличии дочернем ты ужасней,

Чем чудище, восставшее из бездны..

(Гонерилье.)

Ты лжешь, стервятник подлый! Мой отряд –
Цвет рыцарства, отборные дворяне,
Отлично знающие, в чем их долг,
Блюдущие всего превыше имя
И честь свою. О как был мелок промах
Корделии, что показался мне
Таким ужасным и, как рычагом,
Перевернул мой разум, в одночасье
Изгнав любовь из сердца и взамен
Вселив вражду и гнев!

(Ударяет себя по голове.)

Дурацкий Лир,

Стучи теперь в ворота, что впустили
Таких гостей!

– Уйдем отсюда, шут!

Герцог Олбанский

Милорд, поверьте, я здесь неповинен,
Я ничего не знал.

Лир

Слишком поздно

Раскаянье пришло!

(Герцогу.)

Вы тоже, сэръ?

И вы того желаете, не так ли?

(Слугам.)

Готовьте лошадей.

Слуга уходит.

Неблагодарность,

Исчадь ада с сердцем ледяным!

В обличии дочернем ты ужасней,

Чем гад морской.

Герцог Олбанский

Прошу вас, успокойтесь.

Лир

(Гонерилье)

Ты лжешь, стервятник подлый! Мой отряд –

Цвет рыцарства, отборные дворяне,

Отлично знающие, в чем их долг,

Блюдущие всего превыше имя

И честь свою. О как был мелок промах

Корделии, что показался мне

Таким ужасным и, как рычагом,

Перевернул мой разум, в одночасье

Изгнав любовь из сердца и взамен

Вселив вражду и гнев!

(Ударяет себя по голове.)

Дурацкий Лир,

Стучи теперь в ворота, что впустили

Таких гостей!

– Уйдем отсюда, шут!

Герцог Олбанский

Милорд, поверьте, я здесь неповинен,

Я ничего не знал.

Лир

Речь не о вас. –

Услышь мои моления, Природа!
Великая богиня, затвори
Ей чрево, сделай так, чтоб никогда
Она не знала славы материнства;
Пускай все детородное ее
Усохнет, пусть из проклятого лона
Вовек не явится на свет дитя;
А если явится, пусть будет злым,
Жестоким и бесчувственным, чтоб вечно
Терзать и мучить мать, чтоб насмеяться
Над скорбью материнской, чтобы слезы
До срока на ее щеках изрыли
Глубокие морщины, – вот тогда
Она поймет, насколько хуже яда,
Острей, чем жало горькое змеи,
Детей неблагодарность.

– Ну, идемте!

Уходят Лир, Шут, Кент, рыцари и слуги.

Герцог Олбанский

О боги! Как все это понимать?

Гонерилья

Не утруждай себя. Пусть пошумит
Старик несчастный, впавший в слабоумье.

Возвращаются Лир и Шут.

Лир

Что, половина рыцарей моих
Уже распущена?

Герцог Олбанский

Милорд, в чем дело?

Лир

Сейчас скажу.

(Гонерилье.)

Лир

Речь не о вас. –

Услышь мои моления, Природа!
Великая богиня, затвори
Ей чрево, сделай так, чтоб никогда
Она не знала славы материнства;
Пускай все детородное ее
Усохнет, пусть из проклятого лона
Вовек не явится на свет дитя;
А если явится, пусть будет злым,
Жестоким и бесчувственным, чтоб вечно
Терзать и мучить мать, чтоб насмеяться
Над скорбью материнской, чтобы слезы
До срока на ее щеках изрыли
Глубокие морщины, – вот тогда
Она поймет, насколько хуже яда,
Острей, чем жало горькое змеи,
Детей неблагодарность.

– Ну, идемте!

Уходят Лир, Шут, Кент, рыцари и слуги.

Герцог Олбанский

О боги! Как все это понимать?

Гонерилья

Не утруждай себя. Пусть пошумит
Старик несчастный, впавший в слабоумье.

Возвращаются Лир и Шут.

Лир

Что, половина рыцарей моих
Уже распущена?

Герцог Олбанский

Милорд, в чем дело?

Лир

Сейчас скажу.

(Гонерилье.)

О стыд моих седин!
 Мне стыдно, что я мужество свое
 Утратил пред тобой, что эти слезы,
 Которых ты не стоишь, поневоле
 Текут из глаз моих. Пускай насквозь –
 До сердца, до утробы, до костей –
 Пронзит тебя проклятие отцово!
 О старческие глупые глаза,
 Попробуйте заплакать вновь – я вырву
 И брошу вас, чтоб вы своею влагой
 Каменья смягчали. – Ничего,
 Есть у меня другая дочь. Я знаю:
 Когда она услышит, как жестоко
 Ты обошлась со мной, она взовьется,
 Чтобы когтями выцарапать очи
 Тебе, волчица. Ты еще увидишь,
 Как возвращу я прежнее величье,
 Которое, ты мнишь, навек ушло.
 Увидишь – я тебя предупреждаю!

Лир уходит.

Гонерилья

Ну, каково?

Герцог Олбанский

Ты знаешь, Гонерилья,
 Как я люблю тебя, но я скажу...

Гонерилья

Уж лучше помолчи.

(Шуту.)

А ты, скорей мошенник, чем дурак,
 Марш за хозяином!

Шут

Дядюшка Лир, подожди! Захвати дурачка с собой!

У дурака вся грудь в крови,
 А ей и горя мало.

Поймал лисицу – удави,
 Пока не покусала.

Погоди, дядюшка, бегу!

Уходит.

О стыд моих седин!
Мне стыдно, что я мужество свое
Утратил пред тобой, что эти слезы,
Которых ты не стоишь, поневоле
Текут из глаз моих. Пускай насквозь –
До сердца, до утробы, до костей –
Пронзит тебя проклятие отцово!
О старческие глупые глаза,
Попробуйте заплакать вновь – я вырву
И брошу вас, чтоб вы своею влагой
Каменья умягчали. – Ничего,
Есть у меня другая дочь. Я знаю:
Когда она услышит, как жестоко
Ты обошлась со мной, она взовьется,
Чтобы когтями выцарапать очи
Тебе, волчица. Ты еще увидишь,
Как возвращу я прежнее величье,
Которое, ты мнишь, навек ушло.
Увидишь – я тебя предупреждаю!

Лир уходит.

Гонерилья

Ну, каково?

Герцог Олбанский

Ты знаешь, Гонерилья,
Как я люблю тебя, но я скажу...

Гонерилья

Уж лучше помолчи. Где Освальд? – Освальд!

(Шуту.)

А ты, скорей мошенник, чем дурак,
Марш за хозяином!

Шут

Дядюшка Лир, подожди! Захвати дурачка с собой!

У дурака вся грудь в крови,
А ей и горя мало.
Поймал лисицу – удави,
Пока не покусала.

Погоди, дядюшка, бегу!

Уходит.

Гонерилья

Эй, Освальд, где же ты?

Входит Освальд.

Освальд

Я здесь, мадам.

Гонерилья

Готово ли мое письмо?

Освальд

Готово.

Гонерилья

Возьми охрану и скачи к сестре,
Поведай ей о наших опасеньях;
Добавь, что слышал сам, и мчи назад,
Не останавливаясь.

Освальд уходит.

Гонерилья

Сто рыцарей! Придумано неплохо.
Удобно под рукой иметь отряд
В сто рыцарей. Случится что-нибудь
Иль померещится: обида, сплетня,
Небрежность, мелкий спор, – всегда он может
Любой каприз угрозой подкрепить,
Держа нас в вечном страхе.

– Где же Освальд?

Герцог Олбанский

Ты слишком подозрительна.

Гонерилья

А ты

Беспечен чересчур. Предотвратить
Разумней, чем потом врасплох попасться.
Я написала обо все сестре;
Навряд ли ей понравится терпеть
Сто буйных рыцарей...

Входит Освальд.

Освальд

Я здесь, мадам.

Гонерилья

Готово ли мое письмо?

Освальд

Готово.

Гонерилья

Возьми охрану и скачи к сестре,
Поведай ей о наших опасеньях;
Добавь, что слышал сам, и мчи назад,
Не останавливаясь.

Освальд уходит.

Нет, милорд:
За ваш телячий, мягкотелый нрав
Я вас не упекаю; но иные
Скорее будут вас корить за глупость,
Чем вашей добротою восхищаться.

Герцог Олбанский
Нам будущее не дано прочесть;
Гонясь за лучшим, губим то, что есть.

Гонерилья
С чего вы взяли?

Герцог Олбанский
Поживем – увидим.

Уходят.

СЦЕНА V

Входят Лир, Кент и Шут

Лир
(Кенту)

Отправляйся к Регане с этим посланием. Если будет спрашивать, отвечай, но лишнего не говори. Поспеши, чтобы доставить письмо раньше любого другого.

Кент
Буду скакать без сна и отдыха, милорд.

Уходит.

Шут
А вот если б у человека был ум в пятках, натирал бы он ему ноги?

Лир
Если бы много думал, пожалуй, да.

Шут
Тогда я рад поздравить ваше величество: вам не придется ходить с мозолями.

Лир
Ха-ха-ха!

Нет, милорд:
За ваш телячий, мягкотелый нрав
Я вас не упрекаю; но иные
Скорее будут вас корить за глупость,
Чем вашей добротой восхищаться.

Герцог Олбанский
Нам будущее не дано прочесть;
Гонясь за лучшим, губим то, что есть.

Гонерилья
С чего вы взяли?

Герцог Олбанский
Поживем – увидим.

Уходят.

СЦЕНА V

Входят Лир, Кент и Шут.

Лир
(Кенту)

Отправляйся к Регане с этим посланием. Если будет спрашивать, отвечай, но лишнего не говори. Поспеши, чтобы доставить письмо раньше любого другого.

Кент
Буду скакать без сна и отдыха, милорд.

Уходит.

Шут
А вот если бы у человека был ум в пятках, натирал бы он ему ноги?

Лир
Если бы много думал, пожалуй, да.

Шут
Тогда я рад поздравить ваше величество: вам не придется ходить с мозолями.

Лир
Ха-ха-ха!

Ш у т

Надеюсь, вторая дочь обойдется с вами любезней; хотя они отличаются на вкус и цвет, как кислое яблочко от неспелого, но есть и кое-что общее.

Л и р

Что ты имеешь в виду?

Ш у т

Что оскомина от них такая же. Ты знаешь, дядюшка, зачем нос прилеплен посередке лица?

Л и р

Зачем?

Ш у т

Чтобы командовать глазами: что он не унюхает, то они углядят.

Л и р

Я обидел ее несправедливо...

Ш у т

А знаешь, каким образом устрица строит свою раковину?

Л и р

Нет.

Ш у т

И я не знаю. Но зато знаю, для чего улитке домик.

Л и р

Для чего?

Ш у т

Чтобы прятать в нее свою глупую голову, а не отдавать все дочерям, оставляя рожки на улице.

Л и р

Надо заглушить голос природы. – Такого доброго отца... – Лошади готовы, наконец?

Ш у т

Эти ослы все еще их седлают. Вот интересный вопрос: почему в Семи-звездье только семь звезд?

Ш у т

Надеюсь, вторая дочь обойдется с вами любезней; хотя они отличаются на вкус и цвет, как кислое яблочко от неспелого, но есть и кое-что общее.

Л и р

Что ты имеешь в виду?

Ш у т

Что оскомина от них такая же. Ты знаешь, дядюшка, зачем нос прилеплен посередке лица?

Л и р

Зачем?

Ш у т

Чтобы командовать обоими глазами: что он не унюхает, то они углядят.

Л и р

Я обидел ее несправедливо...

Ш у т

А знаешь, каким образом устрица строит свою раковину?

Л и р

Нет.

Ш у т

И я не знаю. Но зато знаю, для чего улитке домик.

Л и р

Для чего?

Ш у т

Чтобы прятать в нее свою глупую голову, а не отдавать все дочерям, оставляя рожки на улице.

Л и р

Надо заглушить голос природы. – Такого доброго отца... – Лошади готовы, наконец?

Ш у т

Эти ослы все еще их седлают. Вот интересный вопрос: почему в Семизвездье только семь звезд?

Л и р

Потому что не восемь?

Ш у т

Верно. Из тебя получился бы хороший шут.

Л и р

Надо все вернуть назад; силой вернуть! О чудовищная неблагодарность!

Ш у т

Если бы ты был моим шутком, дядюшка, я бы велел тебя выпороть за то, что ты состарился раньше срока.

Л и р

Как так?

Ш у т

Состарился прежде, чем набрался ума.

Л и р

О боги! Только б не сойти с ума!
Пошлите мне терпения и сил,
Чтоб не свихнуться!

Входит Дворянин из свиты короля.

Лошади готовы?

Д в о р я н и н

Готовы, сэр.

Л и р

Пойдем, мой дурачок.

Уходят Лир и Кент.

Ш у т

(в публику)

А девушкам смешливым – мое кукареку!
Недолго в девках вам ходить, поверьте дураку.

Уходит.

Л и р

Потому что не восемь?

Ш у т

Верно. Из тебя получился бы хороший шут.

Л и р

Надо все вернуть назад; силой вернуть! О чудовишная неблагодарность!

Ш у т

Если бы ты был моим шутком, дядюшка, я бы велел тебя выпороть за то, что ты состарился раньше срока.

Л и р

Как так?

Ш у т

Состарился прежде, чем набрался ума.

Л и р

О боги! Только б не сойти с ума!
Пошлите мне терпения и сил,
Чтоб не свихнуться!

Входит Дворянин из свиты короля.

Лошади готовы?

Д в о р я н и н

Готовы, сэр.

Л и р

Пойдем, мой дурачок.

Уходят Лир и Кент.

Ш у т

(в публику)

А девушкам смешливым – мое кукареку!
Недолго в девках вам ходить, поверьте дураку.

Уходит.

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА I

Входят с разных сторон Эдмунд и Куран.

Эдмунд

Здравствуй, Куран.

Куран

Здравствуйте и вы, сэр. Я только что от вашего батюшки. Передавал ему весть, что герцог Корнуэльский и герцогиня Регана приедут сюда ближе к ночи.

Эдмунд

С чего бы это?

Куран

Не знаю. Вы слышали новости? Об этом еще не говорят вслух, но шепот уже идет.

Эдмунд

Нет, не слышал. Расскажи.

Куран

Как? Вы ничего не слышали о том, что назревает война между герцогами Олбанским и Корнуэльским?

Эдмунд

Ни слова.

Куран

Ну, еще услышите... Прощайте, сэр.

Куран уходит.

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА I

Входит с разных сторон Эдмунд и Куран.

Эдмунд

Здравствуй, Куран.

Куран

Здравствуйте и вы, сэр. Я только что от вашего батюшки. Передавал ему весть, что герцог Корнуэльский и герцогиня Регана приедут сюда ближе к ночи.

Эдмунд

С чего бы это?

Куран

Не знаю. Вы слышали новости? Об этом еще не говорят вслух, но шепот уже идет.

Эдмунд

Нет, не слышал. Расскажи.

Куран

Как? Вы ничего не слышали о том, что назревает война между герцогами Олбанским и Корнуэльским?

Эдмунд

Ни слова.

Куран

Ну, еще услышите... Прощайте, сэр.

Куран уходит.

Э д м у н д

Здесь будет герцог вечером? Тем лучше –
 Мой замысел лишь выиграет в силе.
 Отец арестовать решил брата;
 Осталось мне исполнить половчей
 Последний трюк. Благослови, удача! –
 Брат, на два слова; брат, иди сюда!

Э д г а р прыгивает вниз с балкона.

Сюда идет отец со стражей. Кто-то
 Сумел разнюхать, где тебя искать.
 Беги скорее! Ночью легче скрыться.
 Сейчас приедет герцог Корнуэльский
 С Реганой; ты не вел ли разговоров
 Об их раздоре с герцогом Олбанским?
 Припомни.

Э д г а р д

Я уверен, что не вел.

Э д м у н д

(понижив голос)

Я слышу голос батюшки... Прости;
 Я должен вынуть меч и притвориться,
 Что защищаюсь. Уходи скорей!

(Громко.)

Сдавайся и ступай к отцу с повинной!

(Тихо.)

Беги же, брат.

(Громко.)

Огня сюда, огня!

(Эдгару.)

Прощай!

Э д г а р убегает.

Кровь на рубашке подтвердит,
 Что здесь кипела схватка.

(Ранит себя в руку.)

Я видал,

Мальчишки на спор делают похуже.

(Громко.)

Отец! Сюда, на помощь! Помогите!

Э д м у н д

Здесь будет герцог вечером? Тем лучше –
Мой замысел лишь выиграет в силе.
Отец арестовать решился брата;
Осталось мне исполнить половчей
Последний трюк. Благослови, удача! –
Брат, на два слова; брат, иди сюда!

Э д г а р спрыгивает вниз с балкона

Сюда идет отец со стражей. Кто-то
Сумел разнюхать, где тебя искать.
Беги скорее! Ночью легче скрыться.
Сейчас придет герцог Корнуэльский
С Реганой; ты не вел ли разговоров
Об их раздоре с герцогом Олбанским?
Припомни.

Э д г а р

Я уверен, что не вел.

Э д м у н д

(понижив голос)

Я слышу голос батюшки... Прости;
Я должен вынуть меч и притвориться,
Что защищаюсь. Уходи скорей!

(Громко.)

Сдавайся и ступай к отцу с повинной!

(Тихо.)

Беги же, брат.

(Громко.)

Огня сюда, огня!

(Эдгару.)

Прощай!

Э д г а р убегает.

Кровь на рубашке подтвердит,
Что здесь кипела схватка.

(Ранит себя в руку.)

Я видал,

Мальчишки на спор делают похуже.

(Громко.)

Отец! Сюда, на помощь! Помогите!

Входят Глостер со слугами и зажженными факелами.

Глостер

Ты звал? Скажи: где этот негодяй?

Эдмунд

Вот здесь стоял он, обнажив свой меч,
И призывал заклятьями Гекату
К себе на помощь.

Глостер

Где же он, злодей?

Эдмунд

Я ранен, сэр.

Глостер

Куда он скрылся, Эдмунд?

Эдмунд

В ту сторону. Хотел меня склонить...

Глостер

(слугам)

Туда, за ним!

Слуги уходят.

Склонить к чему?

Эдмунд

К убийству

Отца родного. Я стыдил безумца,
Я говорил, что боги не прощают
Отцеубийства, что их месть страшна,
Что нет святей и глубже уз, чем узы
Между отцом и сыном. Все напрасно!
Тогда, поняв, что я ему не друг
И не союзник в замысле преступном,
Он выхватил внезапно меч и прежде,
Чем я успел оружие достать,
Нанес удар; – но, увидав, что я
Опомнился и сам готов к отпору,
Он, испугавшись поднятого шума,
Бежал.

Входят Глостер со слугами и зажженными факелами.

Глостер

Ты звал? Скажи: где этот негодяй?

Эдмунд

Вот здесь стоял он, обнажив свой меч,
И призывал заклятьями Гекату
К себе на помощь.

Глостер

Где же он, злодей?

Эдмунд

Я ранен, сэр.

Глостер

Куда он скрылся, Эдмунд?

Эдмунд

В ту сторону. Хотел меня склонить...

Глостер

(слугам)

Туда, за ним!

Слуги уходят.

Склонить к чему?

Эдмунд

К убийству

Отца родного. Я стыдил безумца,
Я говорил, что боги не прощают
Отцеубийства, что их месть страшна,
Что нет святей и глубже уз, чем узы
Между отцом и сыном. Все напрасно!
Тогда, поняв, что я ему не друг
И не союзник в замысле преступном,
Он выхватил внезапно меч и прежде,
Чем я успел оружие достать,
Нанес удар; – но, увидав, что я
Опомнился и сам готов к отпору,
Он, испугавшись поднятого шума,
Бежал.

Г л о с т е р

Ну, далеко не убежит.
У нас ему не скрыться; а поймают –
Конец один. Мой благородный герцог
Приедет вечером. С его согласия
Я объявлю награду за поимку
Презренного изменника и труса,
А укрывальщику злодея – смерть.

Э д м у н д

Когда я убеждал его оставить
Свой мерзкий замысел и пригрозил,
Что все раскрою, он лишь ухмыльнулся
И бросил мне в лицо: «Бастард несчастный,
Ты думаешь, что кто-нибудь поверит
Твоим словам, когда я отопрусь
От всех улик? Письмо ли предоставишь –
Я заявлю, что почерк мой подделан,
И обвиненья все поворочу
Против твоих коварных оговоров
Их цель ясна; и дураку понятно,
Какие выгоды бастард получит,
Законного наследника убрав».

Г л о с т е р

Подлец! Закоренелый негодяй!
И почерк свой он отрицать собрался?
Нет, он не сын мне.

Труба за сценой

– Слышите, трубят?
Приехал герцог. Чтоб злодей не скрылся,
Задержим корабли в портах; пошлем
Его портрет, чтоб всюду в королевстве
Его приметы знали. – Что до графства,
Мой честный мальчик, любящий мой сын,
То мы найдем, как это узаконить.

Входят герцог Корнуэльский,
Регана и слуги.

Г л о с т е р

Ну, далеко не убежит.
У нас ему не скрыться; а поймают –
Конец один. Мой благородный герцог
Приедет вечером. С его согласия
Я объявлю награду за поимку
Презренного изменника и труса,
А укрывальщику злодея – смерть.

Э д м у н д

Когда я убеждал его оставить
Свой мерзкий замысел и пригрозил,
Что все раскрою, он лишь ухмыльнулся
И бросил мне в лицо: «Бастард несчастный,
Ты думаешь, что кто-нибудь поверит
Твоим словам, когда я отопрусь
От всех улик? Письмо ли предоставишь –
Я заявлю, что почерк мой подделан,
И обвиненья все поворочу
Против твоих коварных оговоров
Их цель ясна; и дураку понятно,
Какие выгоды бастард получит,
Законного наследника убрав».

Г л о с т е р

Подлец! Закоренелый негодяй!
И почерк свой он отрицать собрался?

Труба за сценой.

Приехал герцог. Чтоб злодей не скрылся,
Задержим корабли в портах; пошлем
Его портрет, чтоб всюду в королевстве
Его приметы знали. – Что до графства,
Мой честный мальчик, любящий мой сын,
То мы найдем, как это узаконить.

Входят герцог Корнуэльский,
Регана и слуги.

Герцог Корнуэльский

Что тут случилось, мой любезный граф?
Едва успел приехать к вам, как слышу
Дурные новости.

Регана

Коль это правда,
Любая месть преступнику мала.

Глостер

Разбито сердце старое, разбито!

Регана

Неужто крестник моего отца,
Эдгар, на вашу жизнь злоумышлял?

Глостер

Мне стыдно, леди, в этом признаваться.

Регана

А не якшался ль он с тем буйным сбродом,
Что мой отец набрал к себе в отряд?

Глостер

Не знаю, леди, ничего не знаю.

Эдмунд

Да, он из их компании, мадам.

Регана

Немудрено, что заразился буйством.
Они его, видать, и подучили, –
Чтоб завладеть богатствами отца
И расточить их в пьянстве и гулянстве.
Сегодня от сестры я получила
Такой о них невыгодный отчет,
Что если на постой ко мне приедут,
Я убегу куда глаза глядят.

Герцог Корнуэльский

И я с тобой. – Мне рассказали, Эдмунд,
Что в этом деле вы себя вели
Как честный сын.

Герцог Корнуэльский
Что тут случилось, мой любезный граф?
Едва успел приехать к вам, как слышу
Дурные новости.

Регана
Коль это правда,
Любая месть преступнику мала.

Глостер
Разбито сердце старое, разбито!

Регана
Неужто крестник моего отца,
Эдгар, на вашу жизнь злоумышлял?

Глостер
Мне стыдно, леди, в этом признаваться.

Регана
А не якшался ль он с тем буйным сбродом,
Что мой отец набрал к себе в отряд?

Глостер
Не знаю, леди, ничего не знаю.

Эдмунд
Да, он из их компании, мадам.

Регана
Немудрено, что заразился буйством.
Они его, видать, и подучили, –
Чтоб завладеть богатствами отца
И расточить их в пьянстве и гулянстве.
Сегодня от сестры я получила
Такой о них невыгодный отчет,
Что если на постой ко мне приедут,
Я убегу куда глаза глядят.

Герцог Корнуэльский
И я с тобой. – Мне рассказали, Эдмунд,
Что в этом деле вы себя вели
Как честный сын.

Эдмунд

Таков мой долг, милорд.

Глостер

Он замысел разоблачил злодея,
И при попытке задержать его
Был ранен.

Герцог Корнуэльский

Послана ли вслед погоня?

Глостер

Да, сэр.

Герцог Корнуэльский

Он будет пойман, и ручаюсь,
Что никому грозить не станет впредь.
Отдайте нужные распоряженья
От моего лица.

(Эдмунду.)

А вас, мой друг,
Чьи верность и усердье так наглядно
Себя явили в деле, мы возьмем
Служить себе: людей надежных мало,
Они дороже жемчуга.

Эдмунд

Клянусь,
Служить вам буду до конца, милорд.

Глостер

Благодарю за сына, ваша светлость.

Герцог Корнуэльский

Вы знаете, зачем мы в гости к вам
Приехали внезапно, на ночь глядя?

Регана

Нам нужен, Глостер, добрый ваш совет.
Отец с сестрою пишут мне о споре,
Возникшем между ними. Их гонцы

Эдмунд

Таков мой долг, милорд.

Глостер

Он замысел разоблачил злодея,
И при попытке задержать его
Был ранен.

Герцог Корнуэльский

Послана ли вслед погоня?

Глостер

Да, сэр.

Герцог Корнуэльский

Он будет пойман, и ручаюсь,
Что никому грозить не станет впредь.
Отдайте нужные распоряженья
От моего лица.

(Эдмунду.)

А вас, мой друг,
Чьи верность и усердье так наглядно
Себя явили в деле, мы возьмем
Служить себе: людей надежных мало,
Они дороже жемчуга.

Эдмунд

Клянусь,
Служить вам буду до конца, милорд.

Глостер

Благодарю за сына, ваша светлость.

Герцог Корнуэльский

Вы знаете, зачем мы в гости к вам
Приехали внезапно, на ночь глядя?

Регана

Нам нужен, Глостер, добрый ваш совет.
Отец с сестрою пишу мне о споре,
Возникшем между ними. Их гонцы

Ждут скорого ответа. Позабудьте
На время о своей беде, мой друг.
Ваш опыт, ваша мудрость нам сегодня
Необходимы. Помогите нам
В столь важном деле.

Г л о с т е р

Я готов, мадам.
Добро пожаловать в мой дом.

Уходят.

СЦЕНА II

Перед замком Глостера.
Входят Кент и Освальд.

О с в а л ь д

С наступающим утром, сэ. Вы из этого замка?

К е н т

Нет.

О с в а л ь д

Где бы нам оставить лошадей?

К е н т

Да хоть в болоте.

О с в а л ь д

Прошу, скажите по дружбе.

К е н т

Я вам не друг.

О с в а л ь д

Тогда и мне до вас дела нет.

К е н т

Попадись мне в другой раз, я тебе покажу, какое у меня до тебя дело.

Ждут скорого ответа. Позабудьте
На время о своей беде, мой друг.
Ваш опыт, ваша мудрость нам сегодня
Необходимы. Помогите нам
В столь важном деле.

Г л о с т е р

Я готов, мадам.
Добро пожаловать в мой дом.

Уходят.

СЦЕНА II

Перед замком Глостера.
С разных сторон входят Кент и Освальд.

О с в а л ь д

С наступающим утром, сэра. Вы из этого замка?

К е н т

Нет.

О с в а л ь д

Где бы нам оставить лошадей?

К е н т

Да хоть в болоте.

О с в а л ь д

Прошу, скажите по дружбе.

К е н т

Я вам не друг.

О с в а л ь д

Тогда и мне до вас дела нет.

К е н т

Попадись мне в другой раз, я тебе покажу, какое у меня до тебя дело.

Освальд

Зачем вы так со мной обращаетесь? Ведь вы меня не знаете.

Кент

Я знаю тебя.

Освальд

Кто же я такой, по-вашему?

Кент

Плут, мерзавец, лизоблюд, чванный пузырь в барских обносках, гнусный ябедник, угодливый раб, негодяй, сводничающий для своей хозяйки, подлец, наглый со слабым, но поджимающий свой хвост перед сильным, заячья душа, трус, помесь труса, мошенника, сводни и шпиона, подонок, которого я вздую как сукиного сына, если он посмеет отрицать хотя бы один из этих своих титулов.

Освальд

Вот шальной! Так изругать незнакомого человека!

Кент

Ну, ты и наглец! Это мы-то с тобой незнакомы? Забыл, как я вчера растянул тебя и вздул перед лицом короля? Доставай свой меч, трусливый пес. Хотя еще ночь, но луна сойдет за факел. Сейчас я сделаю из тебя бифштекс под лунным соусом. *(Обнажает меч.)* Ну, давай, становись, патлатый болван!

Освальд

Отстаньте от меня! Что вы ко мне привязались?

Кент

Доставай оружие, негодяй. Ты прискакал сюда с письмом против короля, ты держишь сторону этой надутой куклы против ее благородного отца. Берись за меч, или я сейчас нарежу тебя ломтями, как окорок.

Освальд

Эй, помогите кто-нибудь! Убивают! Помогите!

Кент

Защищайся, мошенник. Становись в позицию, трус. Обороняйся!

(Ударяет Освальда.)

Освальд

Зачем вы так со мной обращаетесь? Ведь вы меня не знаете.

Кент

Я знаю тебя.

Освальд

Кто же я такой, по-вашему?

Кент

Плут, мерзавец, лизоблюд, чванный пузырь в барских обносках, гнусный ябедник, угодливый раб, негодяй, сводничающий для своей хозяйки, подлец, наглый со слабым, но поджимающий свой хвост перед сильным, заячья душа, трус, помесь труса, мошенника, сводни и шпиона, подонок, которого я вздую как сукиного сына, если он посмеет отрицать хотя бы один из этих своих титулов.

Освальд

Вот шальной! Так изругать незнакомого человека!

Кент

Ну, ты и наглец! Это мы-то с тобой незнакомы? Забыл, как я вчера растянул тебя и вздул перед лицом короля? Доставай свой меч, трусливый пес. Хотя еще ночь, но луна сойдет за факел. Сейчас я сделаю из тебя бифштекс под лунным соусом. *(Обнажает меч.)* Ну, давай, становись, патлатый болван!

Освальд

Отстаньте от меня! Что вы ко мне привязались?

Кент

Доставай оружие, негодяй. Ты прискакал сюда с письмом против короля, ты держишь сторону этой надутой куклы против ее благородного отца. Берись за меч, или я сейчас нарежу тебя ломтями, как окорок.

Освальд

Эй, помогите кто-нибудь! Убивают! Помогите!

Кент

Защищайся, мошенник. Становись в позицию, трус. Обороняйся!

(Ударяет Освальда.)

Освальд

Караул! Убивают!

Входят Эдмунд с обнаженной рапирой, герцог Корнуэльский,
герцогиня Регана, Глостер и слуги.

Эдмунд

Эй, что произошло? Остановитесь!

Кент

(Эдмунду)

Не хочешь ли сразиться, мой дружок?
Давай, немножко спустим пылкой крови.

Глостер

Оружье? Буйство? Что тут происходит?

Герцог Корнуэльский

Под страхом смерти, прекратите бой.
Кто вновь ударит, тот мертвец. В чем дело?

Регана

Посланцы от сестры и короля.

Герцог Корнуэльский

Что вы не поделили? Говорите.

Освальд

Я отдышаться не могу, милорд.

Кент

Еще бы! Я встряхнул его так, что пыль пошла столбом. В нем мужского —
одни штаны и камзол. Его же портной делал, этого труса.

Герцог Корнуэльский

Вот странная фантазия! Портной сделал человека?

Кент

Ну да. Каменотес или плотник, хотя бы и подмастерье, сделал бы что-
нибудь пристойнее, чем это чучело.

Герцог Корнуэльский

Говорите ясней: кто зачинщик ссоры?

Освальд

Караул! Убивают!

Входят Эдмунд с обнаженной рапирой, герцог Корнуэльский,
герцогиня Регана, Глостер и слуги.

Эдмунд

Эй, что произошло? Остановитесь!

Кент

(Эдмунду)

Не хочешь ли сразиться, мой дружок?
Давай, немножко спустим пылкой крови.

Глостер

Оружье? Буйство? Что тут происходит?

Герцог Корнуэльский

Под страхом смерти, прекратите бой.
Кто вновь ударит, тот мертвец. В чем дело?

Регана

Посланцы от сестры и короля.

Герцог Корнуэльский

Что вы не поделили? Говорите.

Освальд

Я отдышаться не могу, милорд.

Кент

Еще бы! Я встряхнул его так, что пыль пошла столбом. В нем мужского —
одни штаны и камзол. Его же портной делал, этого труса.

Герцог Корнуэльский

Вот странная фантазия! Портной сделал человека?

Кент

Ну да. Каменотес или плотник, хотя бы и подмастерье, сделал бы что-
нибудь пристойнее, чем это чучело.

Герцог Корнуэльский

Говорите ясней: кто зачинщик ссоры?

Освальд

Вот этот старый негодяй, милорд, которого я пощадил только ради его седой бороды.

Кент

Ах ты, закорючка, дворняжка лохматая! – Милорд, позвольте мне прочить этого нахала. Я истолку его, как известку, и размажу по этой стенке. – Пожалел ради седой бороды? Ах ты, моська!

Герцог Корнуэльский

Довольно! Придержи язык свой длинный!
Забыл, пред кем находишься, грубьян?

Кент

Сэр, и у гнева есть свои права.

Герцог Корнуэльский

На что же гневаешься ты?

Кент

На то,

Что плут бесчестный носит меч, что крысы,
Подобные ему, исподтишка
Перегрызают дружеские узы
И связи меж родными, что мерзавцы
Потворствуют страстям своих господ,
И, сладко улыбаясь, потекают
Их прихотям, и подливают масла
В огонь, и крутятся, как флюгера,
Угадывая ветер, и, как шавки,
Своим хозяйкам забегают путь.

(Освальду.)

Чему смеешься ты, урод несчастный,
Как будто я ломаю тут шута?
Ну попадись мне только снова в руки,
Ты у меня побрякаешь, гусак!

Герцог Корнуэльский

Он что – с ума сошел?

Глостер

(Кенту)

Как вышла ссора?

Рассказывай.

Освальд

Вот этот старый негодяй, милорд, которого я пощадил только ради его седой бороды.

Кент

Ах ты, закорючка, дворняжка лохматая! – Милорд, позвольте мне прочить этого нахала. Я истолку его, как известку, и размажу по этой стенке. – Пожалел ради седой бороды? Ах ты, моська!

Герцог Корнуэльский
Довольно! Придержи язык свой длинный!
Забыл, пред кем находишься, грубиян?

Кент

Сэр, и у гнева есть свои права.

Герцог Корнуэльский
На что же гневаешься ты?

Кент

На то,
Что плут бесчестный носит меч, что крысы,
Подобные ему, исподтишка
Перегрызают дружеские узы
И связи меж родными, что мерзавцы
Потворствуют страстям своих господ,
И, сладко улыбаясь, потекают
Их прихотям, и подливают масла
В огонь, и крутятся, как флюгера,
Угадывая ветер, и, как шавки,
Своим хозяйкам забегают путь.

(Освальду.)

Чему смеешься ты, урод несчастный,
Как будто я ломаю тут шута?
Ну попадись мне только снова в руки,
Ты у меня побрякаешь, гусак!

Герцог Корнуэльский
Он что – с ума сошел?

Глостер
(Кенту)

Как вышла ссора?

Рассказывай.

Кент

Меж мной и этим плутом –
Антагонизм природный.

Герцог Корнуэльский

Почему
Его зовешь ты плутом? Что он сделал?

Кент

Его лицо не нравится мне.

Герцог Корнуэльский

Вот как!
Быть может, и мое, ее, его?

Кент

Сэр, быть правдивым – ремесло мое.
Скажу вам правду: мне случалось видеть
Получше лица, чем я вижу ныне
Перед собой.

Герцог Корнуэльский

Так вот он что за гусь!
Его за честность где-то похвалили,
Так он из прямоты скроил камзол
И щеголяет наглостью: «Я прям
И не умею льстить. Я груб, но честен.
Не нравится – не слушайте». Я знаю
Таких мошенников. В их прямоте
Лукавства и корысти скрытой больше,
Чем в сотне откровенных подхалимов,
Не знающих, как лучше угодить.

Кент

Позвольте, сэр, в сердечном умиленье
Пред ликом вашей светлости, чей взор,
Как Феба луч, сквозь тучи просиявший...

Герцог Корнуэльский

Что это значит? Говори ясней

Кент

Меж мной и этим плутом –
Антагонизм природный.

Герцог Корнуэльский

Почему
Его зовешь ты плутом? Что он сделал?

Кент

Его лицо не нравится мне.

Герцог Корнуэльский

Вот как!
Быть может, и мое, ее, его?

Кент

Сэр, быть правдивым – ремесло мое.
Скажу вам правду: мне случалось видеть
Получше лица, чем я вижу ныне
Перед собой.

Герцог Корнуэльский

Так вот он что за гусь!
Его за честность где-то похвалили,
Так он из прямоты скроил камзол
И щеголяет наглостью: «Я прям
И не умею льстить. Я груб, но честен.
Не нравится – не слушайте». Я знаю
Таких мошенников. В их прямоте
Лукавства и корысти скрытой больше,
Чем в сотне откровенных подхалимов,
Не знающих, как лучше угодить.

Кент

Позвольте, сэр, в сердечном умиленье
Пред ликом вашей светлости, чей взор,
Как Феба луч, сквозь тучи просиявший...

Герцог Корнуэльский

Что это значит? Говори ясней

Кент

Я попробовал оставить грубый тон, вызвавший ваше неудовольствие, и взять нотой повыше... Нет, сэр, ваш пример не про меня. Тот грубиян, который хвалился своей простотой, был просто мошенник, каковым я не являюсь, уж поверьте, сэр.

Герцог Корнуэльский
(Освальду)

Так чем его ты оскорбил, любезный?

Освальд

Поверьте, я его не оскорблял.
Вчера случилось недоразуменье,
Король меня ударить соизволил;
А он, чтоб господину угодить,
Дал мне подножку сзади – и потом
Глумился и гордился над упавшим,
Как будто великана победил.
Король его хвалил за этот подвиг;
И вот, войдя во вкус, сегодня вновь
Он на меня набросился с оружием,
Как кровожадный зверь.

Кент

Плут извернулся,
А в дураках – могучий наш Аякс.

Герцог Корнуэльский
Довольно! Принести сюда колодки.
Ах ты, невежа, дерзостный болтун,
Тебя мы быстро скромности научим.

Кент

Я стар уже учиться, сэр. Не надо
Колодок. Я на службе короля
И с порученьем от него явился.
Вы оскорбите разом и персону,
И титул короля, так наказав
Его гонца.

Герцог Корнуэльский
Подать сюда колодки.
Клянусь, он просидит тут до обеда.

Кент

Я попробовал оставить грубый тон, вызвавший ваше неудовольствие, и взять нотой повыше... Нет, сэр, ваш пример не про меня. Тот грубиян, который хвалился своей простотой, был просто мошенник, каковым я не являюсь, уж поверьте, сэр.

Герцог Корнуэльский
(Освальду)

Так чем его ты оскорбил, любезный?

Освальд

Поверьте, я его не оскорблял.
Вчера случилось недоразуменье,
Король меня ударить соизволил;
А он, чтоб господину угодить,
Дал мне подножку сзади – и потом
Глумился и гордился над упавшим,
Как будто великана победил.
Король его хвалил за этот подвиг;
И вот, войдя во вкус, сегодня вновь
Он на меня набросился с оружием,
Как кровожадный зверь.

Кент

Плут извернулся,
А в дураках – могучий наш Аякс.

Герцог Корнуэльский
Довольно! Принести сюда колодки.
Ах ты, невежа, дерзостный болтун,
Тебя мы быстро скромности научим.

Кент

Я стар уже учиться, сэр. Не надо
Колодок. Я на службе короля
И с порученьем от него явился.
Вы оскорбите разом и персону,
И титул короля, так наказав
Его гонца.

Герцог Корнуэльский

Подать сюда колодки.
Клянусь, он просидит тут до обеда.

Регана

До вечера. И ночь – вплоть до утра.

Кент

Мадам, с собакой вашего отца –
И то не должно вам так обходиться.

Регана

С мерзавцем обойдусь еще не так.

Герцог Корнуэльский

Вот о таких и пишет нам сестра
Отъявленных буянах. – Где колодки?

Глостер

Прошу, повремените, ваша светлость.
Пусть за вину его король накажет
Как своего слугу. А этой мерой
Караются бродяги и воришки,
Преступники из подлого сословья.
Король рассержен будет не на шутку,
Коль мы его посла накажем так.

Герцог Корнуэльский

Я сам отвечу.

Регана

А сестра моя

Не будет разве гневаться, узнав,
Что оскорбили тут ее посланца
И наказания не понес никто? –
Обуйте этого. – Милорд, идемте.

Слуги надевают Кенту колодки.
Уходят все, кроме Кента и Глостера.

Глостер

Простите, друг. Нрав герцога известен:
Что вздумает, ему не прекословь.
Но я поговорю с ним, как остынет.

Регана

До вечера. И ночь – вплоть до утра.

Кент

Мадам, с собакой вашего отца –
И то не должно вам так обходиться.

Регана

С мерзавцем обойдусь еще не так.

Герцог Корнуэльский

Вот о таких и пишет нам сестра
Отъявленных буянах. – Где колодки?

Глостер

Прошу, повремените, ваша светлость.
Король рассержен будет не на шутку,
Коль мы его посла накажем так.

Герцог Корнуэльский

Я сам отвечу.

Регана

А сестра моя

Не будет разве гневаться, узнав,
Что оскорбили тут ее посланца
И наказания не понес никто? –
Обуйте этого. – Милорд, идемте.

Слуги надевают Кенту колодки.
Уходят все, кроме Кента и Глостера.

Глостер

Простите, друг. Нрав герцога известен:
Что вздумает, ему не прекословь.
Но я поговорю с ним, как остынет.

К е н т

Прошу, не надо. Я устал с дороги.
Вот повод выспаться. Вздремну чуть-чуть;
А после повищу. Как говорится,
У шустрого всегда Фортуна – в пятках.
Счастливо, сэ.

Г л о с т е р

Так обойтись с гонцом!..
Неправ наш герцог.

Уходит.

К е н т

Уже рассвет. Видать, нас с королем
Судьба ведет, по старому присловью,
Из доброй тени да на солнцепек.

(Вынимает письмо.)

Что ж, вылезай сюда, маяк небесный;
Довольно антиподов освещать,
Дай перечеть ее письмо. Лишь горе
Нам исцеляет зренье. Это пишет
Корделия, узнавшая случайно,
Что я сменил обличье, но остался
При короле; она отыщет средства
(Тут сказано), «чтоб залечить обиды
И возместить утраты».

– Вы устали,

Глаза мои, вы насмотрелись вдоволь
За эти дни; сомкнитесь, чтоб не видеть
Позорного приюта моего. –
Фортуна, доброй ночи. Улыбнись
И повернись ко мне счастливым боком!

(Засыпает.)

К е н т

Прошу, не надо. Я устал с дороги.
Вот повод выспаться. Вздремну чуть-чуть;
А после посвищу. Как говорится,
У шустрога всегда Фортуна – в пятках.
Счастливо, сэр.

Г л о с т е р

Так обойтись с гонцом!..
Неправ наш герцог.

Уходит.

К е н т

Уже рассвет. Видать, нас с королем
Судьба ведет, по старому присловью,
Из доброй тени да на солнцепек.

(Вынимает письмо.)

Что ж, вылезай сюда, маяк небесный;
Довольно антиподов освещать,
Дай перечесть ее письмо. Лишь горе
Нам исцеляет зренье. Это пишет
Корделия, узнавшая случайно,
Что я сменил обличье, но остался
При короле; она отыщет средства
(Тут сказано), «чтоб залечить обиды
И возместить утраты».

– Вы устали,

Глаза мои, вы насмотрелись вдоволь
За эти дни; сомкнитесь, чтоб не видеть
Позорного приюта моего. –
Фортуна, доброй ночи. Улыбнись
И повернись ко мне счастливым боком!

(Засыпает.)

СЦЕНА III

Входит Эдгар.

За мной охотятся, как за оленем.
Я спасся только тем, что влез в дупло
И обманул погоню. Всюду стража;
Во всех портах и малых городках
Ждут, чтоб меня схватить. Но я не дамся.
Я кое-что придумал: облачусь
В лохмотья, притворюсь бродягой нищим,
Которого несчастья низвели
Почти до образа скота. Лицо
Измажу грязью; волосы, как леший,
Взлохмачу, рваной тряпкой кое-как
Прикрою наготу, не убоявшись
Ни холода, ни ветра. Я видал
Несчастных полоумных из Бедлама,
Которые себе втыкают в руки
Булавки и колючки розмарина,
Шипы и щепки, чтобы устроить
Простых зевак, и с плачем и проклятьем
У сельского народа вымогают
Себе на пропитанье. «Бедный Том!»
Ну, что ж! Раз как Эдгар я вне закона,
Пусть так и будет – я сойду за Тома.

СЦЕНА IV

Кент в колодках.

Входят Лир, Шут и Придворный.

Лир

Оставить дом, не отослав обратно
Гонца с ответом? Странно.

Придворный

Говорят,

Они решились на отъезд внезапно.

Кент

Привет тебе, мой добрый господин!

СЦЕНА III

Входит Эдгар.

За мной охотятся, как за оленем.
Я спасся только тем, что влез в дупло
И обманул погоню. Всюду стража;
Во всех портах и малых городках
Ждут, чтоб меня схватить. Но я не дамся.
Я кое-что придумал: облачусь
В лохмотья, притворюсь бродягой нищим,
Которого несчастья низвели
Почти до образа скота. Лицо
Измажу грязью; волосы, как леший,
Взлохмачу, рваной тряпкой кое-как
Прикрою наготу, не убоявшись
Ни холода, ни ветра. Я видал
Несчастных полоумных из Бедлама,
Которые себе втыкают в руки
Булавки и колючки розмарина,
Шипы и щепки, чтобы утрашить
Простых зевак, и с плачем и проклятьем
У сельского народа вымогают
Себе на пропитанье. «Бедный Том!»
Ну, что ж! Раз как Эдгар я вне закона,
Пусть так и будет – я сойду за Тома.

СЦЕНА IV

Кент в колодках.

Входят Лир, Шут и Придворный.

Лир

Оставить дом, не отослав обратно
Гонца с ответом? Странно.

Придворный

Говорят,

Они решились на отъезд внезапно.

Кент

Привет тебе, мой добрый господин!

Л и р

Ха! Весело же ты проводишь время.

Ш у т

Как тебе подвязки – не жмут? Лошадей привязывают за морду, собак и медведей за шею, обезьян поперек живота, а людей, выходит, за ноги. Кто слишком прыток, тому доктор прописывает деревянные чулки.

Л и р

Кто оскорбил твой ранг и полномочья,
Так поступив с тобой?

К е н т

Она и он:

Твой зять и дочь твоя.

Л и р

Неправда.

К е н т

Правда.

Л и р

Не верю.

К е н т

Это так.

Л и р

Не может быть.

К е н т

Все может быть.

Л и р

Ха! Весело же ты проводишь время.

К е н т

Увы, милорд.

Ш у т

Как тебе подвязки – не жмут? Лошадей привязывают за морду, собак и медведей за шею, обезьян поперек живота, а людей, выходит, за ноги. Кто слишком прыток, тому доктор прописывает деревянные чулки.

Л и р

Кто оскорбил твой ранг и полномочья,
Так поступив с тобой?

К е н т

Она и он:

Твой зять и дочь твоя.

Л и р

Неправда.

К е н т

Правда.

Л и р

Не верю.

К е н т

Это так.

Л и р

Не может быть.

Они бы не могли...

К е н т

Смогли, как видишь.

Л и р

Юпитером клянусь, не может быть.

К е н т

Все может быть.

Л и р

Они бы не посмели,
О нет! Ведь так жестоко надругаться
Над нашей честью – хуже, чем убийство.
Поведай, не скрывая, что ты сделал
Или чего они достичь хотели
Такой позорной мерой.

К е н т

Государь,
Когда в их замок я доставил письма
От вашего величества, едва
Успел я, их вручив, с колен подняться,
Как в зал влетел гонец от Гонерильи,
Весь запыхавшись, в пыли и в поту,
И подал им, по сторонам не глядя,
Письмо, которое они прочли –
И сразу в путь собрались, мне велев
За ними следовать и ждать ответа.
Здесь я опять столкнулся с тем гонцом,
Что мне прием у герцога испортил;
К тому же это был тот самый малый,
Что вашему величеству грубил
У Гонерильи в замке. Я с досады
Затеял ссору с ним; но этот трус
До смерти испугался поединка
И криком переполошил весь дом.
Ваш зять нашел, что я кругом виновен,
И присудил к позорной этой каре.

Л и р

Они бы не посмели,
О нет! Ведь так жестоко надругаться
Над нашей честью – хуже, чем убийство.
Поведай, не скрывая, что ты сделал
Или чего они достичь хотели
Такой позорной мерой.

К е н т

Государь,
Когда в их замок я доставил письма
От вашего величества, едва
Успел я, их вручив, с колен подняться,
Как в зал влетел гонец от Гонерильи,
Весь запыхавшись, в пыли и в поту,
И подал им, по сторонам не глядя,
Письмо, которое они прочли –
И сразу в путь собрались, мне велев
За ними следовать и ждать ответа.
Здесь я опять столкнулся с тем гонцом,
Что мне прием у герцога испортил;
К тому же это был тот самый малый,
Что вашему величеству грубил
У Гонерильи в замке. Я с досады
Затеял ссору с ним; но этот трус
До смерти испугался поединка
И криком переполошил весь дом.
Ваш зять нашел, что я кругом виновен,
И присудил к позорной этой каре.

Ш у т

Вон куда гуси полетели; видать, к холодам.

(Напевает.)

Богатого папашу
Ребята дома чтят,
А бедного папашу
Ругают и честят.

Фортуна – хитрая девка, с бедняком не ляжет. Видать по всему, в этом году тебе достанется от дочерей больше тумачков, чем дукатов.

Л и р

Комок какой-то подступает к горлу.
Проклятье! Только бы не зарыдать.
Вот был бы стыд!

(Кенту.)

Где дочь моя, ты знаешь?

К е н т

У графа в замке.

Л и р

Подождите здесь.

Уходит.

П р и д в о р н ы й

И это все, в чем были вы повинны?

К е н т

Клянусь. Но почему при короле
Так мало свиты?

Ш у т

Вот за этот вопрос тебя точно следует посадить в колодки!

К е н т

Почему, дурак?

Ш у т

Придется отдать тебя в ученье муравью, чтоб ты научился запасать на зиму. Потому что даже слепой, коли не увидит, так носом учует, когда дело совсем протухло. Потому, что когда колесо едет в гору, все хватаются за него, чтобы их тоже подняло наверх, а когда колесо катится с горы, каждый норовит спрыгнуть, чтоб не зашибло. Если кто-нибудь даст тебе лучший совет, можешь возвратить этот мне. Мои советы годятся лишь таким умникам, как мы с тобой.

(Поет.)

Покуда светит им барыш,
Отбоя нет от слуг,
Но только дождь заморосит,
Так никого вокруг.

Л и р

Комок какой-то подступает к горлу.
Проклятье! Только бы не зарыдать.
Вот был бы стыд!

(Кенту.)

Где дочь моя, ты знаешь?

К е н т

У графа в замке.

Л и р

Подождите здесь.

Уходит.

П р и д в о р н ы й

И это все, в чем были вы повинны?

К е н т

Клянусь. Но почему при короле
Так мало свиты?

Ш у т

Вот за этот вопрос тебя точно следует посадить в колодки!

К е н т

Почему, дурак?

Ш у т

Придется отдать тебя в ученье муравью, чтоб ты научился запасать на зиму. Потому что даже слепой, коли не увидит, так носом учует, когда дело совсем протухло. Потому, что когда колесо едет в гору, все хватаются за него, чтобы их тоже подняло наверх, а когда колесо катится с горы, каждый норovit спрыгнуть, чтоб не зашибло. Если кто-нибудь даст тебе лучший совет, можешь возвратить этот мне. Мои советы годятся лишь таким же умникам, как мы с тобой.

(Поет.)

Покуда светит им барыш,
Отбоя нет от слуг,
Но только дождь заморосит,
Так никого вокруг.

Один дурак еще за так
Служить всегда готов.
И впрямь: что дураку терять,
Опричь своих мозгов?

К е н т

Где ты это выучил, дурень?

Ш у т

Да уж не в колодках, ваша премудрость.

Входят король Лир и Глостер.

Л и р

Не хочет говорить со мной? Больна?
Устала? Много ездила сегодня? –
Увертки, чтоб не выйти. Принесите
Ответ получше.

Г л о с т е р

Государь мой добрый,
Вы знаете, какой горячий нрав
У герцога, как он упрям и пылок
В своих решеньях...

Л и р

Смерть, чума и ад!
«Горячий нрав»? Вот мило! Повторяю:
Король желает говорить немедля
С любезным зятем и его супругой.

Г л о с т е р

Да, государь.

Один дурак еще за так
Служить всегда готов.
И впрямь: что дураку терять,
Опричь своих мозгов?

К е н т

Где ты это выучил, дурень?

Ш у т

Да уж не в колодках, ваша премудрость.

Входят король Лир и Глостер.

Л и р

Не хочет говорить со мной? Больна?
Устала? Много ездила сегодня? –
Увертки, чтоб не выйти. Принесите
Ответ получше.

Г л о с т е р

Государь мой добрый,
Вы знаете, какой горячий нрав
У герцога, как он упрям и пылок
В своих решеньях...

Л и р

Смерть, чума и ад!
«Горячий нрав»? Вот мило! Повторяю:
Король желает говорить немедля
С любезным зятем и его супругой.

Г л о с т е р

Я доложил о том.

Л и р

Вы «доложили»!
Но вот вопрос: вы поняли меня?

Г л о с т е р

Да, государь.

Л и р

Король желает видеть
Властительного герцога, отец
Желает говорить с родною дочкой.
Он «пылок»? Пылкому скажите так...
А, впрочем, погодите. Может, впрямь
Он болен? Хворь не выбирает срока.
Когда страдает плоть, и дух скорбит.
Не стоит возмущаться тем, что он,
Возможно, сделал в приступе болезни;
Больного как здорового судить
Несправедливо.

(Взглянув на Кента.)

Будь я трижды проклят!
Зачем он здесь сидит в колодках? Это
Доказывает ясно, что болезнь
У герцога и дочери – притворство.
Немедленно его освободить!
Ступайте и скажите: я хочу
Их видеть – здесь, сейчас же. А не выйдут –
Я буду в двери бить, как в барабан,
Покуда мертвые не пробудятся.

Г л о с т е р

Надеюсь, все уладится добром.

Уходит.

Л и р

О сердце бешеное, успокойся!
Не бейся так!

Ш у т

Прикрикни на него, дядюшка, как одна лондонская жёнка кричала на угрей, которые не хотели лезть в пирог. Била их скалкой по головам и кричала: «Назад, бездельники, назад!» Та самая жёнка, чей брат из любви к своей лошади намазывал ей сено маслом.

Входят Герцог Корнуэльский, Регана и слуги.

Л и р

Ну, с добрым утром!

Лир

Король желает видеть
Властительного герцога, отец
Желает говорить с родною дочкой.
Вы так сказали? Ах, горячий нрав?
Он пылок! Доложите громовержцу...
А, впрочем, погодите. Может, впрямь
Он болен? Хворь не выбирает срока.
Когда страдает плоть, и дух скорбит.
Не стоит возмущаться тем, что он,
Возможно, сделал в приступе болезни;
Больного как здорового судить
Несправедливо.

(Взглянув на Кента.)

Будь я трижды проклят!
Зачем он здесь сидит в колодках? Это
Доказывает ясно, что болезнь
У герцога и дочери – притворство.
Немедленно его освободить!
Ступайте и скажите: я хочу
Их видеть – здесь, сейчас же. А не выйдут –
Я буду в двери бить, как в барабан,
Покуда мертвые не пробудятся.

Глостер

Надеюсь, все уладится добром.

Уходит.

Лир

О сердце бешеное, успокойся!
Не бейся так!

Шут

Прикрикни на него, дядюшка, как одна лондонская жёнка кричала на угрей, которые не хотели лезть в пирог. Била их скалкой по головам и кричала: «Назад, бездельники, назад!» Та самая жёнка, чей брат из любви к своей лошади намазывал ей сено маслом.

Входят герцог Корнуэльский, Регана и слуги.

Лир

Ну, с добрым утром!

Герцог Корнуэльский

Добрый день, милорд.

(Делает знак освободить Кента.)

Регана

Я рада вашей светлости.

Лир

Спасибо.

Надеюсь, что ты рада. Рад и я.

Иначе мне пришлось бы развестись

С твоей покойной матерью, признав,

Что я похоронил прелюбодейку.

(Кенту.)

А, ты свободен? Подожди меня.

Кент уходит.

Регана, дочь моя, ты не поверишь,

Как низко обошлась твоя сестра

С твоим отцом. Она вонзила клюв,

Как коршун, вот сюда, мне прямо в сердце.

Мне больно говорить.

Регана

Сэр, успокойтесь.

Я думаю, что вы скорей могли

Понять ее превратно, чем она –

Забывать свой долг.

Лир

Будь проклята она!

Чума ее возьми!

Герцог Корнуэльский
Добрый день, милорд.
(Делает знак освободить Кента.)

Регана
Я рада вашей светлости.

Лир
Спасибо.
Надеюсь, что ты рада. Рад и я.
Иначе мне пришлось бы развестись
С твоей покойной матерью, признав,
Что я похоронил прелюбодейку.
(Кенту.)
А, ты свободен? Подожди меня.

Кент уходит.

Регана, дочь моя, ты не согласишься,
Как низко обошлась твоя сестра
С твоим отцом. Она вонзила клюв,
Как коршун, вот сюда, мне прямо в сердце.
Мне больно говорить.

Регана
Сэр, успокойтесь.
Я думаю, что вы скорей могли
Понять ее превратно, чем она –
Забывать свой долг.

Лир
Как это понимать?

Регана
Я не могу поверить, чтоб сестра
Могла в малейшей мере пренебречь
Своим дочерним и хозяйским долгом.
Сэр, если ей порой и приходилось
Удерживать от буйства вашу свиту,
То цель и средства были безупречны.

Лир
Чума ее возьми!

Регана

Сэр, вы не юны,
Лета и силы ваши на закате.
Желательно, чтоб кто-то направлял
И вел вас, кто яснее, чем вы сами,
Вас понимает. Оттого прошу:
Вернитесь к старшей дочери, скажите,
Что вы не правы.

Лир

Попросить прощенья
Мне перед нею на колени встать:

(Становится на колени.)

«Вот, доченька, нелепый твой отец,
Седой и глупый; дай ему приют,
Еду и кой-какую одежонку».

Регана

Довольно, сэр. Не надо сцен! Вернитесь
К моей сестре.

Лир

(вставая)

Нет, никогда, Регана!

Она уменьшила мне вдвое свиту,
Смотрела сверху, как на червяка,
И жалила змеиными словами.
Я призову скорей все кары неба
На голову ее, чтоб хромота
Ее сразила...

Герцог Корнуэльский

Полно, государь!

Лир

Чтоб солнце красоту ее спалило,
Чтобы покрылся чирьями язык,
Чтоб молния ударила с небес
В ее бесстыжие глаза!

Регана

О боги!

Неужто и меня в запале гнева
Вы так же будете честить и клясть?

Регана

Сэр, вы не юны,
Лета и силы ваши на закате.
Желательно, чтоб кто-то направлял
И вел вас, кто яснее, чем вы сами,
Вас понимает. Оттого прошу:
Вернитесь к старшей дочери, скажите,
Что вы не правы.

Лир

Попросить прощенья?
Мне перед нею на колени встать:
(*Становится на колени.*)

«Вот, доченька, нелепый твой отец,
Седой и глупый; дай ему приют,
Еду и кой-какую одежонку».

Регана

Довольно, сэр. Не надо сцен! Вернитесь
К моей сестре.

Лир

(*вставая*)

Нет, никогда, Регана!
Она уменьшила мне вдвое свиту,
Смотрела сверху, как на червяка,
И жалила змеиными словами.
Я призову скорей все кары неба
На голову ее, чтоб хромота
Ее сразила...

Герцог Корнуэльский

Полно, государь!

Лир

Чтоб солнце красоту ее спалило,
Чтобы покрылся чирьями язык,
Чтоб молния ударила с небес
В ее бесстыжие глаза!

Регана

О боги!

Неужто и меня в запале гнева
Вы так же будете честить и клясть?

Лир

Тебя, Регана? Никогда. За что?
Ты – доброта сама, твои глаза
Лучатся лаской. Ты не упрекала
Меня за поведенье, не грозилась
Полсвиты распустить, не уязвляла
Словами, не захлопывала дверь
Перед отцом. Ты помнишь долг природы,
Дочернюю признательность, учтивость
Ты не забыла, что тебе я отдал
Полкоролевства.

Регана

Ближе к делу, сэр.
Труба за сценой.

Лир

Кто моего гонца обул в колодки?

Герцог Корнуэльский
Чья там труба?

Регана

Я думаю, сестры.
Она писала, что прибудет вскоре.

Входит Освальд.

Приехала ли госпожа твоя?

Лир

Вот прихвостень, что лезет вон из кожи,
Чтоб угодить порокам госпожи.
Прочь с глаз моих!

Освальд уходит.

Герцог Корнуэльский

Что здесь не так, милорд?

Входит Гонерилья.

Лир

Тебя, Регана? Никогда. За что?
Ты – доброта сама, твои глаза
Лучатся лаской. Ты не упрекала
Меня за поведение, не грозилась
Полсвиты распустить, не уязвляла
Словами, не захлопывала дверь
Перед отцом. Ты помнишь долг природы,
Дочернюю признательность, учтивость
Ты не забыла, что тебе я отдал
Полкоролевства.

Регана

Ближе к делу, сэр.
Труба за сценой.

Лир

Кто моего гонца обул в колодки?

Герцог Корнуэльский
Чья там труба?

Регана

Я думаю, сестры.
Она писала, что прибудет вскоре.
Входит Освальд.

Приехала ли госпожа твоя?

Лир

Вот прихвостень, что лезет вон из кожи,
Чтоб угодить порокам госпожи.
Прочь с глаз моих!

Герцог Корнуэльский

Что здесь не так, милорд?

Лир

В колодки кто велел обусть посла? –
Регана, я уверен, ты не знала
Об этой низости.

Входит Гонерилья.

Гонерилья

Кто здесь ударил моего слугу? –
Регана, я надеюсь, ты не знала,
Что здесь произошло.

Лир

Что вижу я?
О праведные небеса! Молю вас,
Услышьте голос мой; вы так же стары,
Как эта голова седая. Сжальтесь,
Помилосердствуйте над стариком!

(Гонерилье.)

Не стыдно ли тебе седин отцовских?

(Регане.)

Неужто ты подашь ей руку, дочь?

Гонерилья

Подаст, конечно. То не преступленье,
Что кажется безумцу таковым.

Лир

О грудь моя! Скрепись еще сильнее,
Чтоб сердце пополам не разорвалось! –
Как оказался мой слуга в колодках?

Герцог Корнуэльский

Я так велел. Его проступок, сэр.
Заслуживал и худшего.

Лир

Вы смели?

Регана

Отец, прошу, не надо представлений,
Что вам не по годам и не к лицу.
Передохните здесь и возвращайтесь
К сестре, полсвиты распустив, а после,
По истеченье месяца, – ко мне.

Но что я вижу?
О праведные небеса! Молю вас,
Услышите голос мой; вы так же стары,
Как эта голова седая. Сжальтесь,
Помилосердствуйте над стариком!

(Гонерилье.)

Не стыдно ли тебе седин отцовских?

(Регане.)

Неужто ты подашь ей руку, дочь?

Г о н е р и л ь я

Подаст, конечно. То не преступленье,
Что кажется безумцу таковым.

Л и р

О грудь моя! Скрепись еще сильнее,
Чтоб сердце пополам не разорвалось! –
Как оказался мой слуга в колодках?

Г е р ц о г К о р н у э л ь с к и й

Я так велел. Его проступок, сэр,
Заслуживал и худшего.

Л и р

Вы смели?

Р е г а н а

Отец, прошу, не надо представлений,
Что вам не по годам и не к лицу.
Передохните здесь и возвращайтесь
К сестре, полсвиты распустив, а после,
По истеченье месяца, – ко мне.

Лир

Вернуться к ней и распустить полсвиты?
Нет, я скорее буду жить без крова –
В лесу, в степи – с волками и совой.
Иль поплыву во Францию за море,
Ударюсь в ножки своему зятю,
Которого я обделил приданым, –
Чтоб дал мне пенсион для поддержанья
Убогой жизни, – или попрошусь
В рабы к любому низкому лакею,
Хоть этому... (Указывает на Освальда.)

Гонерилья

Как вам угодно, сударь.

Лир

Нет, дочка, не своди меня с ума.
Простимся; я тебя не буду мучить.
С тобою больше не видаться нам;
И все-таки ты кровь моя родная,
Ты плоть моя... или, скорей, болезнь
Нательная – свищ, опухоль, карбункул,
Моей же крови порченной вина.
Когда-нибудь тебя охватит стыд;
Но я не стану торопить прозренья,
Бранить, грозить тебе огнем небесным
И адской тьмой... Я буду терпеливым
И мудрым. Я останусь у Реганы
С моею сотней рыцарей.

Регана

Боюсь,
Не все так просто. Я не ожидала
Гостей и не готова так, как должно,
Принять их. Сэр, прислушайтесь к сестре;
Благоразумье здесь не помешает.
Вы стары, вы сейчас раздражены...

Лир

Ты так считаешь?

Лир

Вернуться к ней и распустить полсвиты?
Нет, я скорее буду жить без крова –
В лесу, в степи – с волками и совой.
Иль поплыву во Францию за море,
Ударюсь в ножки своему зятю,
Которого я обделил приданым, –
Чтоб дал мне пенсион для поддержанья
Убогой жизни, – или попрошусь
В рабы к любому низкому лакею,
Хоть этому... (Указывает на Освальда.)

Гонерилья

Как вам угодно, сударь.

Лир

Нет, дочка, не своди меня с ума.
Простимся; я тебя не буду мучить.
С тобою больше не видаться нам;
И все-таки ты кровь моя родная,
Ты плоть моя... или, скорей, болезнь
Нательная – свищ, опухоль, карбункул,
Моей же крови порченной вина.
Когда-нибудь тебя охватит стыд;
Но я не стану торопить прозренья,
Бранить, грозить тебе огнем небесным
И адской тьмой... Я буду терпеливым
И мудрым. Я останусь у Реганы
С моею сотней рыцарей.

Регана

Боюсь,

Не все так просто. Я не ожидала
Гостей и не готова так, как должно,
Принять их. Сэр, прислушайтесь к сестре;
Благоразумье здесь не помешает.
Вы стары, вы сейчас раздражены...

Лир

Ты так считаешь?

Регана

Да, милорд. К тому же,
Пятидесяти человек для свиты –
Вполне достаточно. К чему вам больше?
И так расходов сколько и тревог!
И как поддерживать при двоевластье
Мир и порядок в доме? Вот в чем суть.
Все это сложно и небезопасно.

Гонерилья

Не лучше ли, милорд, чтоб вам служили
Из наших слуг придворных кто-нибудь?

Регана

А будут нерадивы – мы накажем.
Чем плохо? Войско в доме ни к чему.
Прошу, когда ко мне вы соберетесь,
Возьмите только двадцать пять дворян.
Я больше не приму.

Лир

Я всё вам отдал.

Гонерилья

И очень вовремя.

Лир

Я отдал всё,
А за собой лишь выговорил право
На сотню рыцарей... Как ты сказала,
Регана, – примешь только двадцать пять?

Регана

И повторю: достаточно для свиты.

Лир

Всё познаешь в сравненье. Если злого
Сравнить со злейшим, он почти что добр.
Такое нынче время: быть не худшим –
Уже заслуга.

(Гонерилье.)

Регана

Да, милорд. К тому же,
Пятидесяти человек для свиты –
Вполне достаточно. К чему вам больше?
И так расходов сколько и тревог!
И как поддерживать при двоевластье
Мир и порядок в доме? Вот в чем суть.
Все это сложно и небезопасно.

Гонерилья

Не лучше ли, милорд, чтоб вам служили
Из наших слуг придворных кто-нибудь?

Регана

А будут нерадивы – мы накажем.
Чем плохо? Войско в доме ни к чему.
Прошу, когда ко мне вы соберетесь,
Возьмите только двадцать пять дворян.
Я больше не приму.

Лир

Я всё вам отдал

Гонерилья

И очень вовремя.

Лир

Я отдал всё,
А за собой лишь выговорил право
На сотню рыцарей... Как ты сказала,
Регана, – примешь только двадцать пять?

Регана

И повторю: достаточно для свиты.

Лир

Всё познаешь в сравненье. Если злого
Сравнить со злейшим, он почти что добр.
Такое нынче время: быть не худшим –
Уже заслуга.

(Гонерилье.)

Я вернусь к тебе.
Полсотни – это дважды двадцать пять,
Так, значит, вдвое больше и любовь
К родителю.

Гонерилья

А рассуждая здраво,
Сто, пятьдесят, пятнадцать или десять –
Зачем они, когда к услугам вашим
Всегда готова в замке куча слуг?

Регана

В том нет потребности.

Лир

Вот странный довод:
Потребности в том нет! Последний нищий,
И тот имеет что-то сверх потребности –
Пустяк какой-то, чем он дорожит.
Сведи всю жизнь к потребности насущной –
И люди превратятся в скот. Взгляните
Хотя бы на себя; зачем вам, леди,
То, что не греет, – банты, кружева?
В них нет потребности, ведь цель одежды –
От холода хранить. Зачем вам это? –
О небо, дай мне силы претерпеть;
Терпенье – вот что мне сейчас потребно.
Взгляните, боги, вот я перед вами –
Несчастный, скорбью раненный старик.
Коль вы велите, чтоб сердца детей
Против отцов своих ожесточались,
Молю, не довершайте униженья!
Пусть влага жалкая, оружие женщин,
Не запятнает щек моих. –

Нет, ведьмы!

Я отомщу – так страшно, что земля
Всколеблется, – я сделаю такое –
Не знаю что... Вы думаете, я
Сейчас заплачу?

Молния и раскат грома.

Я вернусь к тебе.
Полсотни – это дважды двадцать пять,
Так, значит, вдвое больше и любовь
К родителю.

Гонерилья

А рассуждая здраво,
Сто, пятьдесят, пятнадцать или десять –
Зачем они, когда к услугам вашим
Всегда готова в замке куча слуг?

Регана

В том нет потребности.

Лир

Вот странный довод:
Потребности в том нет! Последний нищий,
И тот имеет что-то сверх потребности –
Пустяк какой-то, чем он дорожит.
Сведи всю жизнь к потребности насущной –
И люди превратятся в скот. Взгляните
Хотя бы на себя; зачем вам, леди,
То, что не греет, – банты, кружева?
В них нет потребности, ведь цель одежды –
От холода хранить. Зачем вам это? –
О небо, дай мне силы претерпеть;
Терпенье – вот что мне сейчас потребно.
Взгляните, боги, вот я перед вами –
Несчастный, скорбью раненный старик.
Коль вы велите, чтоб сердца детей
Против отцов своих ожесточались,
Молю, не довершайте униженья!
Пусть влага жалкая, оружие женщин,
Не запятнает щек моих. –

Нет, ведьмы!

Я отомщу – так страшно, что земля
Всколеблется, – я сделаю такое –
Не знаю что... Вы думаете, я
Сейчас заплачу?

Молния и раскат грома.

Нет! Скорее сердце
Расколется на тысячу кусков,
Чем я заплачу. Шут, уйдем отсюда.
Я, кажется, схожу с ума...

Уходят Лир, Кент и Шут.

Герцог Корнуэльский
Уйдемте. Надвигается гроза.

Регана

Дом этот слишком мал, он не вместил бы
Такую свиту вместе с королем.

Гонерилья

Сам виноват; всех перебаламутил –
Пусть сам и пожинает блажь свою.

Регана

Его бы я охотно приютила, –
Но одного.

Гонерилья

Я целиком согласна.
Где Глостер?

Герцог Корнуэльский

Побежал за королем.

Входит Глостер.

Вот возвращается.

Глостер

Король разгневан.

Герцог Корнуэльский

Куда он едет?

Глостер

Можно лишь гадать.

Велел седлать коня.

Нет! Скорее сердце
Расколется на тысячу кусков,
Чем я заплачу. Шут, уйдем отсюда.
Я, кажется, схожу с ума...

Уходят Лир, Кент и Шут.

Герцог Корнуэльский
Уйдемте. Надвигается гроза.

Регана

Дом этот слишком мал, он не вместил бы
Такую свиту вместе с королем.

Гонерилья

Сам виноват; всех перебаламутил –
Пусть сам и пожинает блажь свою.

Регана

Его бы я охотно приютила, –
Но одного.

Гонерилья

Я целиком согласна.
Где Глостер?

Герцог Корнуэльский

Побежал за королем.

Входит Глостер.

Вот возвращается.

Глостер

Король разгневан.

Герцог Корнуэльский

Куда он едет?

Глостер

Можно лишь гадать.

Велел седлать коня.

Герцог Корнуэльский
Пусть уезжает.
Старик упрям, как пень.

Гонерилья
(Глостеру)

А вам, милорд,
Не стоит умолять его остаться.

Глостер
Сейчас начнется буря. Ветер в поле
Все громче. А вокруг на много миль –
Ни дома, ни куста.

Регана
Сэр, для упрямцев
Уроков лучше нет, чем те несчастья,
Что сами же себе они творят.
Запремте двери. В шайке у него –
Народ отчаянный; что им взбредет,
Никто не ведает. Остережемся.

Гонерилья
Запрем покрепче двери; дело к ночи.
Совет Реганы мудр. Идемте в дом,
Пока не грянула гроза.

Уходят.

Герцог Корнуэльский
Пусть уезжает.
Старик упрям, как пень.

Гонерилья
(Глостеру)

А вам, милорд,
Не стоит умолять его остаться.

Глостер
Сейчас начнется буря. Ветер в поле
Все громче. А вокруг на много миль –
Ни дома, ни куста.

Регана

Сэр, для упрямцев
Уроков лучше нет, чем те несчастья,
Что сами же себе они творят.
Запремте двери. В шайке у него –
Народ отчаянный; что им взбредет,
Никто не ведает. Остережемся.

Гонерилья
Запрем покрепче двери; дело к ночи.
Совет Реганы мудр. Идемте в дом,
Пока не грянула гроза.

Уходят.

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА I

Буря продолжает бушевать.
С разных сторон входят Кент и Придворный.

Кент

Кто здесь, помимо мрака и дождя?

Придворный

Тот, у кого на сердце так же мрачно.

Кент

Я не узнал вас сразу. Где король?

Придворный

Враждует с яростью слепых стихий;
Велит, чтоб ветер сбросил землю в море
Иль море, вздувшись, затопило сушу
Со всем, что есть на ней живого; рвет
Свои седые волосы, а ветер
Хватает их из рук и, как добычу,
Уносит в темноту. В такую ночь,
Когда и лев несытый, и волчица
Со впавшими от голода боками
Дрожат, укрывшись в логове, он бродит
Под ливнем с непокрытой головой,
Бросая вызов буре.

Кент

Кто с ним рядом?

Придворный

Лишь верный шут, старающийся тщетно
Перешутить печаль.

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА I

Буря продолжает бушевать.
С разных сторон входят Кент и Придворный.

Кент

Кто здесь, помимо мрака и дождя?

Придворный

Тот, у кого на сердце так же мрачно.

Кент

Я не узнал вас сразу. Где король?

Придворный

Враждует с яростью слепых стихий;
Велит, чтоб ветер сбросил землю в море
Иль море, вздувшись, затопило сушу
Со всем, что есть на ней.

Кент

Кто рядом с ним?

Придворный

Лишь верный шут, старающийся тщетно
Перешутить печаль.

К е н т

Сэр, зная вас

Как человека верного, хочу
Открыть вам нечто, что должно остаться
Сугубо между нами. Есть разлад,
Сокрытый за притворной дружбой, между
Олбанским герцогом и Корнуэльским.
Король Французский к нам отправил войско,
Которое уже достигло скрытно
Границ державы нашей разделенной
И высадилось в нескольких портах,
Готовясь развернуть свои знамена
И в бой вступить. Сэр, если вы решитесь
Довериться моим словам, прошу:
Скачите в Дувр, где встретят вас, как друга,
И расскажите об обидах лютых.
Что сводят короля с ума. Я знаю,
Вы рыцарь благородный и прямой;
На вас могу я положиться смело.

П р и д в о р н ы й

Кто вы, скажите?

К е н т

Это ни к чему.

Чтоб вы в моих словах не сомневались,
Вот кошелек; возьмите все, что в нем.
Когда случится вам – а вам случится! –
Корделию увидеть, покажите
Ей этот перстень, и она вам скажет,
Кто был ваш незнакомец. Вот погодка!
Чума, и только! Где сейчас король?
Пойду искать его.

П р и д в о р н ы й

Сэр, дайте руку.

Не скажете ли что-нибудь еще?

К е н т

Одно, важнейшее. Мы разоидемся:
Вам – в эту сторону, а мне – туда.
Кто первым встретит короля, пусть крикнет
Как можно громче.

Уходят в разные стороны.

К е н т

Как человека верного, хочу
Открыть вам нечто, что должно остаться
Сугубо между нами. Есть разлад,
Сокрытый за притворной дружбой, между
Олбанским герцогом и Корнуэльским.
Шпионы при дворах обоих принцев –
Французов тайные глаза и уши –
Об этом сведали. И вот теперь,
В связи ли с этой темною интригой
Иль бессердечным, грубым обращением
Со старым королем, а может быть,
Причина есть, таящаяся глубже...

П р и д в о р н ы й

Поговорим подробней.

К е н т

Не сейчас.

Чтоб вы в моих словах не сомневались,
Вот кошелек; возьмите все, что в нем.
Когда случится вам – а вам случится! –
Корделию увидеть, покажите
Ей этот перстень, и она вам скажет,
Кто был ваш незнакомец. Вот погодка!
Чума, и только! Где сейчас король?
Пойду искать его.

П р и д в о р н ы й

Сэр, дайте руку.

Не скажете ли что-нибудь еще?

К е н т

Одно, важнейшее. Мы разойдемся:
Вам – в эту сторону, а мне – туда.
Кто первым встретит короля, пусть крикнет
Как можно громче.

Уходят в разные стороны.

СЦЕНА II

Буря не стихает.
Входят Лир и Шут

Лир

Дуй, дуй, ветрище, лопни от натуги!
Хлещи наотмашь, ливень! Затопи
Коньки домов и шпили колоколен!
Вы, мстительные вспышки грозовые,
Предвестники громовых мощных стрел,
Валящих наземь сосны, опалите
Седую голову мою! Ты, гром,
Расплющи чрево круглое земли,
Испепели зародыши Природы
И размечи по ветру семена
Людей неблагодарных!

Шут

И то, дядюшка! Сладкая водичка при дворе небось лучше, чем ливень в поле. Воротись-ка назад, поклонись дочкам. Эта ночь не щадит ни дурака, ни умного.

Лир

Греми, гроза! Плюй ветром и дождем!
В неблагодарности не упрекну
Вас, гром и ливень, молния и буря;
Ведь я не отдавал вам королевства,
Не называл вас дочками родными.
С чего бы стал я ждать от вас добра?
Вершите вашу волю. Вот я здесь
Пред вами – слабый, жалкий и несчастный
Больной старик. О буйные стихии!
Не стыдно ль вам – со злыми дочерьми
Против отца седого ополчиться
Всей вашей силой грозной? О-хо-хо!

Шут

(поет)

В такую пору мы с дружкой
За двери ни ногой;
Укрылся в домике один,
И в гультфике – другой.

СЦЕНА II

Буря не стихает.
Входят Лир и Шут.

Лир

Дуй, дуй, ветрище, лопни от натуги!
Хлещи наотмашь, ливень! Затопи
Коньки домов и шпили колоколен!
Вы, мстительные вспышки грозовые,
Предвестники громовых мощных стрел,
Валящих наземь сосны, опалите
Седую голову мою! Ты, гром,
Расплющи чрево круглое земли,
Испепели зародыши Природы
И размечи по ветру семена
Людей неблагодарных!

Шут

И то, дядюшка! Сладкая водичка при дворе небось лучше, чем ливень в поле. Воротись-ка назад, поклонись дочкам. Эта ночь не шадит ни дурака, ни умного.

Лир

Греми, гроза! Плюй ветром и дождем!
В неблагодарности не упрекну
Вас, гром и ливень, молния и буря;
Ведь я не отдавал вам королевства,
Не называл вас дочками родными.
С чего бы стал я ждать от вас добра?
Вершите вашу волю. Вот я здесь
Пред вами – слабый, жалкий и несчастный
Больной старик. О буйные стихии!
Не стыдно ль вам – со злыми дочерьми
Против отца седого ополчиться
Всей вашей силой грозной? О-хо-хо!

Шут

(поет)

В такую пору мы с дружкой
За двери ни ногой;
Укрылся в домике один,
И в гультфике – другой.

Бродяга нынче, как султан,
Ночует в шалаше,
И с ним в обнимку – весь отряд
Его любимых вшей.

И только умник под дождем
Блуждает без дорог;
Он пятку до небес вознес,
А сердцем пренебрег.

Л и р

Молчи, старик, будь образцом терпенья.

Входит К е н т.

К е н т

Кто здесь?

Ш у т

Двое в штанах: один умный, другой шустрый.

К е н т

Вы, государь? Увы, в такую бурю
И рыщущий по дебрям хищный зверь
Спасается от ярости небес
В своей норе. Таких огромных молний
И оглушительных ударов грома
И страшных стонов ветра я не помню
За жизнь свою. Невыносимо смертным
Терпеть подобный ужас.

Л и р

Пусть боятся

Те, кто богов разгневал. Трепещите,
Избегнувшие кары негодяи!
Убийцы тайные, забейтесь в щели,
Чтобы от мести спрятаться! Дрожите,
Кровосмесители, в своих постелях!
Предатели, лжецы и лицемеры,
Не сомневайтесь: боги сыщут вас,
Просите милости, пока не грянул
Над вами гром!.. Я тоже виноват;
Но предо мною больше виноваты.

Бродяга нынче, как султан,
Ночует в шалаше,
И с ним в обнимку – весь отряд
Его любимых вшей.

И только умник под дождем
Блуждает без дорог;
Он пятку до небес вознес,
А сердцем пренебрег.

Входит Кент.

Лир

Молчи, старик, будь образцом терпенья.

Кент

Кто здесь?

Шут

Двое в штанах: один умный, другой шустрый.

Кент

Вы, государь? Увы, в такую бурю
И рыщущий по дебрям хищный зверь
Спасается от ярости небес
В своей норе. Таких огромных молний
И оглушительных ударов грома
И страшных стонов ветра я не помню
За жизнь свою. Невыносимо смертным
Терпеть подобный ужас.

Лир

Пусть боятся
Те, кто богов разгневал. Трепещите,
Избегнувшие кары негодяи!
Убийцы тайные, забейтесь в щели,
Чтобы от мести спрятаться! Дрожите,
Кровосмесители, в своих постелях!
Предатели, лжецы и лицемеры,
Не сомневайтесь: боги сыщут вас,
Просите милости, пока не грянул
Над вами гром!.. Я тоже виноват,
Но предо мною больше виноваты.

К е н т

Под ливнем, с непокрытой головой!
Вот горе! Сэр, тут рядом есть лачуга;
Она вас может защитить на время
От непогоды; я же той порой
Вернусь к тем гордым, чьи сердца черствее
Чем каменные стены, и заставлю
Не долг, так хоть учтивость соблюсти.

Л и р

Постой, постой... все в голове смешалось...
Сейчас я вспомню...

(Шуту.)

Что с тобой мой милый?
Тебе не холодно? Я сам продрог...

(Кенту.)

Ну где твоя лачуга? Жизнь заставит,
Так и солому станете ценить.
Идем, мой шут! Каким-то краем сердца
Тебя мне жалко, бедный плут.

Ш у т

(поет)

Кому мозгов не много дано, –
Дуй, ветер, дождь, поливай! –
Тому роптать на судьбу смешно...
Веди нас, милый, в сарай!

Л и р

Хорошо сказано, дружок. (Кенту.) Ну, веди меня к своему шалашу.

Уходят.

К е н т

Под ливнем, с непокрытой головой!
Вот горе! Сэр, тут рядом есть лачуга;
Она вас может защитить на время
От непогоды; я же той порой
Вернусь к тем гордым, чьи сердца черствее
Чем каменные стены, и заставлю
Не долг, так хоть учтивость соблюсти.

Л и р

Постой, постой... все в голове смешалось...
Сейчас я вспомню...

(Шуту.)

Что с тобой, мой милый?

Тебе не холодно? Я сам продрог..

(Кенту.)

Ну, где твоя лачуга? Жизнь заставит,
Так и солону станете ценить.
Идем, мой шут! Каким-то краем сердца
Тебя мне жалко, бедный плут.

Ш у т

(поет)

Кому мозгов не много дано, –
Дуй, ветер, дождь, поливай! –
Тому роптать на судьбу смешно...
Веди нас, милый, в сарай!

Л и р

Хорошо сказано, дружок. (Кенту.) Ну, веди меня к своему шалашу.

Уходит вместе с Кентом.

Ш у т

Славная ночка! После гулянки хорошо протрезвляет. Скажу-ка напоследок предсказание.

Когда ханжу псалтырь исправит,
И эль кабатчик не разбавит,
И будет маяться в цепях
Не еретик, а вертопрах,
Когда в суды закон вернется,
И сыч голубкой обернется,

СЦЕНА III

Входят Глостер и Эдмунд с факелами.

Глостер

Поверь мне, Эдмунд, в этом есть нечто противоестественное. Когда я, пожалев короля, хотел предоставить ему какое-нибудь убежище, они лишили меня власти в моем собственном доме и велели даже не заикаться об этом деле.

Эдмунд

Какое бессердечие!

Глостер

Скажу тебе больше; только об этом никому. Между герцогами раскол и вражда. А сегодня я получил письмо. Опасное письмо, – оно у меня в кабинете под замком. Знай: обиды, которые терпит король, будут отомщены. Часть войск уже высадилась. Мы должны взять сторону короля. Я постараюсь отыскать его и дать пристанище хотя бы на время. А ты отвлеки герцога, займи его беседой, чтобы ничего не прознал. Если спросит, где я, скажи: отец заболел и лежит в постели. Пусть они грозятся; я помогу королю, хотя бы ценой своей жизни. Нас ждут необычайные события, Эдмунд. Прошу тебя, будь осторожен.

Глостер уходит.

Эдмунд

Все это герцог тотчас будет знать –

Когда исчезнет в мире мзда,
И вор заплачет от стыда,
И ростовщик вернет поживу,
И сводня скажет речь не лживу, –
Тогда с небес раздастся звон,
И пошатнется Альбион,
И все начнут – представьте сами –
Ходить не вверх, а вниз ногами!

Вот вам предсказание Мерлина, который еще не родился, но скоро родится.

Уходит.

СЦЕНА III

Входят Глостер и Эдмунд с факелами.

Глостер

Поверь мне, Эдмунд, в этом есть нечто противоестественное. Когда я, пожалев короля, хотел предоставить ему какое-нибудь убежище, они лишили меня власти в моем собственном доме и велели даже не заикаться об этом деле.

Эдмунд

Какое бессердечие!

Глостер

Скажу тебе больше; только об этом никому. Между герцогами раскол и вражда. А сегодня я получил письмо. Опасное письмо, – оно у меня в кабинете под замком. Знай: обиды, которые терпит король, будут отомщены. Часть войск уже высадилась. Мы должны взять сторону короля. Я постараюсь отыскать его и дать пристанище хотя бы на время. А ты отвлеки герцога, займи его беседой, чтобы ничего не прознал. Если спросит, где я, скажи: отец заболел и лежит в постели. Пусть они грозятся; я помогу королю, хотя бы ценой своей жизни. Нас ждут необычайные события, Эдмунд. Прошу тебя, будь осторожен.

Глостер уходит.

Эдмунд

Все это герцог тотчас будет знать –

И об услужливости неуместной,
И о письме; а мне наградой станут
Отцовский титул, земли и доход.
Теряет старость – молодость берет.

Уходит.

СЦЕНА IV

Входят Лир, Кент и Шут.

Кент

Вот и шалаш, мой добрый государь.
Он вас укроет от тиранства бури.

Лир

Оставь меня.

Кент

Прошу сюда, милорд.

Лир

Чего ты хочешь – чтобы всё я вспомнил
И сердце расколосось от тоски?

Кент

Я бы скорей свое разбил на части!
Войдите, сэр; тут суше и теплей.

Лир

Ты думаешь, что холод, дождь и ветер
Меня терзают? Ты ошибся, друг!
Там, где гнездится истинная боль,
Болячка незаметна. От медведя
Бежите вы, но, оказавшись вдруг
Меж зверем и ревущей пучиной,
Вы встретите его лицом к лицу.
Капризно тело, если ум покоен;
Но у меня в душе такая буря,
Что внешняя молчит. Отца обидеть –
Да это же, как руку укусить,
Что кормит вас. О, как я накажу их!

И об услужливости неуместной,
И о письме; а мне наградой станут
Отцовский титул, земли и доход.
Теряет старость – молодость берет.

Уходит.

СЦЕНА IV

Входят Лир, Кент и Шут.

Кент

Вот и шалаш, мой добрый государь.
Он вас укроет от тиранства бури.

Лир

Оставь меня.

Кент

Прошу сюда, милорд.

Лир

Чего ты хочешь – чтобы всё я вспомнил
И сердце расколосось от тоски?

Кент

Я бы скорей свое разбил на части!
Войдите, сэр; тут суше и теплей.

Лир

Ты думаешь, что холод, дождь и ветер
Меня терзают? Ты ошибся, друг!
Там, где гнездится истинная боль,
Болячка незаметна. От медведя
Бежите вы, но, оказавшись вдруг
Меж зверем и ревущею пучиной,
Вы встретите его лицом к лицу.
Капризно тело, если ум покоен;
Но у меня в душе такая буря,
Что внешняя молчит. Отца обидеть –
Да это же, как руку укусить,
Что кормит вас. О, как я накажу их!

Довольно слез. Хлещи! Я все стерплю.
В такую ночь, как эта... Дочки, дочки!
Как вы могли – ведь я вам отдал все...
Молчи, старик; в той стороне безумье.
Назад, назад!

К е н т

Вот вход, мой государь.

Л и р

Входите первыми, раз вам так надо.
Я – вслед за вами... Только эта буря
Могла от тяжких дум меня отвлечь.

Ш у т входит в шалаш.

Л и р

Бездомные продрогшие скитальцы,
Которым негде преклонить главу,
Спасут ли вас дырявые лохмотья
От этого безжалостного ветра
И проливного ливня? Слишком мало
О том я думал. Горькое лекарство
Прими, гордыня; испытай сама,
Что чувствует несчастный, чтобы впредь
Быть милосерднее и справедливей.

Ш у т

(выбегая из шалаша)

Чур меня! Чур! Не входи туда, дядюшка, там привидение!

К е н т

Дай мне руку, не дрожи. Кто там еще?

Ш у т

Привидение, настоящее привидение. Говорит, что его зовут бедный Том.

Довольно слез. Хлещи! Я все стерплю.
В такую ночь, как эта... Дочки, дочки!
Как вы могли – ведь я вам отдал все...
Молчи, старик; в той стороне безумье.
Назад, назад!

К е н т

Вот вход, мой государь.

Л и р

Входите первыми, раз вам так надо.
Я – вслед за вами... Только эта буря
Могла от тяжких дум меня отвлечь.

(Шуту.)

Иди вперед, дружок мой бесприютный!
Входи. Я помолюсь и лягу спать.

Ш у т входит в шалаш.

Л и р

Бездомные продрогшие скитальцы,
Которым негде преклонить главу,
Спасут ли вас дырявые лохмотья
От этого безжалостного ветра
И проливного ливня? Слишком мало
О том я думал. Горькое лекарство
Прими, гордыня; испытай сама,
Что чувствует несчастный, чтобы впредь
Быть милосерднее и справедливей.

Э д г а р

(изнутри)

Бросай якорь! Полторы сажени под кормой!.. Бедный Том!

Ш у т

(выбегая из шалаша)

Чур меня! Чур! Не входи туда, дядюшка, там привидение!

К е н т

Дай мне руку, не дрожи. Кто там еще?

Ш у т

Привидение, настоящее привидение. Говорит, что его зовут бедный Том.

К е н т

Эй ты, ворчащий там в соломе, выйди
И покажись.

Появляется Эдгар, переодетый сумасшедшим

Э д г а р

Прочь, мерзкий демон! Отстань от меня! Сгинь!.. Ветер холодный в терновнике свищет... Ложись в свою промерзшую постель и согрейся.

Л и р

Ты все, что было, отдал дочерям?
Ах ты, бедняга!

Э д г а р

Подайте несчастному Тому! Злой демон гнался за ним сквозь пламя и дым, по болотам и топям, через броды и скалы. Демон подкладывал ему нож под подушку, совал в руку веревку с петлей, подсыпал крысиного яда в похлебку; демон искушал его прыгать через пропасть на вороном скакуне, гнаться за собственной тенью, как за черной кошкой. Сохрани и помилуй ваш разум, какой ни есть. Бедный Том озяб! Дуди-дуди-дуди... Упаси вас от хвори, сглазу и наговору! Не откажите в милостыне бедному Тому, которого мучит мерзкий демон. Вот он – сейчас я его схвачу! Ах, вот ты где – стой, не уйдешь!

Л и р

Выходит, вот ты до чего дошел!
Все отдал дочкам и остался голым?

Ш у т

Да нет, одну тряпочку он себе оставил. А то вышел бы вовсе срам.

Л и р

Пускай все кары, что на небесах
Запасены для грешников, падут
На дочерей твоих!

К е н т

Сэр, у него

Нет дочерей.

К е н т

Эй ты, ворчащий там в соломе, выйди
И покажись.

Появляется Эдгар, переодетый сумасшедшим.

Э д г а р

Прочь, мерзкий демон! Отстань от меня! Сгинь!.. Ветер холодный в терновнике свищет... Ложись в свою промерзшую постель и согрейся.

Л и р

Ты все, что было, отдал дочерям?
Ах ты, бедняга!

Э д г а р

Подайте несчастному Тому! Злой демон гнался за ним сквозь пламя и дым, по болотам и топям, через броды и скалы. Демон подкладывал ему нож под подушку, совал в руку веревку с петлей, подсыпал крысиного яда в похлебку; демон искушал его прыгать через пропасть на вороном скакуне, гнаться за собственной тенью, как за черной кошкой. Сохрани и помилуй ваш разум, какой ни есть. Бедный Том озяб! Дуди-дуди-дуди... Упаси вас от хвори, сглазу и наговору! Не откажите в милостыне бедному Тому, которого мучит мерзкий демон. Вот он – сейчас я его схвачу! Ах, вот ты где – стой, не уйдешь!

Буря не стихает.

Л и р

Выходит, вот ты до чего дошел!
Все отдал дочкам и остался голым?

Ш у т

Да нет, одну тряпочку он себе оставил. А то вышел бы вовсе срам.

Л и р

Пускай все кары, что на небесах
Запасены для грешников, падут
На дочерей твоих!

К е н т

Сэр, у него

Нет дочерей.

Лир

Молчи, упрямый спорщик!
Что может свергнуть дух в такую бездну,
Когда не злоба собственных детей?
Вот пеликанья скорбь: зачал птенцов –
Теперь корми их собственной кровью!

Эдгар

Пили-пили, пиликаша! Где твой папаша? Тьфу на него, тьфу!

Шут

Эта проклятая ночка всех нас превратит в дураков и сумасшедших.

Эдгар

Берегись злого духа; слушай отца с матерью, не нарушай слова, не соблазняй чужую жену, не завидуй чужой шубе. Бедняга Том озяб...

Лир

Кем был ты раньше?

Эдгар

Дамским угодником; завивал волосы, носил на шляпе перчатки своей госпожи, тешил ее гордыню днем и чрево ночью; клялся и нарушал клятвы не моргнув глазом. Засыпал с мыслями о грехе и просыпался, чтоб грешить. Бражничал, играл в кости, по женской части лютовал хуже турецкого султана. Вот каков я был: сердцем лжец, языком льстец, руками подлый грабитель. И еще: ленивый боров, хитрый лис, алчный волк, бешеный пес, кровожадный тигр. Берегитесь, люди добрые! Не дайте шороху юбки и скрипу женских каблучков свести вас с ума-разума. Избегайте шлюх, обходите дома греха, с ростовщиками не якшайтесь, злому бесу не давайте... Ветер холодный в терновнике свищет... У-у-у! У-у-у! Что он там ищет? Бедняга Том озяб. Сгинь, нечистый, сгинь! Скачи мимо!

Лир

Лучше тебе лежать в земле, чем раздетому и разутому дрожать под холодным ветром. Неужели это и есть человек? Рассмотрим ближе. На нем ни кожи звериной, ни шерсти овечьей; он ничего не должен ни шелковичному червю, ни английскому барашку. Мы перед ним – раскрашенные куклы, а он являет правду как она есть; человек, по сути своей, – только бедное голое двуногое животное. Долой эти заемные украсы! (*Хочет сорвать с себя одежду.*)

Лир

Молчи, упрямый спорщик!
Что может свергнуть дух в такую бездну,
Когда не злота собственных детей?
Вот пеликанья скорбь: зачал птенцов –
Теперь корми их собственной кровью!

Эдгар

Пили-пили, пиликаша! Где твой папаша? Тьфу на него, тьфу!

Шут

Эта проклятая ночка всех нас превратит в дураков и сумасшедших.

Эдгар

Берегись злого духа; слушай отца с матерью, не нарушай слова, не соблазней чужую жену, не завидуй чужой шубе. Бедняга Том озяб...

Лир

Кем был ты раньше?

Эдгар

Дамским угодником; завивал волосы, носил на шляпе перчатки своей госпожи, тешил ее гордыню днем и чрево ночью; клялся и нарушал клятвы не моргнув глазом. Засыпал с мыслями о грехе и просыпался, чтоб грешить. Бражничал, играл в кости, по женской части лютовал хуже турецкого султана. Вот каков я был: сердцем лжец, языком льстец, руками подлый грабитель. И еще: ленивый боров, хитрый лис, алчный волк, бешеный пес, кровожадный тигр. Берегитесь, люди добрые! Не дайте шороху юбки и скрипу женских каблучков свести вас с ума-разума. Избегайте шлюх, обходите дома греха, с ростовщиками не якшайтесь, злomu бесу не давайте... Ветер холодный в терновнике свищет... У-у-у! У-у-у! Что он там ищет? Бедняга Том озяб. Сгинь, нечистый, сгинь! Скачи мимо!

Шторм продолжается.

Лир

Лучше тебе лежать в земле, чем раздетому и разутому дрожать под холодным ветром. Неужели это и есть человек? Рассмотрим ближе. На нем ни кожи звериной, ни шерсти овечьей; он ничего не должен ни шелковичному червю, ни английскому барашку. Мы перед ним – раскрашенные куклы, а он являет правду как она есть; человек, по сути своей, – только бедное голое двуногое животное. Долой эти заемные узоры! Помогите мне расстегнуться... (*Хочет сорвать с себя одежду.*)

Ш у т

Успокойся, дядюшка. Не такая эта ночь, чтобы купаться. Сейчас даже костер посередине поля – как сердце старого распутника: слабая искорка в холодном сыром теле. Но что это? Какой-то блуждающий огонек бредет по степи... И он движется сюда!

Э д г а р

Это Флигертиджиббет, мерзкий демон! Он приходит после заката и бродит до первых петухов. Заячья губа, трясучка, косоглазие, тля на пшенице и прочие напасти – это все от него.

Три раза Витольд возгласил: Свят, свят, свят!
И топнул на бесов три раза подряд;
Умчались в испуге
Все ведьмы в округе,
В охапку своих похватав бесенят.

Входит Глостер с факелом в руке.

К е н т

Вам лучше, ваша светлость?

Л и р

(показывая на Глостера)

Что за призрак?

К е н т

Кто здесь? Зачем вы бродите во тьме?

Г л о с т е р

Откройте вы сперва – кто вы такие?

Э д г а р

Я – бедный Том. Питаюсь лягушками и головастиками, жабами и тритонами, пью воду с ряской из лужи. Когда демон одолевает, плотаю что ни попадя: на закуску коровью лепешку, на заедку – дохлую крысу из канавы; все меня бранят и гонят, бьют плетями и сажают в колодки; а был я парень богатый, имел шесть рубах, да штаны с заплатой, да лошадку, да кинжал, да скотины пять дюжин мышей, кроме блох и вшей... А-а-а! Враг за мною гонится! Брысь! Отстань, Смалкин, уймись, бес проклятый!

Г л о с т е р

(Лир)

Ужели, государь, вы не нашли
Достойней спутников?

Ш у т

Успокойся, дядюшка. Не такая эта ночь, чтобы купаться. Сейчас даже костер посередине поля – как сердце старого распутника: слабая искорка в холодном сыром теле. Но что это? Какой-то блуждающий огонек бредет по степи... И он движется сюда!

Э д г а р

Это Флигертиджиббет, мерзкий демон! Он приходит после заката и бродит до первых петухов. Заячья губа, трясучка, косоглазие, тля на пшенице и прочие напасти – это все от него.

Три раза Витольд возгласил: Свят, свят, свят!
И топнул на бесов три раза подряд;
Умчались в испуге
Все ведьмы в округе,
В охапку своих похватав бесенят.

Входит Глостер с факелом в руке.

К е н т

Вам лучше, ваша светлость?

Л и р

(показывая на Глостера)

Что за призрак?

К е н т

Кто здесь? Зачем вы бродите во тьме?

Г л о с т е р

Откройте вы сперва – кто вы такие?

Э д г а р

Я – бедный Том. Питаюсь лягушками и головастиками, жабами и тритонами, пью воду с ряской из лужи. Когда демон одолевает, глотаю что ни попадя: на закуску коровью лепешку, на заедку – дохлую крысу из канавы; все меня бранят и гонят, бьют плетями и сажают в колодки; а был я парень богатый, имел шесть рубах, да штаны с заплатой, да лошадку, да кинжал, да скотины пять дюжин мышей, кроме блох и вшей... А-а-а! Враг за мною гонится! Брысь! Отстань, Смалкин, уймись, бес проклятый!

Г л о с т е р

(Лиру)

Ужели, государь, вы не нашли
Достойней спутников?

Э д г а р

Владыка Тьмы –
По-вашему, не знатная персона?
Модо и Маху – имена его.

Г л о с т е р
(Лиру)

Плоть наша так осквернена грехом,
Мой государь, что порожденья плоти
Порою восстают на нас самих.

Э д г а р

Бедняжка Том озяб!

Г л о с т е р

Мой долг мне не велит повиноваться
Приказу ваших дочерей: оставить
Вас в чистом поле, двери заперев,
В объятьях этой беспощадной бури.
Поэтому я здесь. Мой государь,
Позвольте, я вас провожу туда,
Где есть огонь и кое-что на ужин.

Л и р

Я бы хотел сперва потолковать
С философом.

(Эдгару.)

Что есть причина грома?

К е н т

Добрый мой государь, примите его предложение; пойдёмте в дом.

Л и р

Еще два слова с этим мудрым греком.
Каков сейчас предмет занятий ваших?

Э д г а р

Два предмета – вши и блохи... Да еще бес проклятый. Вот привязался!

Л и р

Хочу спросить у вас наедине...

Отходит с Эдгаром в сторону.

Эдгар

Владыка Тьмы –
По-вашему, не знатная персона?
Модо и Маху – имена его.

Глостер
(Лир)

Плоть наша так осквернена грехом,
Мой государь, что порожденья плоти
Порою восстают на нас самих.

Эдгар

Бедняжка Том озяб!

Глостер

Мой долг мне не велит повиноваться
Приказу ваших дочерей: оставить
Вас в чистом поле, двери заперев,
В объятьях этой беспощадной бури.
Поэтому я здесь. Мой государь,
Позвольте, я вас провожу туда,
Где есть огонь и кое-что на ужин.

Лир

Я бы хотел сперва потолковать
С философом.

(Эдгару.)

Что есть причина грома?

Кент

Добрый мой государь, примите его предложение; пойдете в дом.

Лир

Еще два слова с этим мудрым греком.
Каков сейчас предмет занятий ваших?

Эдгар

Два предмета – вши и блохи... Да еще бес проклятый. Вот привязался!

Лир

Хочу спросить у вас наедине...

Отходит с Эдгаром в сторону.

Кент

Уговорите, сэр, его идти.
Рассудок государя пошатнулся.

Глостер

Кто б это вынес? Дочки сговорились
Отца сгубить; а он решил, несчастный:
Пусть так и будет. Ах, мой добрый Кент!
Ты говоришь, в уме он пошатнулся.
Немудрено. Возьмем хотя б меня.
Был у меня любимый сын – любимей
На свете не бывает. Я извергнул
Его из сердца: он злоумышлял
На жизнь мою. Как не сойти с ума
От этой скорби!

(Лиру.)

Умоляю вас,
В такую ночь нельзя здесь оставаться...

Лир

Потом, потом...

(Эдгару.)

Я с вами, мой учитель,
Хочу беседовать.

Эдгар

Том весь прозяб.

Глостер

Под крышей ты согреешься, приятель.

Лир

Ну хорошо; идемте.

Кент

Не сюда, –
В ту сторону.

Лир

Пойду, но только с ним –
С моим философом.

Кент

Уговорите, сэр, его идти.
Рассудок государя пошатнулся.

Буря не стихает.

Глостер

Кто б это вынес? Дочки сговорились
Отца сгубить; а он решил, несчастный:
Пусть так и будет. Ах, мой добрый Кент!
Ты говоришь, в уме он пошатнулся.
Немудрено. Возьмем хотя б меня.
Был у меня любимый сын – любимей
На свете не бывает. Я извергнул
Его из сердца: он злоумышлял
На жизнь мою. Как не сойти с ума
От этой скорби!

(Лиру.)

Умоляю вас,
В такую ночь нельзя здесь оставаться...

Лир

Потом, потом...

(Эдгару.)

Я с вами, мой учитель,
Хочу беседовать.

Эдгар

Том весь прозяб.

Глостер

Под крышей ты согреешься, приятель.

Лир

Ну хорошо; идемте.

Кент

Не сюда, –
В ту сторону.

Лир

Пойду, но только с ним –
С моим философом.

Кент
(Глостеру)

Сэр, не перечьте.
Возьмем бродягу.

Глостер
Хорошо, возьмем.

Кент
Пойдем, приятель! Ничего не бойся.

Лир
Любезный мой афинянин, сюда.

Глостер
Прошу вас, тише.

Эдгар
Вот к Черной башне Чайлд-Роланд подъехал на коне...
Тьфуй! Фуй! Уф! Ух!
Чую человеческий дух!

Уходят.

СЦЕНА V

Замок Глостера.
Входят герцог Корнуэльский и Эдмунд.

Герцог Корнуэльский
Я не уеду отсюда, пока не отомщу.

Эдмунд
Как бы меня не стали упрекать, что во имя преданности я забыл долг природы.

Герцог Корнуэльский
Теперь я вижу, что твой брат злоумышлял против отца не просто по своей порочности; он чуял скрытую в нем измену.

Кент
(Глостеру)

Сэр, не перечьте.
Возьмем бродягу.

Глостер
Хорошо, возьмем.

Кент
Пойдем, приятель! Ничего не бойся.

Лир
Любезный мой афинянин, сюда.

Глостер
Прошу вас, тише.

Эдгар
Вот к Черной башне Чайлд-Роланд подъехал на коне...
Тьфуй! Фуй! Уф! Ух!
Чую человеческий дух!

Уходят.

СЦЕНА V

Замок Глостера.

Входят герцог Корнуэльский и Эдмунд.

Герцог Корнуэльский
Я не уеду отсюда, пока не отомщу.

Эдмунд
Как бы меня не стали упрекать, что во имя преданности я забыл долг природы.

Герцог Корнуэльский
Теперь я вижу, что твой брат злоумышлял против отца не просто по своей порочности; он чуял скрытую в нем измену.

Эдмунд

Такое мое несчастье, милорд, что я должен стыдиться своей честности. (*Отдавая герцогу письмо.*) Вот письмо, доказывающее, что он шпионил в пользу французов. О небеса, зачем вы устроили так, чтобы мне выпало это открыть!

Герцог Корнуэльский

Мы должны все рассказать герцогине.

Эдмунд

Если содержание письма подтвердится, у вас будет много забот, милорд.

Герцог Корнуэльский

В любом случае оно сделало тебя графом Глостерским. Узнай, где сейчас твой отец. Если эта бумага говорит правду, он будет арестован.

Эдмунд

(*в сторону*)

Если выяснится, что он предоставил приют королю, это вызовет еще больше подозрений. (*Герцогу.*) Будьте уверены в моем усердии, как бы ни трудно мне было заглушать голос крови.

Герцог Корнуэльский

Я доверяю тебе. Мое расположение с лихвой заменит тебе отцовскую любовь.

Уходят.

СЦЕНА VI

Комната в сельском доме рядом с замком.

Входят Кент и Глостер.

Глостер

Здесь лучше, чем под открытым небом; и то хорошо. Постараюсь восполнить скромность этого места кое-каким угощением. Подождите, я скоро вернусь.

Кент

Увы! Обида и гнев вытеснили прежний разум короля. Благодарю за ваши заботы, сэр.

Глостер уходит. Входят Лир, Эдгар и Шут.

Эдмунд

Такое мое несчастье, милорд, что я должен стыдиться своей честности. (*Отдавая герцогу письмо.*) Вот письмо, доказывающее, что он шпионил в пользу французов. О небеса, зачем вы устроили так, чтобы мне выпало это открыть!

Герцог Корнуэльский

Мы, должны все рассказать герцогине.

Эдмунд

Если содержание письма подтвердится, у вас будет много забот, милорд.

Герцог Корнуэльский

В любом случае оно сделало тебя графом Глостерским. Узнай, где сейчас твой отец. Если эта бумага говорит правду, он будет арестован.

Эдмунд

(*в сторону*)

Если выяснится, что он предоставил приют королю, это вызовет еще больше подозрений. (*Герцогу.*) Будьте уверены в моем усердии, как бы ни трудно мне было заглушать голос крови.

Герцог Корнуэльский

Я доверяю тебе. Мое расположение с лихвой заменит тебе отцовскую любовь.

Уходят.

СЦЕНА VI

Комната в сельском доме рядом с замком.

Входят Кент и Глостер.

Глостер

Здесь лучше, чем под открытым небом; и то хорошо. Постараюсь восполнить скромность этого места кое-каким угощением. Подождите, я скоро вернусь.

Кент

Увы! Обида и гнев вытеснили прежний разум короля. Благодарю за ваши заботы, сэр.

Глостер уходит. Входят Лир, Эдгар и Шут.

Э д г а р

Вельзевул зовет меня, и Нерон забрасывает свой крючок в озеро мрака. Молись, невинная душа, чтобы не попасться на удочку дьяволу!

Ш у т

Скажи-ка, дядюшка, безумец по своему званию джентльмен или простолюдин?

Л и р

Король, король!..
Пусть бесы с раскаленными щипцами
Набросятся на них, шипя от злости...

Э д г а р

Эти бесы искусили мне всю спину!

Ш у т

Безумец тот, кто верит в коня леченого и волка прирученного, в любовь юнца и клятвы гулящей девки.

Л и р

Я буду их судить. Сейчас, немедля!

(Эдгару.)

Садитесь тут, ученейший судья.

(Шуту.)

А вы сюда, мудрейший сэръ. – Ну, лисы!..

Э д г а р

Вот он стоит и пялится на нас. – А вы, мадам? Желаете поглядеть на суд?

(Поет.)

Спустись, дружок, на бережок
И поплывем на тот лужок.

Ш у т

(поет)

У бедной Бесси в лодке течь,
Она с тобой не может лечь
На том лужке, о том и речь.

Э д г а р

Злой демон распелся соловьем. А другой у Тома в брюхе каркает: «Дай селедку, дай селедку!» Не каркай, Хупперданс, я ничего тебе не дам!

Эдгар

Вельзевул зовет меня, и Нерон забрасывает свой крючок в озеро мрака. Молись, невинная душа, чтобы не попасться на удочку дьяволу!

Шут

Скажи-ка, дядюшка, безумец по своему званию джентльмен или простолюдин?

Лир

Король, король!

Шут

Нет, безумец – это простолюдин, который выводит сына в джентльмены, чтобы тот, получив герб, стыдился своего отца.

Лир

Пусть бесы с раскаленными щипцами
Набросятся на них, шипя от злости...

Кент

Что с вами, сэр? На что вы так глядите?
Не лучше ли прилечь? Тут есть подушки.

Лир

Сперва я учиню над ними суд.
Введите в зал свидетелей! Приступим.

(Эдгару.)

Вы, облаченный в мантию судья,
Займите место.

(Шуту.)

Вы, сопредседатель,

С ним рядом.

(Кенту.)

Королевский прокурор

Пусть сядет там.

Эдгар

Мы будем судить справедливо.

Проснись, любезный пастушок,

С овечками неладно;

Одна из них залезла в грязь,

Гони ее обратно.

Опять эта серая кошка! Брысь!

Лир

Приведите первую обвиняемую. Ее зовут Гонерилья. Свидетельствую под присягой, ваша честь: это она вышвырнула за двери своего отца короля.

Шут

Подойдите сюда, сударыня. Ваше имя Гонерилья?

Лир

Она не сможет этого отрицать.

Шут

Прошу прощения, мадам, я принял вас за табуретку.

Л и р

А вот другая, в чьем блудливом взоре
Двуличная душа видна насквозь. –
Эй, стража! Задержать ее на месте!
К оружию! Тревога! Все сюда! –
Предатель, почему ты дал ей скрыться?

Э д г а р

Куда вы скрылись, бедные мои мозги?

К е н т

О горе! Сэр, где ваше хладнокровье,
Которым отличались вы всегда?

Э д г а р

(в сторону)

Боюсь, чтоб слезы, брызнув, не раскрыли
Мое притворство.

Л и р

Все собаки разом –
Трэй, Бланш и Милка – лают на меня.

Э д г а р

Бедный Том их проучит. Вот как швырнет в них свою голову, так подожмут хвосты!

Всех я вас, собачьи морды,
Будь вы злобны или горды,
Гончие или бульдоги,
Тощи или кривоноги,
Спаниэли и борзые,
Малахольные и злые, –
Всех вас, шавок, проучу,
Распугаю, размечу!
Голову швырну с размаху –
Заскулите вы от страху!

Отстань, нечистый, тебе говорят! Проваливай отсюда на ярмарку или на поминки! Бедный Том! В твоём рожке совсем сухо.

Л и р

Нет, пусть рассмотрят, что у нее в сердце! Пусть доктора анатомируют ее и сыщут причину, отчего так рано каменеют сердца. (Эдгару.) Сэр, я вас беру в свою свиту. Только мне не нравится фасон вашего платья. Вы скажете, что это персидская мода; и все-таки перемените наряд.

Эдгар

Бедные мои мозги!

Кент

О горе! Сэр, где ваше хладнокровье,
Которым отличались вы всегда?

Эдгар

(в сторону)

Боюсь, чтоб слезы, брызнув, не раскрыли
Мое притворство.

Лир

Все собаки разом –
Трэй, Бланш и Милка – лают на меня.

Эдгар

Бедный Том их прочит. Вот как швырнет в них свою голову, так подожмут хвосты!

Всех я вас, собачьи морды,
Будь вы злобны или горды,
Гончие или бульдоги,
Тощи или кривоноги,
Спаниэли и борзые,
Малахольные и злые, –
Всех вас, шавок, проучу,
Распугаю, размечу!
Голову швырну с размаху –
Заскулите вы от страху!

Отстань, нечистый, тебе говорят! Проваливай отсюда на ярмарку или на поминки! Бедный Том! В твоём рожке совсем сухо.

Лир

Нет, пусть рассмотрят, что у нее в сердце! Пусть доктора анатомируют ее и сыщут причину, отчего так рано каменеют сердца. (Эдгару.) Сэр, я вас беру в свою свиту. Только мне не нравится фасон вашего платья. Вы скажете, что это персидская мода; и все-таки перемените наряд.

Кент

Мой добрый государь, передохните.
Прилягте.

Лир

Хорошо. Пусть не шумят.
Задерните мне полог над кроватью.
Благодарю. А утром разбудите
Меня на ужин.

Входит Глостер.

Глостер

На пару слов, мой друг. Где государь?

Кент

Он спит, его не надо беспокоить.
Он не в себе.

Глостер

Не медлите, прошу.
Его хотят убить; я все подслушал.
Снесите на носилках короля
К повозке и тотчас же уезжайте.
Вас в Дувре ждет укрытье и защита.
Поторопитесь; через полчаса
И короля, и всех, кто будет рядом,
Ждет скорая расправа. Ну, живее!
Берите короля и все за мной.
Еды в дорогу я вам приготовил.

Кент

Он спит, намаявшись. Быть может, сон
Даст облегченье изнуренным нервам,
А что до исцеленья – тут надежда
Лишь на счастливый случай.

(Шуту.)

Помогай

Нести хозяина. Тебе не стоит
Здесь оставаться.

Глостер

Следуйте за мной.

Уходят все, кроме Эдгара.

Кент

Мой добрый государь, передохните.
Прилягте.

Лир

Хорошо. Пусть не шумят.
Задерните мне полог над кроватью.
Благодарю. А утром разбудите
Меня на ужин.

Шут

Или на обед.

Входит Глостер.

Глостер

На пару слов, мой друг. Где государь?

Кент

Он спит, его не надо беспокоить.
Он не в себе.

Глостер

Не медлите, прошу.
Его хотят убить; я все подслушал.
Снесите на носилках короля
К повозке и тотчас же уезжайте.
Вас в Дувре ждет укрытье и защита.
Поторопитесь; через полчаса
И короля, и всех, кто будет рядом,
Ждет скорая расправа. Ну, живее!
Берите короля и все за мной.
Еды в дорогу я вам приготовил.

Уходят, унося Лира.

Эдгар

Когда и государи терпят то же,
Роптать на горести свои негоже.
Страдает люто тот, кто одинок,
Оплакивая все, что отнял Рок.
Но легче нам становится отчасти
Страдать с товарищами по несчастью.
Сколь выносимее ярмо невзгод,
Когда и короля оно гнетет.
Я от отца терплю, а он от дочек.
Но Время после долгих проволочек
Развеет ложь, мой Том! Внимай пока
Глухим раскатам бурь издалека
И будь готовым скинуть маску фальши.
О боги, что бы ни случилось дальше,
Сегодня – дайте королю спастись!
А ты, приятель, скройся. Притаись.

Уходит.

СЦЕНА VII

Замок Глостера.

Входят герцог Корнуэльский,
Регана, Гонерилья, Эдмунд и слуги.

Герцог Корнуэльский
(Гонерилье)

Спешно езжайте к вашему мужу лорду Олбанскому; надо сообщить ему об этом письме. Французская армия высадилась на английской земле.

(Слугам.)

Сыскать этого предателя Глостера.

Несколько слуг уходят.

Регана

Вздернуть негодя сию минуту.

Гонерилья

Врывать у него глаза!

СЦЕНА VII

Замок Глостера.
Входят герцог Корнуэльский,
Регана, Гонерилья, Эдмунд и слуги.

Герцог Корнуэльский
(Гонерилье)

Спешно езжайте к вашему мужу лорду Олбанскому; надо сообщить ему об этом письме. Французская армия высадилась на английской земле.

(Слугам.)

Сыскать этого предателя Глостера.

Несколько слуг уходят.

Регана

Вздернуть негодя сию минуту.

Гонерилья

Вырвать у него глаза!

Герцог Корнуэльский

Предоставьте его моей мести. Эдмунд, составьте компанию нашей сестре герцогине. Не подобает вам видеть, какой каре я буду вынужден подвергнуть вашего отца-изменника. Езжайте к герцогу и посоветуйте ему спешно готовить войско. Мы намерены заняться тем же. Будем поддерживать сообщение как можно чаще. До свиданья, дорогая сестра. До свидания, мой лорд Глостер.

Входит Освальд.

Ну как? Где король?

Освальд

Граф Глостерский помог ему уехать.
Три дюжины из свиты короля
Верхами ждали у ворот, и с ними
Из графских слуг полдюжины. Все вместе
Они отбыли в направлении Дувра,
Хвалясь, что там их ждут уже друзья
С подмогою.

Герцог Корнуэльский

Готовьте лошадей

Для вашей госпожи.

Гонерилья

Сестра, прощайте.

Прощайте, милый брат.

Герцог Корнуэльский

Езжайте, Эдмунд.

Гонерилья и Глостер уходят.

Герцог Корнуэльский

Узнать не медля, где предатель Глостер.
Связать, как вора, и доставить к нам.

Несколько слуг уходят.

Хотя, увы, нельзя казнить мерзавца
Без всякого подобия суда,
Но нам никто не может помешать
Насытить гнев иначе.

Слуги вводят Глостера.

Герцог Корнуэльский

Предоставьте его моей мести. Эдмунд, составьте компанию нашей сестре герцогине. Не подобает вам видеть, какой каре я буду вынужден подвергнуть вашего отца-изменника. Езжайте к герцогу и посоветуйте ему спешно готовить войско. Мы намерены заняться тем же. Будем поддерживать сообщение как можно чаще. До свиданья, дорогая сестра. До свидания, мой лорд Глостер.

Входит Освальд.

Ну как? Где король?

Освальд

Граф Глостерский помог ему уехать.
Три дюжины из свиты короля
Верхами ждали у ворот, и с ними
Из графских слуг полдюжины. Все вместе
Они отбыли в направленьи Дувра,
Хвалясь, что там их ждут уже друзья
С подмогою.

Герцог Корнуэльский

Готовьте лошадей

Для вашей госпожи.

Гонерилья

Сестра, прощайте.

Прощайте, милый брат.

Герцог Корнуэльский

Езжайте, Эдмунд.

Гонерилья и Глостер уходят.

Герцог Корнуэльский

Узнать не медля, где предатель Глостер.
Связать, как вора, и доставить к нам.

Несколько слуг уходят.

Хотя, увы, нельзя казнить мерзавца
Без всякого подобия суда,
Но нам никто не может помешать
Насытить гнев иначе.

Слуги вводят Глостера.

У, предатель!

Регана

Лукавая лисица, вот кто он.

Герцог Корнуэльский

Скрутить покрепче эти лисьи лапки.
Скорей!

Глостер

Что это значит, ваша светлость?
Опомнитесь, вы у меня в гостях.
Не надо так шутить!

Герцог Корнуэльский

Вяжите крепче.

Регана

Сильней, сильней! О, подлый змей! Предатель!

Глостер

Предателем я не был никогда,
Безжалостная леди.

Герцог Корнуэльский

Привяжите

Злодея к креслу. Ну, сейчас узнаешь...

Регана вырывает у Глостера клоч бороды.

Глостер

Не стыдно ль вам – у старика седого
Рвать бороду?

Регана

Ты не старик, ты – вор!

Глостер

О злая леди! Этот клоч волос
Еще вернется к вам как обвинитель.
Подумайте – вы в доме у меня.
Негоже так разбойничьей рукой
Рвать на клочки гостеприимство.

У, предатель!

Регана

Лукавая лисица, вот кто он.

Герцог Корнуэльский

Скрутить покрепче эти лисьи лапки.
Скорей!

Глостер

Что это значит, ваша светлость?
Опомнитесь, вы у меня в гостях.
Не надо так шутить!

Герцог Корнуэльский

Вяжите крепче.

Регана

Сильней, сильней! О, подлый змей! Предатель!

Глостер

Предателем я не был никогда,
Безжалостная леди.

Герцог Корнуэльский

Привяжите

Злодея к креслу. Ну, сейчас узнаешь...

Регана вырывает у Глостера клоч бороды.

Глостер

Не стыдно ль вам – у старика седого
Рвать бороду?

Регана

Ты не старик, ты – вор!

Глостер

О злая леди! Этот клоч волос
Еще вернется к вам как обвинитель.
Подумайте – вы в доме у меня.
Негоже так разбойничьей рукой
Рвать на клочки гостеприимство.

Герцог Корнуэльский

Хватит!

Какие письма получали вы
Из Франции?

Регана

Лукавить бесполезно.
Мы знаем все.

Герцог Корнуэльский

В каких сношениях вы
С изменниками, что ступили снова
На землю королевства?

Регана

И к которым
Вы отослали короля-безумца.
Чур, не юлить.

Глостер

Я получил письмо,
В котором ничего не утверждалось,
А только строились предположенья,
Не от врага державы, но, скорей,
От человека без пристрастий.

Герцог Корнуэльский

Ложь!

Регана

Увертки!

Герцог Корнуэльский

Говорите откровенно:
Куда вы отослали короля?

Глостер

В Дувр.

Регана

Почему?

Герцог Корнуэльский

Хватит!

Какие письма получали вы
Из Франции?

Регана

Лукавить бесполезно.
Мы знаем все.

Герцог Корнуэльский

В каких сношениях вы
С изменниками, что ступили снова
На землю королевства?

Регана

И к которым
Вы отослали короля-безумца.
Чур, не юлить.

Глостер

Я получил письмо,
В котором ничего не утверждалось,
А только строились предположенья,
Не от врага державы, но, скорей,
От человека без пристрастий.

Герцог Корнуэльский

Ложь!

Регана

Увертки!

Герцог Корнуэльский

Говорите откровенно:
Куда вы отослали короля?

Глостер

В Дувр.

Регана

Почему?

Герцог Корнуэльский

Пусть отвечает прямо.

Глостер

Я здесь привязан, как медведь на травле.

Регана

Так почему же в Дувр?

Глостер

Чтоб не смотреть,
Как вырвешь ты проклятыми когтями
Глаза отца, как мерзкая сестра
Священной царской кровью обагрит
Свои клыки! Была такая буря,
Что волны в море чуть не загасили
Звезд в небесах; а он, несчастный старец,
Лил слезы вместе с ливнем. Если б волки
В такую ночь скулили у ворот,
Вы бы впустили их. Доступна жалость
И самым злым... Но я еще увижу,
Как месть крылатая настигнет вас,
Детей немилосердных.

Герцог Корнуэльский

Не увидишь.

Держите кресло, молодцы! Сейчас
Я растопчу твой глаз.

(Вырывает глаз у Глостера.)

Глостер

Кто чтит отцов

И сам до старости дожить намерен,
На помощь мне! – О боги! О жестокость!

Регана

Несправедливый вышел перекос, –
Рви и второй.

Первый слуга

Милорд, остановитесь!

Я сызмальства служил вам – и ни разу
Не услужил достойней, чем сейчас,
Пытаясь удержать вас.

Герцог Корнуэльский

Пусть отвечает прямо.

Глостер

Я здесь привязан, как медведь на травле.

Регана

Так почему же в Дувр?

Глостер

Чтоб не смотреть,

Как вырвешь ты проклятыми когтями
Глаза отца, как мерзкая сестра
Священной царской кровью обагрит
Свои клыки! Была такая буря,
Что волны в море чуть не загасили
Звезд в небесах; а он, несчастный старец,
Лил слезы вместе с ливнем. Если б волки
В такую ночь скулили у ворот,
Вы бы впустили их. Доступна жалость
И самым злым... Но я еще увижу.
Как месть крылатая настигнет вас,
Детей немилосердных.

Герцог Корнуэльский

Не увидишь.

Держите кресло, молодцы! Сейчас
Я растопчу твой глаз.

(Вырывает глаз у Глостера.)

Глостер

Кто чтит отцов

И сам до старости дожить намерен,
На помощь мне! – О боги! О жестокость!

Регана

Несправедливый вышел перекося, –
Рви и второй.

Первый слуга

Милорд, остановитесь!

Я сызмальства служил вам – и ни разу
Не услужил достойней, чем сейчас,
Пытаясь удержать вас.

Регана

Ах ты пес!

Первый слуга

Будь борода у вас на подбородке,
Я выдрал бы ее. Что вы творите?

Герцог Корнуэльский
Презренный раб!

Первый слуга

Ну получай, коль так!

Обнажают мечи и сражаются.

Регана

(другому слуге)

Дай мне свой меч.

– Восстать на господина?!

(Убивает Первого слугу.)

Первый слуга

Я умираю... Сэр, последним глазом
Взгляните: он наказан!

Герцог Корнуэльский

Это будет

Последним, что он видит в жизни. Прочь,
Поганый студень! Зришь ли ты хоть искру?

Глостер

Один крошечный мрак... Где сын мой Эдмунд?
Раздуй в костер свой гнев и покарай
Свершивших этот ужас.

Регана

Нет, мерзавец!

Твой Эдмунд слишком добр, чтобы жалеть
Отца-предателя. Он и открыл нам
Твою измену.

Глостер

Как же был я глуп!

Эдгар, выходит, оклеветан... Боги!
Простите – и спасите хоть его.

Регана

Ах ты пес!

Первый слуга

Будь борода у вас на подбородке,
Я выдрал бы ее. Что вы творите?

Герцог Корнуэльский
Презренный раб!

Первый слуга

Ну получай, коль так!

Регана

(другому слуге)

Дай мне свой меч.

– Восстать на господина?

(Убивает Первого слугу.)

Первый слуга

Я умираю... Сэр, последним глазом
Взгляните: он наказан!

Герцог Корнуэльский

Это будет

Последним, что он видит в жизни. Прочь,
Поганый студень! зришь ли ты хоть искру?

Глостер

Один крошечный мрак... Где сын мой Эдмунд?
Раздуй в костер свой гнев и покарай
Свершивших этот ужас.

Регана

Нет, мерзавец!

Твой Эдмунд слишком добр, чтобы жалеть
Отца-предателя. Он и открыл нам
Твою измену.

Глостер

Как же был я глуп!

Эдгар, выходит, оклеветан... Боги!
Простите – и спасите хоть его.

Регана

Убрать его и вышвырнуть из замка.
Пусть носом ищет, пес, дорогу в Дувр!

Один из слуг уводит Глостера.

Милорд, что с вами?

Герцог Корнуэльский

Я задет клинком.

Идемте, леди.

(Слугам.)

Выкинуть за дверь

Безглазого. А этого раба –
В помойный ров! – Регана, дай мне руку,
Ты видишь, кровь сочится сквозь кафтан.
Не вовремя случилась эта рана.

Уходят Герцог и Регана.

Второй слуга

Любого я греха не побоюсь,
Коль этот человек не кончит плохо.

Третий слуга

Коль доживет он до преклонных лет
И встретит смерть в постели, значит, люди
Чудовища, а женщины – вдвойне.

Второй слуга

Пойдем за старым графом и подыщем
Ему поводыря. Пусть бедный Том –
Ведь он по дурасти на все согласен –
Ведет слепца.

Третий слуга

Иди. А я возьму
Льняной кудели и белков яичных,
Чтоб приложить к его кровавым ранам.

Расходятся в разные стороны.

Регана

Убрать его и вышвырнуть из замка.
Пусть носом ищет, пес, дорогу в Дувр!

Один из слуг уводит Глостера.

Милорд, что с вами?

Герцог Корнуэльский

Я задет клинком.

Идемте, леди.

(Слугам.)

Выкинуть за дверь

Безглазого. А этого раба –

В помойный ров! – Регана, дай мне руку,

Ты видишь, кровь сочится сквозь кафтан.

Не вовремя случилась эта рана.

Уходят.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

СЦЕНА I

Степь.
Входит Эдгар.

Эдгар

Уж лучше, чтоб открыто презирали,
Чем, презирая, чтили напоказ.
Ничтожнейший из пасынков Фортуны
Живет надеждой и не знает страха.
Боятся перемен те, что вверху,
А те, что обретаются в низине,
Встречают их со смехом.

Входит Глостер, которого ведет Старик.

Кто там бродит?
Отец с кровоточащими глазами?
О мир, злосчастный мир! Куда нам деться
От этих превращений ненавистных!

Старик

Мой добрый господин, вот уже восемьдесят лет, как мы платим аренду
вашей милости, а до того платили вашему батюшке.

Глостер

Оставь меня, мой друг. Твои заботы
Мне не нужны, а ты из-меня
Не пострадал бы зря.

Старик

Что делать! Без меня, ваша милость, вы и дороги не найдете.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

СЦЕНА I

Степь.
Входит Эдгар.

Эдгар

Уж лучше, чтоб открыто презирали,
Чем, презирая, чтили напоказ.
Ничтожнейший из пасынков Фортуны
Живет надеждой и не знает страха.
Боятся перемен те, что вверху,
А кто внизу, встречают их со смехом.
Обнимемся же, ветер бестелесный!
Ты сдул меня в канаву, но зато
Я никому не должен.

Входит Глостер, которого ведет Старик.

Кто там бродит?
Отец с каким-то бедным стариком...
О мир ветшающий! Куда нам деться
От этих превращений ненавистных!

Старик

Мой добрый господин, вот уже восемьдесят лет, как мы платим аренду
вашей милости, а до того платили вашему батюшке.

Глостер

Оставь меня, мой друг. Твои заботы
Мне не нужны, а ты из-меня
Не пострадал бы зря.

Старик

Что делать! Без меня, ваша милость, вы и дороги не найдете.

Г л о с т е р

Раз некуда идти, к чему мне зренье?
Я был незряч, когда имел глаза.
Бывает, что имеем, не на пользу,
А что утратим, к благу. Где мой сын?
Где мой Эдгар? О, как несправедливо
Обижен ты обманутым отцом!
О, если б мне сейчас тебя обнять,
Я бы прозрел!

С т а р и к

А это что за птица?

Э д г а р

(в сторону)

О боги! Есть ли у несчастий дно?

С т а р и к

Да это Том, бродяга из Бедлама.

Э д г а р

(в сторону)

Когда нам кажется: «Дошли до дна»,
Несчастья мы еще не исчерпали.

С т а р и к

Куда бредешь, убогий человек?

Г л о с т е р

Он нищий?

С т а р и к

Нищий и безумный вместе.

Г л о с т е р

Умеет клянчить – так не без ума.
Вчера я в поле встретил бедолагу,
Такого, что подумаешь, узрев:
«Всяк человек есть червь». И вспомнил сына:
Где он теперь скитается? Превратно
Тогда о нем судил я. Для богов
Мы вроде мух для школяров жестоких:
Потешатся над нами и убьют.

Г л о с т е р

Раз некуда идти, к чему мне зреньё?
Я был незряч, когда имел глаза.
Бывает, что имеем, не на пользу,
А что утратим, к благу. Где мой сын?
Где мой Эдгар? О, как несправедливо
Обижен ты обманутым отцом!
О, если б мне сейчас тебя обнять,
Я бы прозрел!

С т а р и к

А это что за птица?

Э д г а р

(в сторону)

О боги! Есть ли у несчастий дно?

С т а р и к

Да это Том, бродяга из Бедлама.

Э д г а р

(в сторону)

Когда нам кажется: «Дошли до дна»,
Несчастья мы еще не исчерпали.

С т а р и к

Куда бредешь, убогий человек?

Г л о с т е р

Он нищий?

С т а р и к

Нищий и безумный вместе.

Г л о с т е р

Умеет кланчить – так не без ума.
Вчера я в поле встретил бедолагу,
Такого, что подумашь, узрев:
«Всяк человек есть червь». И вспомнил сына:
Где он теперь скитается? Превратно
Тогда о нем судил я. Для богов
Мы вроде мух для школяров жестоких:
Потешатся над нами и убьют.

Эдгар
(в сторону)

О, что за ремесло – ломать шута
Пред этим горем! Как снести такое?
– Благослови вас небо, господин!

Глостер
Не тот ли это Том в лохмотьях дранных?

Старик
Он самый, сэр.

Глостер
Тогда ты мне не нужен –
Лишь выведи нас на дорогу к Дувру;
Да, ради старой дружбы, принеси
Прикрыться чем-то этому бедняге;
Он будет мне поводырем.

Старик
Увы, мой лорд, он сумасшедший.

Глостер
Значит,
Такие ныне времена чумные,
Что сумасшедшие ведут слепцов.
Исполнишь или нет, что я просил,
Но главное – со мной не оставайся.

Старик
Я принесу ему свой лучший плащ,
А дальше будь, что будет.

Уходит.

Глостер
Ну, любезный
Мой голодранец...

Эдгар
Бедный Том озяб!..
(В сторону.)

Петь эту песню я уже не в силах.

Эдгар
(в сторону)

О, что за ремесло – ломать шута
Пред этим горем! Как снести такое?
– Благослови вас небо, господин!

Глостер
Не тот ли это Том в лохмотьях дранных?

Старик
Он самый, сэр.

Глостер
Тогда ты мне не нужен –
Лишь выведи нас на дорогу к Дувру;
Да, ради старой дружбы, принеси
Прикрыться чем-то этому бедняге;
Он будет мне поводырем.

Старик
Увы, мой лорд, он сумасшедший.

Глостер
Значит,
Такие ныне времена чумные,
Что сумасшедшие ведут слепцов.
Исполнишь или нет, что я просил,
Но главное – со мной не оставайся.

Старик
Я принесу ему свой лучший плащ,
А дальше будь, что будет.

Уходит.

Глостер
Ну, любезный
Мой голодранец...

Эдгар
Бедный Том озяб!..
(В сторону.)

Петь эту песню я уже не в силах.

Г л о с т е р

Поближе подойди.

Э д г а р

Мой господин,

Из ваших глаз на щеки кровь сочится.

Г л о с т е р

Скажи, ты знаешь ли дорогу в Дувр?

Э д г а р

А то как же! И пешую дорогу знаю, и конную, и окольную, и напрямки через овраг. Только вот беда – черти мозги отшибли. Сохрани вас, добрый барин, от злого духа! Пять бесов накинулось на бедного Тома, и все сразу: Хобердикут, бес похоти, Хобидиданс, демон немоты, Маху, демон воровства, Модо, демон убийства, и Флибертиджибет, демон ужимок и гримас; он потом выскочил из меня и вселился в девиц и служанок. Спаси вас и сохрани от них, мой господин!

Г л о с т е р

Вот кошелек; возьми его, бедняга,
Измученный пинками злой судьбы;
Мое злосчастье – твоя удача.
Да будет так и впредь, благие боги!
Пускай богач, не ведавший отказа
В желаниях, не замечавший горя
Затем, что сам его не испытал,
Смирится и разделит свой избыток
С тем, кто в нужде. – Бывал ты раньше в Дувре?

Э д г а р

Да, господин.

Г л о с т е р

Там есть одна скала,
Нависшая над морем так, что страшно
Вниз поглядеть; сведи меня туда,
И я вознагражу твою услугу
Подарком щедрым. Дальше провожатый
Мне не понадобится.

Э д г а р

Дайте руку;

Не бойтесь, бедный Том вас отведет.

Уходят

Г л о с т е р

Поближе подойди.

Э д г а р

Милый господин,
Из ваших глаз на щеки кровь сочится.

Г л о с т е р

Скажи, ты знаешь ли дорогу в Дувр?

Э д г а р

А то как же! И пешую дорогу знаю, и конную, и окольную, и напрямки через овраг. Только вот беда – черти мозги отшибли. Сохрани вас, добрый барин, от злого духа!

Г л о с т е р

Вот кошелек; возьми его, бедняга,
Измученный пинками злой судьбы;
Мое злосчастье – твоя удача.
Да будет так и впредь, благие боги!
Пускай богач, не ведавший отказа
В желаниях, не замечавший горя
Затем, что сам его не испытал,
Смирится и разделит свой избыток
С тем, кто в нужде. – Бывал ты раньше в Дувре?

Э д г а р

Да, господин.

Г л о с т е р

Там есть одна скала,
Нависшая над морем так, что страшно
Вниз поглядеть; сведи меня туда,
И я вознагражу твою услугу
Подарком щедрым. Дальше провожатый
Мне не понадобится.

Э д г а р

Дайте руку;
Не бойтесь, бедный Том вас отведет.

Уходят.

СЦЕНА II

Входят Гонерилья и Эдмунд.

Гонерилья

Милорд, входите. Странно, что супруг
Нас не встречает.

Входит Освальд.

Где же твой хозяин?

Освальд

Мадам, он у себя и не в себе.
Я рассказал о высадке французов –
Он улыбнулся; о приезде вашем –
Сказал: «Тем хуже». Я ему поведал
О том, что Глостер совершил измену,
А честный сын раскрыл, – он отвечал,
Что я болван и вижу вещи криво.
Дурным вестям он будто рад, а добрым
Внимает с огорчением.

Гонерилья

(Эдмунду)

Увы!

Таков телячий склад его натуры;
Он предпочтет не замечать обиды –
Лишь бы не действовать. Не забывайте,
О чем мы говорили по дороге;
Все может сбыться. А пока, милорд,
Чтоб не терять здесь времени напрасно,
Скачите к брату нашему назад,
Ускорьте сборы и возглавьте войско.
А мне придется облачиться в латы,
Отдав супругу прялку. Освальд будет
Гонцом меж нами.

(Дает ему перстень.)

Если ты не робок,
Получишь в скором времени приказ
От госпожи твоей. Возьми мой перстень.
Не надо слов. Нагнись. Мой поцелуй
Да укрепит твой дух. До скорой встречи!

СЦЕНА II

Входят Гонерилья, Эдмунд и Освальд.

Гонерилья

Милорд, входите. Странно, что супруг
Нас не встречает.

(Освальду.)

Где же твой хозяин?

Освальд

Мадам, он у себя и не в себе.
Я рассказал о высадке французов –
Он улыбнулся; о приезде вашем –
Сказал: «Тем хуже». Я ему поведал
О том, что Глостер совершил измену,
А честный сын раскрыл, – он отвечал,
Что я болван и вижу вещи криво.
Дурным вестям он будто рад, а добрым
Внимает с огорчением.

Гонерилья

(Эдмунду)

Увы!

Таков телячий склад его природы;
Он предпочтет не замечать обиды –
Лишь бы не действовать. Не забывайте,
О чем мы говорили по дороге;
Все может сбыться. А пока, милорд,
Чтоб не терять здесь времени напрасно,
Скачите к брату нашему назад,
Ускорьте сборы и возглавьте войско.
А мне придется облачиться в латы,
Отдав супругу прялку. Освальд будет
Гонцом меж нами.

(Дает ему перстень.)

Если ты не робок,
Получишь в скором времени приказ
От госпожи твоей. Возьми мой перстень.
Не надо слов. Нагнись. Мой поцелуй
Да укрепит твой дух. До скорой встречи!

Эдмунд

До самой смерти – твой.

Эдмунд уходит.

Гонерилья

Мой храбрый Глостер!

Лишь ты – законный принц моих желаний,
А у меня в постели – узурпатор,
Болван ничтожный!

Освальд

Ваш супруг, мадам.

Входит герцог Олбанский.

Гонерилья

Похоже, сударь мой, я недостойна
И взгляда вашего.

Герцог Олбанский

О Гонерилья,

Ты недостойна пыли, что в лицо
Тебе швыряет ветер. Страшно мне;
Творение, отвергшее творца,
Уже не знает удержу и края.
Та ветка, что нарочно отломилась
От отчего ствола, засохнет вскоре
И может стать причиной пожара.

Гонерилья

Оставьте; ваша проповедь глупа.

Герцог Олбанский

Порочным ненавистна чистота;
Родная грязь милей. Как вы могли,
Тигрицы, а не дочери? Отца,
Достойного, почтенного годами,
Кому и дикий зверь лизал бы руку,
Жестокосердьем вы свели с ума –
Такого бы не сделал даже варвар!
И как наш брат такое допустил,
Забыв про благодарность? Если небо
Не покарает это преступление,
То люди станут пожирать друг друга,
Как чудища морские!

Эдмунд

До самой смерти – твой.

Эдмунд уходит.

Гонерилья

Мой храбрый Глостер!

Как могут быть несходны два мужчины!

Один – законный принц моей души,

Другой – презренный узурпатор тела,

Болван ничтожный!

Освальд

Ваш супруг, мадам.

Входит герцог Олбанский.

Гонерилья

Похоже, сударь мой, я недостойна

И взгляда вашего.

Герцог Олбанский

О Гонерилья,

Ты недостойна пыли, что в лицо

Тебе швыряет ветер.

Гонерилья

Жалкий трус,
Привыкший подставлять ударам щеки,
Не различающий, когда терпенье
Становится бесчестьем, не способный
Безжалостно злодея наказать,
Пока еще не натворил он горя!
Зачем твой барабан молчит? Французы
В пернатых шлемах, развернув знамена,
Уже грозят твоей земле, а ты
Сидишь, нравоучительный дурак,
И мямлишь: «Почему?»

Герцог Олбанский

Замолкни, бес!
И в дьяволе порок не так ужасен,
Как в злобной женщине.

Гонерилья

Никчемный шут!

Герцог Олбанский

Когда бы ты могла увидеть, ведьма,
Свой искаженный лик! Не подобает
Мне предаваться гневу, а не то
Я разорвал бы этими руками
Тебя на части. Но, хоть ты и дьявол,
Обличье женское тебя хранит.

Гонерилья

В тебе мужского – тьфу! одно обличье.

Входит Дворянин.

Герцог Олбанский

Какие вести?

Дворянин

Скверные, милорд.
Убит сегодня герцог Корнуэльский,
Когда хотел он выколоть ножом
Второе око Глостеру.

Гонерилья

Жалкий трус,
Привыкший подставлять ударам щеки,
Не различающий, когда терпенье
Становится бесчестьем.

Герцог Олбанский

Смолкни, бес!
И в дьяволе порок не так ужасен,
Как в злобной женщине.

Гонерилья

Никчемный шут!

Входит Гонец.

Герцог Олбанский

Какие вести?

Гонец

Скверные, милорд.
Убит сегодня герцог Корнуэльский,
Когда хотел он выколоть ножом
Второе око Глостеру.

Герцог Олбанский

О ужас!

Дворянин

Слуга его из сострадания к графу,
Оружье обратил на господина,
Который в ярости, с другими вместе
Набросившись, убил его, но прежде
Был сам смертельно ранен в потасовке
И вскоре умер.

Герцог Олбанский

Праведные судьи,
Вот знак, что вы воистину над нами,
Когда так скоро следует расплата
За преступлением. О бедный Глостер!
Ужель он глаз лишился?

Дворянин

Да, милорд. –
Мадам, вам от сестры письмо; ответа
Ждут с нетерпеньем.

Гонерилья
(в сторону)

Новость не дурна.
Но Глостер там, а птичка овдовела;
Как бы не рухнул замок мой воздушный!
Терпеть уже неволю.

(Дворянину.)

Прочту

И дам ответ.

Уходит.

Герцог Олбанский

А сын его – он знает
Про это преступление?

Дворянин

Он сам
Разоблачил отцовскую измену;
А после дом покинул добровольно,
Чтоб не мешать расправе.

Герцог Олбанский

О ужас!

Гонец

Слуга его из сострадания к графу,
Оружье обратил на господина,
Который в ярости, с другими вместе
Набросившись, убил его, но прежде
Был сам смертельно ранен в потасовке
И вскоре умер.

Герцог Олбанский

Праведные судьи,
Вот знак, что вы воистину над нами,
Когда так скоро следует расплата
За преступлением. О бедный Глостер!
Ужель он глаз лишился?

Гонец

Да, милорд. —
Мадам, вам от сестры письмо; ответа
Ждут с нетерпеньем.

Гонерилья
(в сторону)

Новость не дурна.
Но Глостер там, а птичка овдовела;
Как бы не рухнул замок мой воздушный!
Терпеть уже немоготу.

(Гонцу.)

Прочту

И дам ответ.

Уходит.

Герцог Олбанский

А сын его — он знает
Про это преступление?

Гонец

Он сам
Разоблачил отцовскую измену;
А после дом покинул добровольно,
Чтоб не мешать расправе.

Герцог Олбанский
Честный Глостер,
Клянусь, я буду жить лишь для того,
Чтоб отблагодарить тебя за верность
И отомстить. – Пойдем со мною, друг;
Расскажешь мне подробней все, что знаешь.

Уходят.

СЦЕНА III

Французский лагерь возле Дувра.
Входят Кент и Придворный.

Кент

Не знаете ли вы, почему король так спешно отплыл во Францию?

Придворный

Я слышал, что причиной было важнейшее дело, связанное с безопасностью государства, оно призвало его назад.

Кент

Кого оставил он во главе войска?

Придворный

Маршала Ла Фара.

Кент

Доставленные вами письма, сэр,
Должно быть, поразили королеву?

Придворный

Да, сэр; она при мне их прочитала,
И по ее щекам катились слезы;
Она, казалось, удержать пыталась
Бунтующие чувства, но мятеж
Не утихал.

Кент

Каков же был исход:
Разгневалась она иль огорчилась?

Герцог Олбанский

Честный Глостер,

Клянусь, я буду жить лишь для того,
Чтоб отблагодарить тебя за верность
И отомстить. – Пойдем со мною, друг;
Расскажешь мне подробней все, что знаешь.

Уходят.

Придворный

Скорее, опечалилась; но горе
Она старалась побороть смиреньем;
Одно другому придавало прелесть,
Как дождь и солнце. Губы улыбались,
А на глаза наворачивались слезы
И, как жемчужины, с ресниц слетали...
Скажу короче: если бы всех женщин
Так красила печаль, печаль бы стала
Желанной гостьей.

Кент

Что она сказала?

Придворный

Раз или два шепнула, задыхаясь:
«Отец!» Потом с укором: «Сестры, сестры!
В ночь, в бурю? Кент! Отец! Не может быть!
Кто после этого поверит в жалость?
О сестры, сестры! Поношение женщин!»
Тут не смогла она сдержать рыданий
И, отвернувшись, убежала прочь,
Чтоб горевать одна.

Кент

Ужели звезды
Так управляют нашу судьбой,
Что могут у одной и той же пары
Такие дети разные рождаться? –
С тех пор вы говорили с ней?

Придворный

Ни разу,

Кент

Но это было прежде, чем король
Отплыл во Францию?

Придворный

Неделей позже.

К е н т

Сэр, бедный Лир, расстроенный в уме –
Здесь, в городе. В моменты просветленья
Он понимает все, но видеть дочь
Упорно не желает.

П р и д в о р н ы й

Почему же?

К е н т

Мешает жгучий стыд: он не забыл,
Как обошелся с ней несправедливо:
Лишил отцовского благословенья
И на чужбину отпустил, отдав
Все, что имел, ее свирепым сестрам.
Стыд этот, как отравленное жало,
Горит в его мозгу и не дает
Увидеться с Корделией.

П р и д в о р н ы й

Увы,

Несчастный человек!

К е н т

Что слышно, сэр,

О герцогах?

П р и д в о р н ы й

Насколько мне известно,
Их армия готова к выступленью.

К е н т

Сэр, я хочу вам поручить заботу
О нашем короле: я должен втайне
Заняться чрезвычайно важным делом.
Когда, вернувшись, я сниму личину,
Вы не раскаетесь в своем доверье.
Прошу вас, следуйте за мной.

Уходят.

СЦЕНА IV

Входят Корделия, Врач и другие.

Корделия

Его тут видели совсем недавно –
Увы, безумного, как шторм на море;
Он песни пел, увенчанный короной
Из плевелов, крапивы, горчицета,
Болиголова, лопухов, осота
И прочих диких трав, что засоряют
Растущий хлеб. Пошлите сто солдат,
Обшарьте всю округу и доставьте
Его сюда.

Капитан уходит

Способна ли наука

Вернуть ему утраченный рассудок?
Кто исцелит его, получит все,
Чем я владею.

Врач

Средства есть, мадам.

Сон – лучшая сиделка для больного;
В природе сыщется немало зелий,
Способных дать скорбящему покой
И сон целебный.

Корделия

О благие травы,
Таинственные отпрыски Земли,
Я орошу вас целым ливнем слез,
Чтоб вы росли скорее! – О, прошу!
Сыщите благодетельное зелье,
Пока страданий нестерпимый гнет
И гнев неудержимый не убили
Несчастливого отца.

Входит Гонец.

Гонец

Вам донесенье,
Мадам: британские войска подходят.

СЦЕНА III

Входят солдаты со знаменами и барабанным боем.
За ними Корделия и Придворный.

Корделия

Его тут видели совсем недавно –
Увы, безумного, как шторм на море;
Он песни пел, увенчанный короной
Из плевелов, крапивы, горицвета,
Болиголова, лопухов, осота
И прочих диких трав, что засоряют
Растущий хлеб. Пошлите сто солдат,
Обшарьте всю округу и доставьте
Его сюда. Способна ли наука
Вернуть ему утраченный рассудок?
Кто исцелит его, получит все,
Чем я владею.

Придворный

Средства есть, мадам.
Сон – лучшая сиделка для больного;
В природе сыщется немало зелий,
Способных дать скорбящему покой
И сон целебный.

Корделия

О благие травы,
Таинственные отпрыски Земли,
Я орошу вас целым ливнем слез,
Чтоб вы росли скорее! – О, прошу!
Сыщите благодетельное зелье,
Пока страданий нестерпимый гнет
И гнев неудержимый не убили
Несчастливого отца.

Входит Гонец.

Гонец

Вам донесенье,
Мадам: британские войска подходят.

Корделия

Мы это знаем и готовы к встрече.
Несчастный мой отец! Из-за тебя
Я снова в Англии. Король Французский
Ответил, после многих колебаний,
Моим слезам и просьбам неотступным.
Не честолюбье нашу рать подвигло,
А лишь горячая любовь к отцу
И сострадание к его обидам.
Скорей бы мне его обнять!

Уходят.

СЦЕНА V

Замок Глостера.

Входят Регана и Освальд.

Регана

Собрал ли войско брат наш?

Освальд

Да, мадам.

Регана

И сам его возглавил?

Освальд

С неохотой.

Его жена храбрее, чем он сам.

Регана

Видался ль Эдмунд с вашим господином?

Освальд

Нет, леди.

Регана

Что понудило сестру
Писать посланье графу?

Корделия

Мы это знаем и готовы к встрече.
Несчастный мой отец! Из-за тебя
Я снова в Англии. Король Французский
Ответил, после многих колебаний,
Моим слезам и просьбам неотступным.
Не честолюбье нашу рать подвигло,
А лишь горячая любовь к отцу
И сострадание к его обидам.
Скорей бы мне его обнять!

Уходят.

СЦЕНА IV

Замок Глостера.

Входят Регана и Освальд.

Регана

Собрал ли войско брат наш?

Освальд

Да, мадам.

Регана

И сам его возглавил?

Освальд

С неохотой.

Его жена храбрее, чем он сам.

Регана

Видался ль Эдмунд с вашим господином?

Освальд

Нет, леди.

Регана

Что понудило сестру
Писать посланье графу?

Освальд

Я не знаю.

Регана

Здесь его нет, увы; он отбыл спешно...
Как было глупо, выколол глаза,
Оставить Глостера в живых! Повсюду,
Где появляется, он возбуждает
Гнев против нас. Я думаю, лорд Эдмунд
Из сострадания решил пресечь
Жизнь эту, ставшую кромешной мукой;
А заодно разведать, где французы.

Освальд

Я должен отыскать его, мадам,
Чтобы вручить письмо.

Регана

Останьтесь с нами;
Пути небезопасны.

Освальд

Не могу.
От госпожи дано мне повеленье.

Регана

Зачем ей вздумалось писать? Могла
И на словах все передать, что нужно.
Хотела бы я знать, что тут сокрыто!
Быть может... – Сэр, я отблагодарю:
Позвольте мне прочесть...

Освальд

Мадам, как можно!

Регана

Могу поклясться, что моя сестра
Не любит мужа; в прошлый раз она
Бросала недвусмысленные взгляды
На Эдмунда. Вы, знаю, к ней близки...

Освальд

Я – к ней?

Освальд

Я не знаю.

Регана

Здесь его нет, увы; он отбыл спешно...
Как было глупо, выколол глаза,
Оставить Глостера в живых! Повсюду,
Где появляется, он возбуждает
Гнев против нас. Я думаю, лорд Эдмунд
Из сострадания решил пресечь
Жизнь эту, ставшую кромешной мукой;
А заодно разведать, где французы.

Освальд

Я должен отыскать его, мадам,
Чтобы вручить письмо.

Регана

Останьтесь с нами;
Пути небезопасны.

Освальд

Не могу.
От госпожи дано мне повеленье.

Регана

Зачем ей вздумалось писать? Могла
И на словах все передать, что нужно.
Хотела бы я знать, что тут сокрыто!
Быть может... – Сэр, я отблагодарю:
Позвольте мне прочесть...

Освальд

Мадам, как можно!

Регана

Могу поклясться, что моя сестра
Не любит мужа; в прошлый раз она
Бросала недвусмысленные взгляды
На Эдмунда. Вы, знаю, к ней близки...

Освальд

Я – к ней?

Регана

Я знаю, что я говорю:
Вы – к ней. Прошу вас кое-что усвоить.
Мой муж убит; мы с Эдмундом в согласье;
Он более подходит мне в супруги,
Чем ей в любовники. Найдете графа –
Так и скажите, чтоб не сомневался.
А герцогине, вашей госпоже,
Извольте передать: пускай забудет
Пустую эту блажь. Итак, езжайте.
Увидите изменника слепого –
Прикончите его; награда ждет.

Освальд

Мадам, не сомневайтесь: если встречу,
Я докажу, на чьей я стороне.

Регана

Прощайте.

Уходят.

СЦЕНА VI

Входят Глостер и Эдгар, переодетый крестьянином

Глостер

Когда ж мы наконец взойдем на гору?

Эдгар

Уже восходим. Склон довольно крут.

Глостер

Мне кажется, тут ровная дорога.

Эдгар

Да нет, подъем. Вы слышите шум моря?

Глостер

Не слышу.

Регана

Я знаю, что я говорю:
Вы – к ней. Прошу вас кое-что усвоить.
Мой муж убит; мы с Эдмундом в согласье;
Он более подходит мне в супруги,
Чем ей в любовники. Найдете графа –
Так и скажите, чтоб не сомневался.
А герцогине, вашей госпоже,
Извольте передать: пускай забудет
Пустую эту блажь. Итак, езжайте.
Увидите изменника слепого –
Прикончите его; награда ждет.

Освальд

Мадам, не сомневайтесь: если встречу,
Я докажу, на чьей я стороне.

Регана

Прощайте.

Уходят.

СЦЕНА V

Входят Глостер и Эдгар, переодетый крестьянином.

Глостер

Когда ж мы наконец взойдем на гору?

Эдгар

Уже восходим. Склон довольно крут.

Глостер

Мне кажется, тут ровная дорога.

Эдгар

Да нет, подъем. Вы слышите шум моря?

Глостер

Не слышу.

Эдгар

Значит, при утрате зренья
И слух слабеет.

Глостер

Может быть, что так.
Мне кажется, твой голос изменился,
И говорить ты лучше стал, разумней.

Эдгар

Куда там! Если в чем я изменился,
То лишь в одежде.

Глостер

Стала речь ясней.

Эдгар

Сэр, мы дошли. Та самая гора.
С обрыва этого и глянуть страшно;
Вороны, что летают там, у скал,
Отсюда сверху кажутся жуками.
Мальчишка, собирающий тимьян
На середине кручи, ростом с палец;
Рыбак, идущий берегом, – с мышонка;
Корабль, на якоре стоящий в бухте,
Не больше лодочки, а бакен в море,
Как точка, еле виден. Шум прибоя,
Бурлящего у скал, не долетает
Так высоко... Нет, лучше отойти,
Чтоб вовсе голова не закружилась!

Глостер

Поставь меня туда, где ты стоял.

Эдгар

Держитесь; вы стоите в полушаге
От пропасти. За все богатства мира
Я тут на месте б даже не подпрыгнул.

Глостер

Спасибо, друг. Теперь я сам. Возьми
Вот этот кошелек; в нем ты найдешь

Эдгар

Значит, при утрате зрения
И слух слабеет.

Глостер

Может быть, что так.
Мне кажется, твой голос изменился,
И говорить ты лучше стал, разумней.

Эдгар

Куда там! Если в чем я изменился,
То лишь в одежде.

Глостер

Стала речь ясней.

Эдгар

Сэр, мы дошли. Та самая гора.
С обрыва этого и глянуть страшно;
Вороны, что летают там, у скал,
Отсюда сверху кажутся жуками.
Мальчишка, собирающий тимьян
На середине кручи, ростом с палец;
Рыбак, идущий берегом, – с мышонка;
Корабль, на якоре стоящий в бухте,
Не больше лодочки, а бакен в море,
Как точка, еле виден. Шум прибоя,
Бурлящего у скал, не долетает
Так высоко... Нет, лучше отойти,
Чтоб вовсе голова не закружилась!

Глостер

Поставь меня туда, где ты стоял.

Эдгар

Держитесь; вы стоите в полушаге
От пропасти. За все богатства мира
Я тут на месте б даже не подпрыгнул.

Глостер

Спасибо, друг. Теперь я сам. Возьми
Вот этот кошелек; в нем ты найдешь

Кольцо с алмазом – может, пригодится.
Расстанемся. И отойди подальше,
Чтоб мог я слышать, как отходишь ты.

Эдгар

Прощайте, добрый господин.

Глостер

Прощай же.

Эдгар
(в сторону)

Я над его отчаяньем шучу,
Желая исцелить его.

Глостер

О боги!

(Становится на колени.)

Я отвергаю этот скорбный мир
Со всем его страданием, гнетущим
Больную душу. Если бы я мог
Терпеть его и дальше, не ропща
На непреложность вашей высшей воли,
Я бы позволил догореть огарку,
Чтоб эта низменная часть могла
Избыть саму себя. Коль жив Эдгар,
Храните сына, праведные силы!
Ну, друг, прощай.

Эдгар

Прощайте, я ушел.

(Глостер делает прыжок и падает.)

А вдруг и вправду власть воображенья
Способна жизнь отнять, – коль жизнь сама
Не прочь отдаться вору? Стой он там,
Где думал, что стоит, – он бы сейчас
Уже не думал ни о чем...

(Изменив голос.)

Эй, сударь,
Вы живы или умерли? Очнитесь!

(В сторону.)

Кольцо с алмазом – может, пригодится.
Расстанемся. И отойди подальше,
Чтоб мог я слышать, как отходишь ты.

Эдгар

Прощайте, добрый господин.

Глостер

Прощай же.

Эдгар

(в сторону)

Я над его отчаяньем шучу,
Желая исцелить его.

Глостер

О боги!

(Становится на колени.)

Я отвергаю этот скорбный мир
Со всем его страданием, гнетущим
Больную душу. Если бы я мог
Терпеть его и дальше, не ропща
На непреложность вашей высшей воли, –
Я бы позволил догореть огарку,
Чтоб эта низменная часть могла
Избыть саму себя. Коль жив Эдгар,
Храните сына, праведные силы!
Ну, друг, прощай.

Эдгар

Прощайте, я ушел.

(Глостер делает прыжок и падает.)

А вдруг и вправду власть воображенья
Способна жизнь отнять, – коль жизнь сама
Не прочь отдаться вору? Стой он там,
Где думал, что стоит, – он бы сейчас
Уже не думал ни о чем...

(Изменив голос.)

Эй, сударь,

Вы живы или умерли? Очнитесь!

(В сторону.)

Помилуй небо! – Нет, он оживает. –
Кто вы?

Г л о с т е р

Оставьте, дайте умереть.

Э д г а р

Из паутины, ветра или перьев
Вы сделаны? Упасть с такой скалы
И не разбиться всмятку! Ну и ну!
На вас нет ни царапины; вы живы,
Вы дышите. Тут высота не меньше,
Чем десять мачт. Да это просто чудо!
Ответьте мне.

Г л о с т е р

Упал я или нет?

Э д г а р

С вершины этой меловой стены.
Взгляните! Если жаворонок взмоет
В такую высь, – его не разглядеть
И не расслышать. Поглядите сами.

Г л о с т е р

Я не могу – ведь я незряч... О боги!
Иль горе лишено отныне права
Покончить с мукой жизни, лишено
Последнего приюта, где беглец
Укрыться мог от ярости тирана?

Э д г а р

Попробуем подняться. Дайте руку.
Что, кости целы? Можете стоять?

Г л о с т е р

Вполне, вполне.

Э д г а р

Вот диво, так уж диво!
Кто с вами рядом был там наверху,
А после отошел?

Помилуй небо! – Нет, он оживает. –
Кто вы?

Г л о с т е р

Оставьте, дайте умереть.

Э д г а р

Из паутины, ветра или перьев
Вы сделаны? Упасть с такой скалы
И не разбиться всмятку! Ну и ну!
На вас нет ни царапины; вы живы,
Вы дышите. Тут высота не меньше,
Чем десять мачт. Да это просто чудо!
Ответьте мне.

Г л о с т е р

Упал я или нет?

Э д г а р

С вершины этой меловой стены.
Взгляните! Если жаворонок взмлет
В такую высь, – его не разглядеть
И не расслышать. Поглядите сами.

Г л о с т е р

Я не могу – ведь я незряч... О боги!
Иль горе лишено отныне права
Покончить с мукой жизни, лишено
Последнего приюта, где беглец
Укрыться мог от ярости тирана?

Э д г а р

Попробуем подняться. Дайте руку.
Что, кости целы? Можете стоять?

Г л о с т е р

Вполне, вполне.

Э д г а р

Вот диво, так уж диво!
Кто с вами рядом был там наверху,
А после отошел?

Г л о с т е р
Бродяга нищий.

Э д г а р
Мне показалось снизу: у него
Два глаза было, как луна, сверкавших,
И нос, как пень, и волны на рогах.
То был какой-то бес; вам повезло,
Что боги праведные вас спасли –
Из милосердия – или для того,
Чтоб люди, чудесам дивясь, их чтили.

Г л о с т е р
Я понял все. Отныне, не ропща,
Я буду выносить любую муку,
Покуда ей самой не надоест
Мое терпение. Тот хитрый бес
Сперва мне показался человеком;
Хоть и кричал все время: «Демон, демон!»
Он и привел меня на ту скалу.

Э д г а р
Навязчивые мысли отгоните –
И все пройдет.

Входит Лир, ввавший в безумье.

А это кто такой?
Здоровый так себя не разукрасит.

Л и р
Никто не смеет обвинить меня за подделку монет! Разве я не король Лир?

Э д г а р
О зрелище, пронзающее сердце!

Л и р
И заметь, дружок: у природы это выходит лучше, чем у искусства. Ты кто – новобранец? Как держишь лук, пугало огородное? Тяни изо всех сил, натягивай до самого уха! Ты что, мышцы испугался? Не бойся, дурень, дай ей кусочек сыра. Вот вам моя железная рукавица; я брошу ее в лицо хоть Голиафу. Принесите мои алебарды и протазаны. Фью!.. Хорошо полетела, птичка! Стой! Скажи пароль.

Глостер
Бродяга нищий.

Эдгар
Мне показалось снизу: у него
Два глаза было, как луна, сверкавших,
И нос, как пень, и волны на рогах.
То был какой-то бес; вам повезло,
Что боги праведные вас спасли –
Из милосердья – или для того,
Чтоб люди, чудесам дивясь, их чтили.

Глостер
Я понял все. Отныне, не ропща,
Я буду выносить любую муку,
Покуда ей самой не надоест
Мое терпение. Тот хитрый бес
Сперва мне показался человеком;
Хоть и кричал все время: «Демон, демон!»
Он и привел меня на ту скалу.

Эдгар
Навязчивые мысли отгоните –
И все пройдет.

Входит Лир.

А это кто такой?
Здоровый так себя не разукрасит.

Лир
Никто не смеет обвинить меня за подделку монет! Разве я не король Лир?

Эдгар
О зрелище, пронзающее сердце!

Лир
И заметь, дружок: у природы это выходит лучше, чем у искусства. Ты кто – новобранец? Как держишь лук, пугало огородное? Тяни изо всех сил, натягивай до самого уха! Ты что, мыши испугался? Не бойся, дурень, дай ей кусочек сыра. Вот вам моя железная рукавица; я брошу ее в лицо хоть Голиафу. Принесите мои алебарды и протазаны. Фью!.. Хорошо полетела, птичка! Точно в серединку. Стой! Скажи пароль.

Эдгар

Мята и майоран.

Лир

Проходи.

Глостер

Этот голос мне знаком.

Лир

Я тебя тоже узнал. Ты – Гонерилья! И Регана тут? Ха-ха! Они ластились ко мне, как сучки. Пели, что каждый мой волосок мудрее целой головы, подхватывали каждое мое «да» или «нет». Подпевать да поддакивать – это еще не все благочестие. Когда дождь промочил меня до костей, а ветер выстудил до лязга зубовного, когда я велел грому молчать, а он меня не послушал, вот тогда-то я их раскусил. Они лгали мне: уверяли меня, что я сильнее всех, а я даже лихорадки боюсь.

Глостер

Вот голос, которого нельзя не узнать. Неужели король?

Лир

Король; до кончиков ногтей король.
Взгляну – и всякий подданный трепещет.
Помиловать его. В чем он повинен?
Прелюбодейство? Вот еще причина!
За это не казнят. И мотылек
Прелюбодействует, и воробьишка
Распутничает на глазах у всех.
Пускай плодят неразбериху. Часто
Побочный сын честнее, чем законный,
Бастард добрее, чем родные дочери,
Зачатые в супружеской постели.
Грешите больше – мне нужны солдаты.
Взгляните, вон плаксивая притвора,
Что корчит добродетель из себя,
И морщится от всякого намека,
И дышит льдом! А как дойдет до дела,
В разнузданности с нею не сравнится
Ни кошка мартовская, ни кобыла.
Они кентавры по своей природе:
От пояса и выше – чистый ангел,

Эдагар

Мята и майоран.

Лир

Проходи.

Глостер

Этот голос мне знаком.

Лир

Я тебя тоже узнал. Ты – Гонерилья! Только почему у тебя борода седая? Ха-ха-ха! Они ластились ко мне, как сучки. Пели, что каждый мой волосок мудрее целой головы, подхватывали каждое мое «да» или «нет». Подпевать да поддакивать – это еще не все благочестие. Когда дождь промочил меня до костей, а ветер выстудил до лязга зубовного, когда я велел грому молчать, а он меня не послушал, вот тогда-то я их раскусил. Они лгали мне: уверяли меня, что я сильнее всех, а я даже лихорадки боюсь.

Глостер

Вот голос, которого нельзя не узнать. Неужели король?

Лир

Король; до кончиков ногтей король.
Взгляну – и всякий подданный трепещет.
Помиловать его. В чем он повинен?
Прелюбодейство? Вот еще причина!
За это не казнят. И мотылек
Прелюбодействует, и воробьишка
Распутничает на глазах у всех.
Пускай плодят неразбериху. Часто
Побочный сын честнее, чем законный,
Бастард добрее, чем родные дочки,
Зачатые в супружеской постели.
Грешите больше – мне нужны солдаты.
Взгляните, вон плаксивая притвора,
Что корчит добродетель из себя,
И морщится от всякого намека,
И дышит льдом! А как дойдет до дела,
В разнузданности с нею не сравнится
Ни кошка мартовская, ни кобыла.
Они кентавры по своей природе:
От пояса и выше – чистый ангел,

А ниже – сущий дьявол. Там – провал,
Пылающий огонь и ад смердящий,
Кромешный мрак и алчное жерло.

Тьфу! Тьфу! Аптекарь, скорее духов каких-нибудь, чтоб отбить этот запах! Вот тебе полкроны.

Г л о с т е р

О, дайте руку вам поцеловать!

Л и р

Сперва я должен ее обтереть: она воняет брэнностью.

Г л о с т е р

О, рухнувший дворец! Когда-нибудь
Вот так обрушится и купол звездный!
Меня вы узнаете?

Л и р

Еще бы! Узнаю по глазам. Только зачем вы на меня так лукаво посматриваете? Не целься, слепой Амур, я не твоя дичь. Прочтите это письмо. Вам знаком почерк?

Г л о с т е р

Будь солнцем каждая из этих букв,
Я б не прочел ни слова. Я не вижу.

Э д г а р

И в страшном сне такое не приснится.
Скорбь разрывает сердце.

Л и р

Ну, читай!

Г л о с т е р

Пустыми дырами от глаз?

Л и р

Ого, выходит, твои дела еще хуже, чем я думал. Ни глаз в голове, ни денег в кошельке? Значит, глаза у тебя в тяжелом состоянии, а кошелек – в легком. Но ты же видишь, что творится в мире?

Г л о с т е р

Скорее, чувствую.

А ниже – суший дьявол. Там – провал,
Пылающий огонь и ад смердящий,
Кромешный мрак и алчное жерло.

ТЬфу! ТЬфу! Аптекарь, скорее духов каких-нибудь, чтоб отбить этот запах! Вот тебе полкроны.

Глостер

О, дайте руку вам поцеловать!

Лир

Сперва я должен ее обтереть: она воняет брэнностью.

Глостер

О, рухнувший дворец! Когда-нибудь
Вот так обрушится и купол звездный!
Меня вы узнаете?

Лир

Еще бы! Узнаю по глазам. Только зачем вы на меня так лукаво посматриваете? Не целься, слепой Амур, я не твоя дичь. Прочтите это письмо. Вам знаком почерк?

Глостер

Будь солнцем каждая из этих букв,
Я б не прочел ни слова. Я не вижу.

Эдгар

И в страшном сне такое не приснится.
Скорбь разрывает сердце.

Лир

Ну, читай!

Глостер

Пустыми дырами от глаз?

Лир

Ого, выходит, твои дела еще хуже, чем я думал. Ни глаз в голове, ни денег в кошельке? Значит, глаза у тебя в тяжелом состоянии, а кошелек – в легком. Но ты же видишь, что творится в мире?

Глостер

Скорее, чувствую.

Л и р

Вот и глупо! Разве, чтобы смотреть, нужны глаза? А уши тебе на что? Вот судья распекает уличного воришку, видишь? Теперь поменяй их местами, раз-два: где судья, а где вор? А видел ли ты, как деревенская дворяжка лает на нищего?

Г л о с т е р

Да, сэр.

Л и р

А как несчастный бродяга улепетывает от этой дворяжки? Вот вам символ власти. Шавка-то при исполнении служебных обязанностей, верно?

Останови свой бич, проклятый страж!
Как смеешь ты, задрав рубаху, сечь
Дурную девку? Высеки себя!
Ведь сам ты блуд мечтаешь сотворить
С той, на кого яришься! Ростовщик
Шлет мелкого мошенника на казнь.
Меха и бархат прикрывают все,
А сквозь лохмотья всякий мелкий грех
Торчит наружу. Раздобудь очки
И, как политик ушлый, притворись,
Что видишь то, чего не видишь ты.
Вот так. Стащите сапоги с меня:
Сильней, сильней тяните! Хорошо.

Э д г а р

Все вперемешку – важное и вздор!
Мудрость в безумии!

Л и р

(Глостеру)

Решил заплакать?

Ну что ж! Возьми мои глаза, поплачь.
Ты – Глостер, я тебя узнал. Не надо
Рыдать, мой друг; едва мы в мир пришли,
Как сразу начали рыдать и хныкать.
Я проповедь тебе прочту. Внимай.

Лир

Вот и глупо! Разве, чтобы смотреть, нужны глаза? А уши тебе на что? Вот судья распекает уличного воришку, видишь? Теперь поменяй их местами, раз-два: где судья, а где вор? А видел ли ты, как деревенская дворняжка лает на нищего?

Глостер

Да, сэр.

Лир

А как несчастный бродяга улепetyвает от этой дворняжки? Вот вам символ власти. Шавка-то при исполнении служебных обязанностей, верно?

Останови свой бич, проклятый страж!
Как смеешь ты, задрав рубаху, сечь
Дурную девку? Высеки себя!
Ведь сам ты блуд мечтаешь сотворить
С той, на кого яришься! Ростовщик
Шлет мелкого мошенника на казнь.
Меха и бархат прикрывают все,
А сквозь лохмотья всякий мелкий грех
Наружу. Золотом покрой порок –
И правосудья мощное копье
Сломается; в отрепья наряди –
Соломинкой проткнешь. Запомни, друг:
Никто ни в чем не виноват, ни в чем;
Пусть обвинители замкнут уста!
А хочешь врать – надень себе очки
И, как политик ушлый, притворись,
Что видишь то, чего не видишь ты.
Вот так. Стащите сапоги с меня:
Сильней, сильней тяните! Хорошо.

Эдгар

Все вперемешку – важное и вздор!
Мудрость в безумии!

Лир

(Глостеру)

Решил заплакать?

Ну что ж! Возьми мои глаза, поплачь.
Ты – Глостер, я тебя узнал. Не надо
Рыдать, мой друг; едва мы в мир пришли,
Как сразу начали рыдать и хныкать.
Я проповедь тебе прочту. Внимай.

Г л о с т е р

Вот горе так уж горе!

Л и р

Родившись, плачем мы, что рождены
Играть на этой сцене шутовской. –
Какой прекрасный пень! О чем я бишь?..
А надо вот что: в тряпки замотать
Копыта лошадей, чтобы врасплох
Нагрязнуть на зятьев и без пощады
Рубить, колоть, рубить, колоть, рубить!

Входит Придворный со слугами.

П р и д в о р н ы й

А вот и он; нам нужно увести
Его с собой.

– Сэр, ваша дочь просила...

Л и р

Куда бежать мне? Вновь попасться в плен?
Быть куклой у Фортуны? Прочь! Уйдите –
Я выкуп заплачу. Скорей врача!
Я ранен в мозг.

П р и д в о р н ы й

Как захотите, сэр.

Л и р

Эй, кто тут за меня?.. Нет никого?
Что ж, буду слезы лить бесперерывно,
Пока не превращусь в соленый столб!

П р и д в о р н ы й

Мой господин...

Л и р

Погибну, но не сдамся.
Я буду драться храбро, как невеста
В ночь после свадьбы! Так-то! Я король;
Известно ль это вам?

П р и д в о р н ы й

Да, государь,
Мы вам должны во всем повиноваться.

Г л о с т е р

Вот горе так уж горе!

Л и р

Родившись, плачем мы, что рождены
Играть на этой сцене шутовской. –
Какой прекрасный пень! О чем я бишь?..
А надо вот что: в тряпки замотать
Копыта лошадей, чтобы врасплох
Нагрязнуть на зятьев и без пощады
Рубить, колоть, рубить, колоть, рубить!

Входит Придворный со слугами.

П р и д в о р н ы й

А вот и он; нам нужно увести
Его с собой.

– Сэр, ваша дочь просила...

Л и р

Куда бежать мне? Вновь попасться в плен?
Быть куклой у Фортуны? Прочь! Уйдите –
Я выкуп заплачу. Скорей врача!
Я ранен в мозг.

П р и д в о р н ы й

Как захотите, сэр.

Л и р

Эй, кто тут за меня?.. Нет никого?
Что ж, буду слезы лить бесперерывно,
Пока не превращусь в соленый столб!
Ну, подходи! Погибну, но не сдамся.
Я буду драться храбро, как невеста
В ночь после свадьбы! Так-то! Я король;
Известно ль это вам?

П р и д в о р н ы й

Да, государь,
Мы вам должны во всем повиноваться.

Лир

Ну, то-то. Значит, мы еще поскачем. –
Ату его, ату! Вперед! В галоп!

Лир и несколько слуг убегают.

Придворный

Смотреть нельзя без слез – будь это даже
Последний нищеврод, а не король!
По счастью, у него есть третья дочь:
Она должна исправить зло, что в мир
Принесено проклятой этой двойней!

Эдгар

Приветствую вас, благородный сэр.

Придворный

И вам привет.

Эдгар

Позвольте мне спросить:
Вы слышали о предстоящей битве?

Придворный

О ней не слышал только тот, кто глух.

Эдгар

А далеко ли герцогское войско,
Не знаете ли?

Придворный

Двигается сюда.
Передовой отряд уж на подходе.

Эдгар

Благодарю вас, сэр.

Придворный

Навстречу им
Пришлось и королеве двинуть войско.
Такие вести.

Лир

Ну, то-то. Значит, мы еще поскачем. –
Ату его, ату! Вперед! В галоп!

Лир и несколько слуг уходят.

Придворный

Смотреть нельзя без слез – будь это даже
Последний нищеврод, а не король!
По счастью, у него есть третья дочь:
Она должна исправить зло, что в мир
Принесено проклятой этой двойней!

Эдгар

Приветствую вас, благородный сэр.

Придворный

И вам привет.

Эдгар

Позвольте мне спросить:
Вы слышали о предстоящей битве?

Придворный

О ней не слышал только тот, кто глух.

Эдгар

А далеко ли герцогское войско,
Не знаете ли?

Придворный

Двигается сюда.
Передовой отряд уж на подходе.

Эдгар

Благодарю вас, сэр.

Придворный

Навстречу им
Пришлось и королеве двинуть войско.
Такие вести.

Эдгар
Сэр, благодарю.

Придворный уходит.

Глостер
О боги милосердные! Клянусь,
Впредь не поддамся на внушенья беса
И буду жить, пока угодно вам.

Эдгар
Прекрасно сказано, отец.

Глостер
Откройтесь,
Кто вы такой?

Эдгар
Убогий человек,
Которого судьба нещадно била
И состраданью выучила палкой.
Вот вам моя рука, я отведу вас
Куда-нибудь, где можно отдохнуть.

Глостер
Сердечно благодарен; дай вам небо
Удачи и добра.

Входит Освальд.

Освальд
Вот повезло:
Награда так сама и лезет в руки. –
Молись скорей, безглазая башка;
Вот меч, что сокрушит тебя, предатель!

Глостер
Он мне окажет дружескую милость;
Не промахнись.

Эдгар становится между ними.

Эдгар

Сэр, благодарю.

Придворный уходит.

Глостер

О боги милосердные! Клянусь,
Впредь не поддамся на внушенья беса
И буду жить, пока угодно вам.

Эдгар

Прекрасно сказано, отец.

Глостер

Откройтесь,
Кто вы такой?

Эдгар

Убогий человек,
Которого судьба нещадно била
И состраданью выучила палкой.
Вот вам моя рука, я отведу вас
Куда-нибудь, где можно отдохнуть.

Глостер

Сердечно благодарен; дай вам небо
Удачи и добра.

Входит Освальд.

Освальд

Вот повезло:
Награда так сама и лезет в руки. –
Молись скорей, безглазая башка;
Вот меч, что сокрушит тебя, предатель!

Глостер

Он мне окажет дружескую милость;
Не промахнись.

Эдгар становится между ними.

Освальд

Как смеешь ты, дурак,
Вступаться за изменника? Смотри же,
Предательство заразно. Прочь с дороги!

Эдгар

С какого такого рожна мне уходить?

Освальд

Прочь, болван, или ты сейчас умрешь.

Эдгар

Иди своей дорогой, господин хороший. Кабы всякий горлопан делал то, что грозится, меня бы уж давно землицей присыпали. Не трожь старика, не то поглядим, что крепче: твои кости или моя дубина.

Освальд

Ах ты, навозная куча!

Эдгар и Освальд сражаются.

Эдгар

Побереги зубы, сверчок. Я их тебе пересчитаю, сколько ни прыгай.

Освальд падает.

Освальд

Мошенник, ты убил меня! Возьми
Мой кошелек; похорони, как должно.
А письма, что найдешь на мне, снеси
В английский лагерь, где сейчас при войске
Эдмунд, граф Глостерский; отдай ему...
Какая преждевременная гибель!

Умирает.

Эдгар

Я знал тебя, услужливый мерзавец,
Готовый делать все, чтоб угодить
Своей порочной госпоже.

Глостер

Он умер?

Освальд

Как смеешь ты, дурак,
Вступаться за изменника? Смотри же,
Предательство заразно. Прочь с дороги!

Эдгар

С какого такого рожна мне уходить?

Освальд

Прочь, болван, или ты сейчас умрешь.

Эдгар

Иди своей дорогой, господин хороший. Кабы всякий горлопан делал то, что грозитя, меня бы уж давно землицей присыпали. Не трожь старика, не то поглядим, что крепче: твои кости или моя дубина.

Освальд

Ах ты, навозная куча!

Эдгар и Освальд сражаются.

Эдгар

Побереги зубы, сверчок. Я их тебе пересчитаю, сколько ни прыгай.

Освальд падает.

Освальд

Мошенник, ты убил меня! Возьми
Мой кошелек; похорони, как должно.
А письма, что найдешь на мне, снеси
В английский лагерь, где сейчас при войске
Эдмунд, граф Глостерский; отдай ему...
Какая преждевременная гибель!

Умирает.

Эдгар

Я знал тебя, услужливый мерзавец,
Готовый делать все, чтоб угодить
Своей порочной госпоже.

Глостер

Он умер?

Эдгар

Отец, присядьте тут, передохните.
Я загляну в карманы; эти письма,
Должно быть, очень любопытны. Жаль,
Что не дождался палача мерзавец.

(Распечатывает письма.)

Теперь посмотрим, что у них внутри.
Простите, благородные печати,
За грубость обхожденья. Иногда,
Чтобы узнать, что в голове врага,
Приходится и брюхо пропороть, –
Не то, что лист бумажный.

(Читает письмо.)

«Вспомни наши взаимные обещания. У тебя будет не один случай расправиться с ним. Была бы только воля, а время и место найдутся. Если он вернется на коне, все пропало, я останусь узницей, а его постель – моей тюрьмой; избавь меня от его гнусной страсти и освободи место для себя. Твоя – хотела бы я сказать, жена – преданная и готовая тебе служить, Гонерилья».

О безграничность женских вожелений!
Как! Умышлять на жизнь такого мужа
И брата моего взамен желать!

(К мертвому Освальду.)

Здесь я в песок твое зарюю тело,
Гонец злосчастный похотливой твари;
А это нечестивое посланье
Я герцогу открою в должный час,
Когда взрастут бесстыдных козней зерна, –
И расскажу про твой конец позорный.

Глостер

Король сошел с ума; а мой рассудок
Столь груб, увы, что переносит все,
Не пошатнувшись. Лучше б я свихнулся –
Блуждал бы мыслями вдали отсюда,
В краях фантазии, не ощущая
Расстроенным умом своих несчастий!

Издали доносится барабанный бой.

Эдгар

Отец, присядьте тут, передохните.
Я загляну в карманы; эти письма,
Должно быть, очень любопытны. Жаль,
Что не дождался палача мерзавец.

(Распечатывает письма.)

Теперь посмотрим, что у них внутри.
Простите, благородные печати,
За грубость обхожденья. Иногда,
Чтобы узнать, что в голове врага,
Приходится и брюхо пропороть, –
Не то, что лист бумажный.

(Читает письмо.)

«Вспомни наши взаимные обещания. У тебя будет не один случай расправиться с ним. Была бы только воля, а время и место найдутся. Если он вернется на коне, все пропало, я останусь узницей, а его постель – моей тюрьмой; избавь меня от его гнусной страсти и освободи место для себя. Твоя – хотела бы я сказать, жена – преданная и готовая тебе служить, Гонерилья».

О безграничность женских вожделений!
Как! Умышлять на жизнь такого мужа
И брата моего взамен желать!

(К мертвому Освальду.)

Здесь я в песок твое зарюю тело,
Гонец злосчастный похотливой твари;
А это нечестивое посланье
Я герцогу открою в должный час,
Когда взрастут бесстыдных козней зерна, –
И расскажу про твой конец позорный.

Глостер

Король сошел с ума; а мой рассудок
Столь груб, увы, что переносит все,
Не пошатнувшись. Лучше б я свихнулся –
Блуждал бы мыслями вдали отсюда,
В краях фантазии, не ощущая
Расстроенным умом своих несчастий!

Издали доносится барабанный бой.

Э д г а р

Пойдем, отец. Дай руку мне. Вдали,
Мне кажется, я слышу барабаны.
Я приведу тебя к друзьям. Пойдем.

Уходят.

СЦЕНА VII

Входят Корделия и Кент.

Корделия

Мой храбрый Кент, чем отплатить смогу
За вашу преданность? Не хватит жизни
И знаков благодарности не хватит.

Кент

Мадам, признание выше всех наград.
Я лишь поведал правду – не прибавил
И не убавил.

Корделия

Ваш худой костюм –
О времени худом напоминанье;
Прошу, оденьтесь лучше.

Кент

Это платье,
Мадам, еще не время мне сменить;
Как милости, прошу соизволенья
Не узанным пока мне оставаться.

Корделия

Пусть будет так, милорд.

Входят Врач и Придворный.

Как наш король?

Врач

Мадам, он спит.

Э д г а р

Пойдем, отец. Дай руку мне. Вдали,
Мне кажется, я слышу барабаны.
Я приведу тебя к друзьям. Пойдем.

Уходят.

СЦЕНА VI

Французский лагерь.
Площадка перед королевским шатром.

Входят Корделия, Кент.

Корделия

Мой храбрый Кент, чем отплатить смогу
За вашу преданность? Не хватит жизни
И знаков благодарности не хватит.

Кент

Мадам, признание выше всех наград.
Я лишь поведал правду – не прибавил
И не убавил.

Корделия

Ваш худой костюм –
О времени худом напоминанье;
Прошу, оденьтесь лучше.

Кент

Это платье,
Мадам, еще не время мне сменить;
Как милости, прошу соизвольенья
Не узанным пока мне оставаться.

Корделия

Извольте, сэр.

Входит Придворный.

Как наш король?

Придворный

Мадам, он спит.

Корделия

О всеблагие боги!
Верните прежний мир больной душе
И оскорбленному его рассудку!

Врач

Коль вашему величеству угодно,
Мы можем разбудить его. Король
Поспал довольно.

Корделия

Поступайте так,
Как вам подсказывает весь ваш опыт.
Его переодели?

Придворный

Да, мадам.
Во сне ему переменили платье.

Врач

Мадам, приблизьтесь; мы его разбудим.
Ручаюсь, бред прошел.

Корделия

Благодарю.

Играет музыка.

Врач

Сюда, поближе... – Громче, музыканты!

Отодвигается занавеска, за которой спит Лир.

Корделия

Отец любимый! Пусть моим устам
Позволят боги стать твоим лекарством;
Пусть этот поцелуй исправит вред,
Что злые сестры причинить посмели
Твоей душе!

Кент

О добрая принцесса!

Корделия

О всеблагие боги!
Верните прежний мир больной душе
И оскорбленному его рассудку!

Придворный

Коль вашему величеству угодно,
Мы можем разбудить его. Король
Поспал довольно.

Корделия

Поступайте так,
Как вам подсказывает весь ваш опыт.
Его переодели?

Придворный

Да, мадам.
Во сне ему переменили платье.

Слуги вносят Лира, спящего в кресле.

Мадам, приблизьтесь; мы его разбудим.
Ручаюсь, бред прошел.

Корделия

Благодарю. —
Отец любимый! Пусть моим устам
Позволят боги стать твоим лекарством;
Пусть этот поцелуй исправит вред,
Что злые сестры причинить посмели
Твоей душе!

Кент

О добрая принцесса!

Корделия

Не будь вы даже им родным отцом –
Как можно жалости не испытать
При виде этих белых длинных прядей?
Сражаться с ветром, с ливнем и грозой,
При ослепительных зигзагах молний
И треске грома – в этом тонком шлеме
Седых волос? Псу, что меня кусал,
Я бы дала в такую ночь погреться
У своего огня; а ты, отец,
Искал приюта в нищенской лачуге –
С бродягами, в соломе! Это чудо,
Что разом ты в ту ночь не потерял
Жизнь и рассудок вместе. – Он очнулся.
Заговорите с ним.

Врач

Нет, лучше вы.

Корделия

Как вашему величеству спалось?

Лир

Не нужно доставать меня из гроба;
Ты – райская душа, а я терзаем
На колесе, и собственные слезы
Мне сердце жгут расплавленным свинцом.

Корделия

Вы знаете меня?

Лир

Ты дух, я знаю
В какой стране ты умерла?

Корделия

В другой...
Отсюда далеко. – Он снова бредит.

Врач

Пускай совсем проснется. Подождем.

Корделия

Не будь вы даже им родным отцом –
Как можно жалости не испытать
При виде этих белых длинных прядей?
Ему ли с бурей бешеной сражаться
В ночной степи? Псу моего врага
Я бы дала в такую ночь погреться
У своего огня; а ты, отец,
Искал приюта в нищенской лачуге –
С бродягами, в соломе! Это чудо,
Что разом ты в ту ночь не потерял
Жизнь и рассудок вместе. – Он очнулся.
Заговорите с ним.

Придворный

Нет, лучше вы.

Корделия

Как вашему величеству спалось?

Лир

Не нужно доставать меня из гроба;
Ты – райская душа, а я терзаем
На колесе, и собственные слезы
Мне сердце жгут расплавленным свинцом.

Корделия

Вы знаете меня?

Лир

Ты дух, я знаю.
В какой стране ты умерла?

Корделия

В другой...
Отсюда далеко. – Он снова бредит.

Придворный

Пускай совсем проснется. Подождем.

Л и р

Сон это или явь? Как ярок свет!
Я весь измучен... Если бы другого
Так мучили, я б этого не снес!
Где я сейчас? Мои ли эти руки?
Попробую кольнуть иголкой. Больно!
Так значит...

Кор дели я

(опускаясь на колени)

Сэр, взгляните на меня;
Я вновь прошу у вас благословенья...
Ах, не вставайте на колени, сэр!

Л и р

Прошу, не нужно так со мной шутить;
Я лишь старик, доверчивый и глупый,
Доживший до восьмидесяти лет, –
И, если говорить начистоту,
Боюсь, немного не в своем рассудке.
Мне кажется, я должен знать тебя...
И этого я помню человека.
Но я боюсь... Ведь я не знаю даже,
Где я сейчас; не помню ни одежды,
Которая на мне, ни где я был
Минувшей ночью... Можете смеяться –
Мне показалось, что передо мной
Мое дитя, Корделия.

Кор дели я

Отец мой!

Л и р

Дай мне потрогать эти слезы... Мокро.
Прошу, не плачь. Налей мне лучше яд.
Ты ненавидеть бы меня должна,
Как сестры, – хоть у них причины нет,
А у тебя...

Кор дели я

Нет никакой причины!

Л и р

Где мы – во Франции?

Л и р

Сон это или явь? Как ярок свет!
Я весь измучен... Если бы другого
Так мучили, я б этого не снес!
Где я сейчас? Мои ли эти руки?
Попробую кольнуть иголкой. Больно!
Так значит...

Кор дели я

(опускаясь на колени)

Сэр, взгляните на меня;
Я вновь прошу у вас благословенья...
Ах, не вставайте на колени, сэр!

Л и р

Прошу, не нужно так со мной шутить;
Я лишь старик, доверчивый и глупый,
Доживший до восьмидесяти лет, –
И, если говорить начистоту,
Боюсь, немного не в своем рассудке.
Мне кажется, я должен знать тебя...
И этого я помню человека.
Но я боюсь... Ведь я не знаю даже,
Где я сейчас; не помню ни одежды,
Которая на мне, ни где я был
Минувшей ночью... Можете смеяться –
Мне показалось, что передо мной
Мое дитя, Корделия.

Кор дели я

Отец мой!

Л и р

Дай мне потрогать эти слезы... Мокро.
Прошу, не плачь. Налей мне лучше яд.
Ты ненавидеть бы меня должна,
Как сестры, – хоть у них причины нет,
А у тебя...

Кор дели я

Нет никакой причины!

Л и р

Где мы – во Франции?

Корделия

Нет, государь.

Мы в королевстве вашем.

Лир

Я не верю.

Врач

(Корделии)

Мадам, вы сами видите, что гнев
И бред прошли; но есть еще опасность
Напоминаям о минувших бедах
Вернуть его болезнь. Пусть отдохнет
И наберется сил.

Корделия

Вы не хотите

Немного прогуляться, государь?

Лир

Я глуп и стар. Прости меня, дитя.
Прости и всё забудь.

Уходят.

Придворный

Достоверно ли, что герцог Корнуэльский был убит при таких страшных обстоятельствах?

Кент

Совершенно достоверно, сэр.

Придворный

Кто теперь возглавляет его отряд?

Кент

Говорят, этот бастард, побочный сын Глостера.

Придворный

Доходят слухи, что Эдгар, его изгнанный сын, с графом Кентом сейчас в Германии.

Кент

Эти слухи сомнительны. Однако надо готовиться; британская армия под-
ходит.

Корделия

Нет, государь.
Мы в королевстве вашем.

Лир

Я не верю.

Придворный
(Корделии)

Мадам, вы сами видите, что гнев
И бред прошли. Пусть отдохнет пока
И наберется сил.

Корделия

Вы не хотите
Немного прогуляться, государь?

Лир

Я глуп и стар. Прости меня, дитя.
Прости и всё забудь.

Уходят.

П р и д в о р н ы й

Столкновение будет кровопролитным.

Уходит.

К е н т

Исход сраженья всё определит,
И жизнь мою прервет или продлит.

Уходит.

Лир и его дочери. Миниатюра из книги Гальфрида Манмутского «История королей Британии». XII век

Корделла. Рисунок из книги Р. Холиншеда «Хроники Англии, Шотландии и Ирландии». Лондон, 1587

Иоганн Де Витта. Театр «Лебедь». 1596

THE
True Chronicle Hi-
story of King LEIR, and his three
daughters, *Gonorill, Ragan,*
and *Cordella.*

As it hath bene diuers and sundry
times lauely acted.

LONDON,
Printed by Simon Stafford for Iohn
Wright, and are to bee sold at his shop at
Christs Church doore, next New gate
Market. 1605.

Неизвестный автор.
«Правдивая повесть короля Лиры». 1605.
Титульный лист

M. William Shak-speare:

HIS
True Chronicle Historie of the life and
death of King L E A R and his three
Daughters.

With the vnfortunate life of Edgar, sonne
and heire to the Earle of Gloster, and his
fullen and assumed humor of
T O M of Bedlam :

As it was played before the Kings Maiestie at Whitehall upon
S. Stephans night in Christmas Hollidayes.

By his Maiesties seruants playing vsually at the Gloabe
on the Bancke-side.

L O N D O N,

Printed for Nathaniel Butter, and are to be sold at his shop in Pauls
Church-yard at the signe of the Pide Bull neere
S^r. Austins Gate. 1608

Уильям Шекспир. «Истинная история жизни и смерти короля Лира».
Кварто 1608. Титульный лист

M. William Shak-speare

HIS Historie, of King Lear.

Enter Kent, Gloster, and Bastard.

Kent.

Thought the King had more affected the Duke of Albany then Cornwall.

Gloft. It did allwaies seeme so to vs, but now in the diuision of the kingdomes, it appeares not which of the Dukes he values most, for equalities are so weighed, that curiositie in neither, can make choise of eithers moytie.

Kent. Is not this your sonne my Lord?

Gloft. His breeding fir hath beene at my charge, I haue so often blusht to acknowledge him, that now I am braz'd to it.

Kent. I cannot conceiue you.

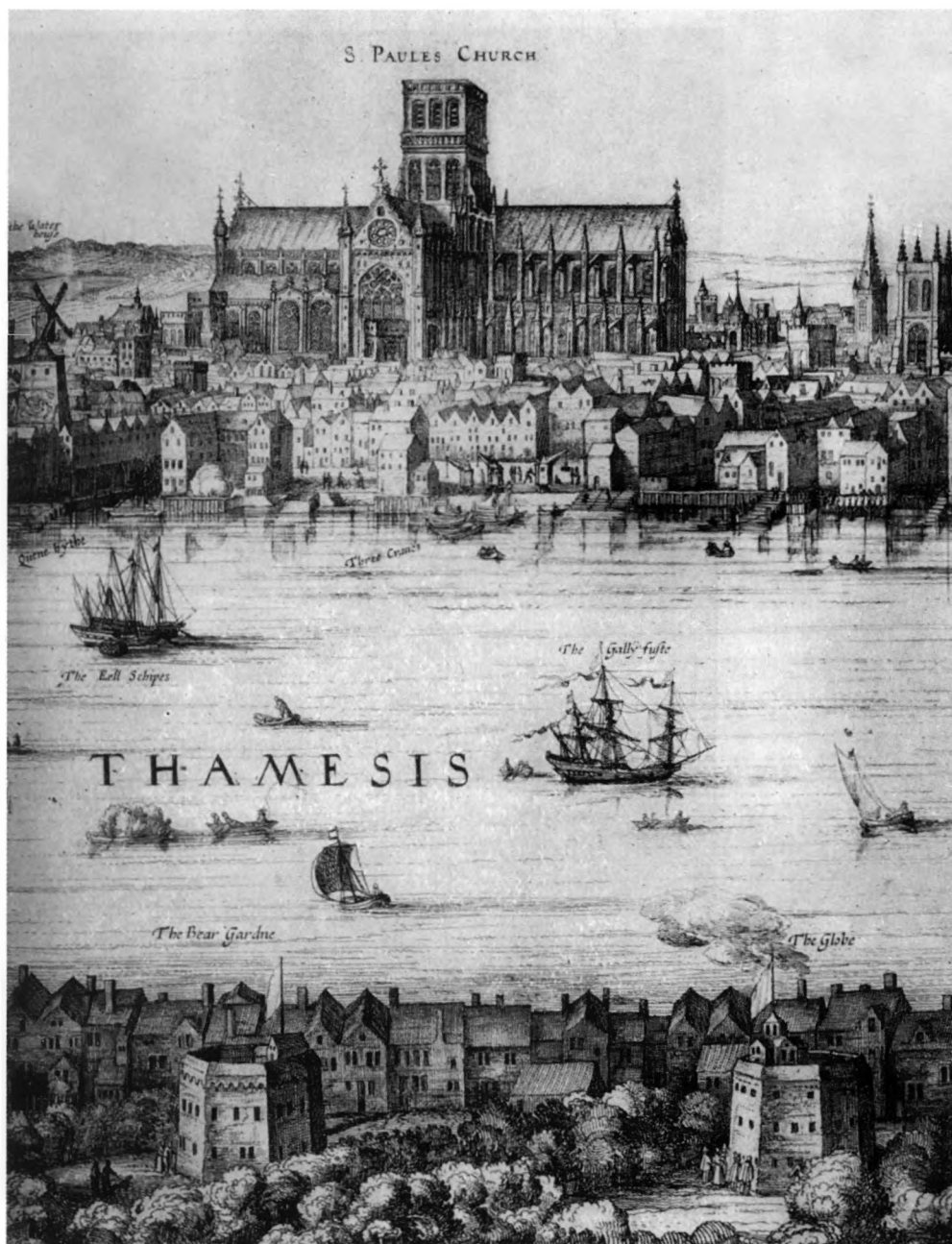
Gloft. Sir, this young fellowes mother Could, when upon shee grew round wombed, and had indeed Sir a sonne for her cradle, ere she had a husband for her bed, doe you smell a fault?

Kent. I cannot wish the fault vndone, the issue of it being so proper.

Gloft. But I haue fir a sonne by order of Law, some yeare elder thenthis, who yet is no deerer in my account, though this knaue came something sawcely into the world before hee was cut for, yet was his mother faire, there was good sport at his making & the whorson must be acknowledged, do you know this noble gentleman *Edmund*?

B

Ваш.

*Клас ван Виссер (1587–1652). Панорама Лондона (фрагмент).
На переднем плане справа театр Глобус*

To the Reader.

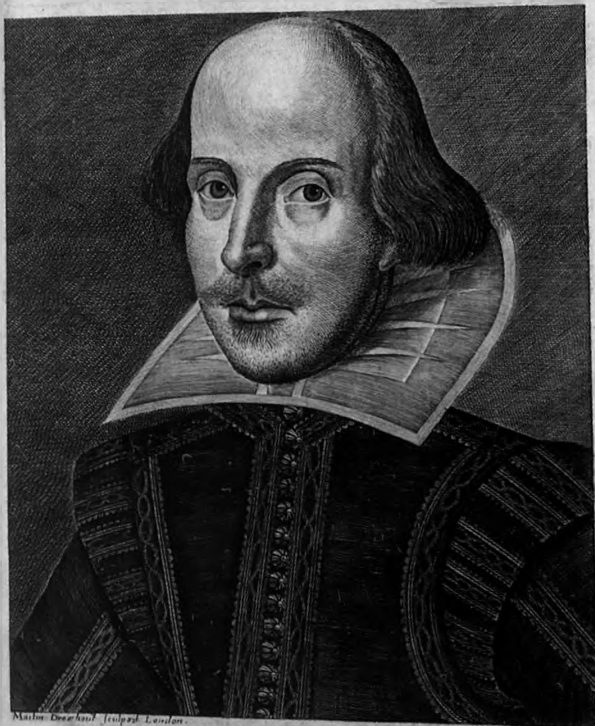
This Figure, that thou here seest put,
It was for gentle Shakespeare cut;
Wherein the Grauer had a strife
with Nature, to out-doo the life :
O, could he but haue drawne his wit
As well in brasse, as he hath hit
His face ; the Print would then surpasse
All, that vvas euer vvrit in brasse.
But, since he cannot, Reader, looke
Not on his Picture, but his Booke.

B. I.

MR. WILLIAM
SHAKESPEARES

COMEDIES,
HISTORIES, &
TRAGEDIES.

Published according to the True Originall Copies.

Math. Dowland, sculpsit. London.

LONDON
Printed by Isaac Iaggard, and Ed. Blount. 1623.

В. IX, 464, 84.

Франц Исаак Брун (1555–1610). Шут. Гравюра

The Names of the Principall Actors in all these Playes.

William Shakespeare.

Richard Burbadge.

John Hemmings.

Augustine Phillips.

William Kempt.

Thomas Poope.

George Bryan.

Henry Condell.

William Slye.

Richard Cowly.

John Lowine.

Samuell Crosse.

Alexander Cooke.

Samuel Gilburne.

Robert Armin.

William Ostler.

Nathan Field.

John Underwood.

Nicholas Tooley.

William Ecclestone.

Joseph Taylor.

Robert Benfield.

Robert Goughe.

Richard Robinson.

Iohn Shancke.

Iohn Rice.

THE TRAGEDIE OF KING LEAR.

Actus Primus. Scena Prima.

Enter Kent, Gloucester, and Edmund.

Kent. Thought the King had more affected the Duke of Albany, then Cornwall.
Glouc. It did always seeme so to vs: But now in the diuision of the Kingdome, it appears not which of the Dukes hee values most, for qualities are to weigh'd, that custodiy in neither, can make choise of either moity.

Kent. Is not this your Son, my Lord?
Glouc. His breeding Sir, hath bin at my charge. I haue so often blud'd to acknowledge him; that now I am braz'd too't.

Kent. I cannot conceiue you.
Glouc. Sir, this yong Fellowes mother could; wherupon she grew round womb'd, and had in dreeds (Sir) a Sonne for her Cradle, etc she had a husband for her bed. Do you smell a fault?

Kent. I cannot wish the fault vndone, the issue of it, being so proper.

Glouc. But I haue a Sonne, Sir, by order of Law, some yeere elder then this; who, yet is no deier in my account, though this Knave came something fauercily to the world before he was sent for: yet was his Mother sayre, there was good sport at his making, and the horson must be acknowledged. Doe you know this Noble Gentleman, Edmund?

Edm. No, my Lord.
Glouc. My Lord of Kent: Remember him heeresfter, as my Honourable Friend.

Edm. My seruicest to your Lordship.
Kent. I must loose you, and soe to know you better.

Edm. Sir, I shall study deseruing.
Glouc. He hath bin our nine yeares, and away he shall againe. The King is coming.

Sennet. Enter King Lear, Cornwall, Albany, Gloucester, Regan, Cordelia, and attendants.

Lear. Attend the Lords of France & Burgundy, Glosters.
Glouc. I shall, my Lord.

Lear. Meane time we shal expecte our darker purpose. Giue me the Map there. Know, that we haue diuided In three our Kingdome: and 'tis our fast intent, To shake all Care and Businesse from our Age, Conseruing them on younger strengths, while we Vnburthen'd craue to ward death. Our son of Cornwall, And you our no lesse louing Sonne of Albany,

We haue this houre a constant will to publish: Our daughters severall Dowers, that in their life May be prevented now. The Princess, France & Burgundy, Great Rivals in our youngest daughters love, Long in our Court, haue made their amorous suitings; And here are to be answer'd. Tell me my daughters (Since now we will diuert vs both alike, Interest of Territory, Cases of France) Which of you shall we say doth loue vs most? That we, our largest bowes to my entreats outstretcht, Where Nature doth with merit challenge. Our eldest borne, speake first, and here we are assestred, Decree then eye-sight, speech, and liberty, you shall see. Beyond what can be valued, tilli or more, No lesse then life, with grace, health, beauty, honor: As much as Childre are to their Father found, A loue that makes breath, and speech; and beyond all manner of so much I loue you.

Cor. What shall Cordelia speake, Mone, and be silent.
Lear. Of all these bounds con from this Line to this, With shadowie Fortresse, and with Champaign rich'd With plenteous Riuers, and wide-skirred Meades We make thee Lady. To thine and Albany's issue Be this perpetuall. What sayes our second Daughter? Our deere Regan, wife of Cornwall?
Reg. I am made of that selfe-mettle as my Sister, And prize me at her worth. In my true heart, I finde the names my very deede of loue: Onely she comes too short, that I professe My selfe an enemy to all other ioyes, Which the most precious square of sense professes, And finde I am alone felicitate In your deere Highnesse loue.

Cor. Then poore Cordelia, And yet not so, since I am sure my loue's More ponderous then my tongue.

Lear. To thee, and thine hereditarie euer, Remaine this simple third of our faire Kingdome, No lesse in space, validitie, and pleasure Then that confer'd on Cornwall. Now our Ioy, Although our last and least: to whose yong loue, The Vines of France, and Milke of Burgundie, Siriue to be interest. What can you say, to draw A third, more copient then your Sisters? speake.
Cor. Nothing my Lord.
Lear. Nothing?

Фолио 1623. Начало «Трагедии короля Лира»

If that her breath will mist or staine the stone,
Why then the lines.

Kent. Is this the promis'd end?

Edg. Or image of that horror.

Alb. Fall and cease.

Lear. This feather stirs, the flues: if it be so,
It is a chance which do's redeem all sorrows
That euer I haue felt.

Kent. O my good Master.

Lear. Prythee away.

Edg. 'Tis Noble *Kent* your friend.

Lear. A plague vpon you Murderers, Traitors all,
I might haue sau'd her, now she's gone for euer:

Cordelia, Cordelia, say a little, *Ho:*

What is't thou saist? Her voice was euer soft,
Gentle, and low, an excellent thing in woman.
I kill'd the Slaue that was a hanging thee.

Gent. 'Tis true (my Lords) he did.

Lear. Did I not follow?

I haue seene the day, with my good biting Faulchion
I would haue made him skip: I am old now,
And these same crosses spoile me. Who are you?
Mine eyes are not o'th best, Ile tell you straight.

Kent. If Fortune brag of two, she lou'd and hated,
One of them we behold.

Lear. This is a dull sight, are you not *Kent*?

Kent. The same: your Seruant *Kent*,

Where is your Seruant *Cainus*?

Lear. He's a good fellow, I can tell you that,
He'll strike and quickly too, he's dead and rotten.

Kent. No my good Lord, I am the very man.

Lear. Ile see that straight.

Kent. That from your fust of difference and decay,
Haue follow'd your sad steps.

Lear. You are welcome hither.

Kent. Nor no man else:

All's cheerelesse, darke, and deadly,
Your eldest Daughters haue fore-done themselves,
And desperately are dead.

Lear. I se I thinke.

Alb. He knowes not what he saies, and vaine is it

That we present vs to him.

Enter a Messenger.

Edg. Very bootlesse.

Mess. *Edmond* is dead my Lord.

Alb. That's but a trifle here:

You Lords and Noble Friends, know our intent,
What comfort to this great decay may come,
Shall be appli'd, For vs we will resigne,

During the life of this old Maiesty
To him our absolute power, you to your rights,
With boote, and such addition as your Honours
Haue more then merited. All Friends shall
Taste the wages of their vertue, and all Poes
The cup of their desertings: O see, see.

Lear. And my poore Foole is hang'd: no, no, no life?

Why should a Dog, a Horse, a Rat haue life,
And thou no breath at all? Thou'it come no more,
Neuer, neuer, neuer, neuer, neuer.

Pray you vndo this Button. Thanke you Sir,

Do you see this? Looke on her? Looke her lips,
Looke there, looke there. *He dies.*

Edg. He faints, my Lord, my Lord.

Kent. Breake heart, I prythee breake.

Edg. Looke vp my Lord.

Kent. Vex not his ghost, O let him passe, he hates him,
That would vpon the wracke of this tough world
Stretch him out longer.

Edg. He is gon indeed.

Kent. The wonder is, he hath endur'd so long,
He but usurp'd his life.

Alb. Beate them from hence, our present business
Is generall woe: Friends of my soule, you twaine,
Rule in this Realme, and the god's state restore.

Kent. I haue a journey Sir, shortly to go,
My Master calls me, I must not say no.

Edg. The weight of this sad time we must obey,
Speake what we feele, not what we ought to say:
The oldest hath borne most, we that are young,
Shall neuer see so much, nor liue so long.

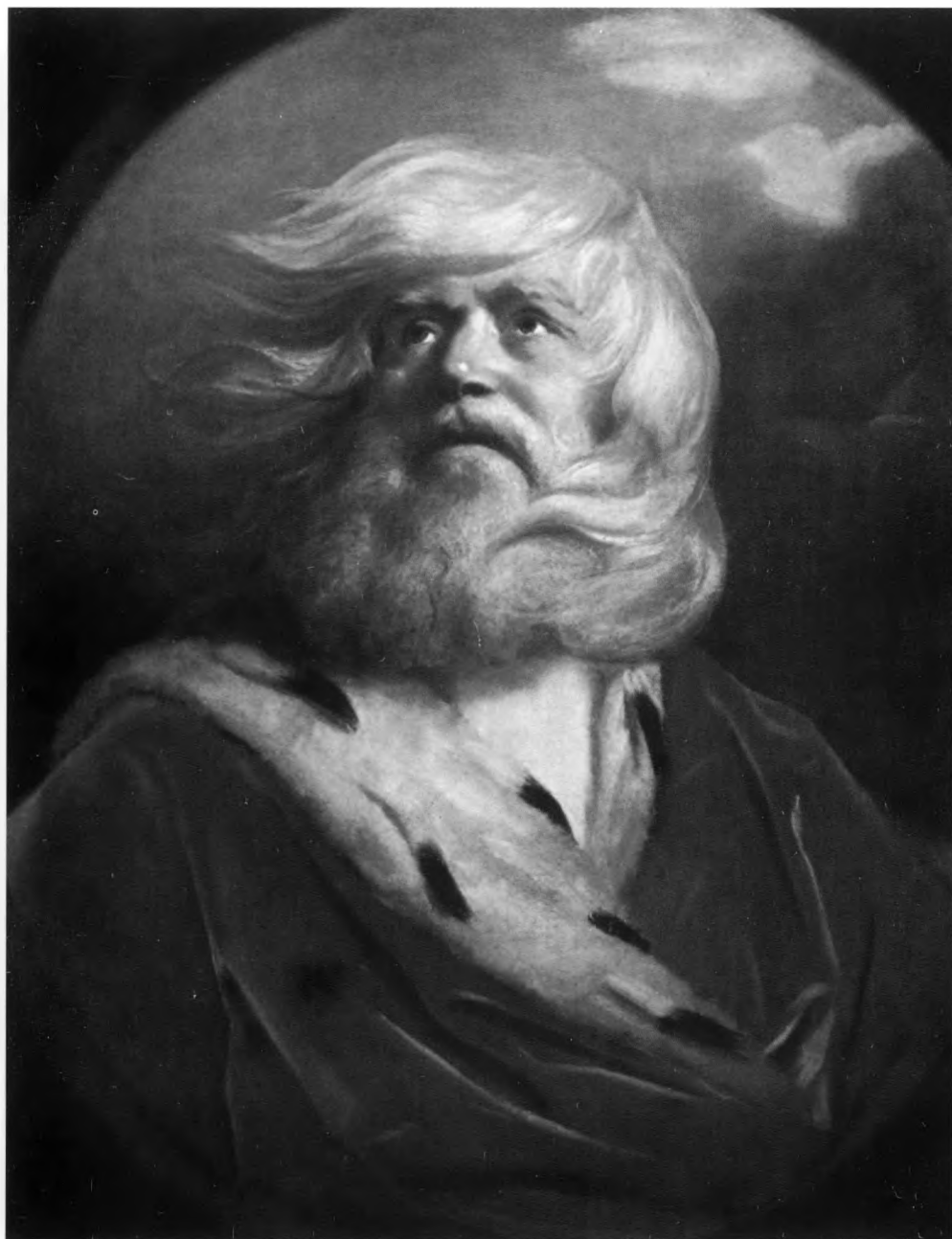
Exeunt with a dead March.

ff 3

FINIS.

Джон Гилберт (1817–1897). Король Лир и Шут

Джошуа Рейнольд (1723–1792). Этуд головы короля Лира

Джон Эверет Миллес (1829–1896). Лир и Корделия

*Джордж Уильям Джой (1844–1925). Лир и Корделия в тюрьме
(фрагмент)*

*Король Лир. Фриз Шекспировской библиотеки
в Вашингтоне*

From a sketch by

"THE KING'S JESTER."

[Jan Van Beers.]

Ян ван Бирс (1821–1888). Шут короля

АКТ ПЯТЫЙ

СЦЕНА I

Входят Эдмунд и Регана со своим войском.

Эдмунд

Спросите герцога: за эту ночь
Не изменил ли он своих решений?
Или опять колеблется? Нам нужно
Узнать, каков его последний план.

Один из офицеров уходит.

Регана

Гонец сестры, боюсь, попал в засаду.

Эдмунд

Должно быть, так, мадам.

Регана

Любезный лорд,
Вы знаете мое к вам отношение;
Скажите – только прямо, без утайки:
Вы любите мою сестру?

Эдмунд

Люблю –
Как поданный.

Регана

А не вторгались вы
В угоды герцогские, в сад запретный?

Эдмунд

Мадам, такая мысль вас недостойна.

АКТ ПЯТЫЙ

СЦЕНА I

Со знаменами и барабанами входят Эдмунд, Регана,
офицеры и солдаты.

Эдмунд

Спросите герцога: за эту ночь
Не изменил ли он своих решений?
Или опять колеблется? Нам нужно
Узнать, каков его последний план.

Один из офицеров уходит.

Регана

Гонец сестры, боюсь, попал в засаду.

Эдмунд

Должно быть, так, мадам.

Регана

Любезный лорд,
Вы знаете мое к вам отношеньё;
Скажите – только прямо, без утайки:
Вы любите мою сестру?

Эдмунд

Люблю –
Как подданный.

Регана

А не вторгались вы
В угоды герцогские, в сад запретный?

Регана

Мне показалось, вы близки с сестрою,
И эта близость далеко зашла.

Эдмунд

Нет, честью вам клянусь, мадам!

Регана

Учтите:

Я этого, милорд, не потерплю.

Эдмунд

Во мне не сомневайтесь. – Вот и герцог.

Входят герцог Олбанский и Гонерилья с войском.

Гонерилья

(в сторону)

Мне было б легче проиграть сраженье.
Чем уступить сестрице этот приз.

Герцог Олбанский

Рад видеть вас, любезная сестра.

(Эдмунду.)

Я слышал, сэр, что старый наш король
Соединился с дочерью, и с ними –
Другие, коих вынудила к бегству
Суровость власти нашей. Я привык
С врагами биться – ныне, например,
С французами, что топчут нашу землю, –
Но ни с несчастным королем, ни с теми,
Что для обид имеют веский повод.

Эдмунд

Сэр, это благородные слова.

Регана

К чему такая речь?

Гонерилья

Объединимся

И разгромим врага; сейчас не время,
Чтоб разбирать домашние обиды.

Эдмунд

Нет, честью вам клянусь, мадам!

Регана

Учтите:

Я этого, милорд, не потерплю.

Эдмунд

Во мне не сомневайтесь. – Вот и герцог.

Входят герцог Олбанский и Гонерилья со знаменосцами,
барабанщиками и войском.

Герцог Олбанский

Рад видеть вас, любезная сестра.

(Эдмунду.)

Я слышал, сэр, что старый наш король
Соединился с дочерью, и с ними –
Другие, коих вынудила к бегству
Суровость власти нашей.

Эдмунд

Для чего

Об этом рассуждать?

Гонерилья

Объединимся

И разгромим врага; сейчас не время,
Чтоб разбирать домашние обиды.

Герцог Олбанский

Что ж! Соберем совет и все обсудим.
Послушаем бывалых воевод.

Эдмунд

Я к вам в шатер прибуду, не промедлив.

Регана

Сестра, надеюсь, вы идете с нами?

Гонерилья

Нет.

Регана

Почему? Вам следует пойти.

Гонерилья

(в сторону)

Вот хитрая лиса! – Пойду, согласна.

Входит Эдгар (переодетый).

Эдгар

Коль ваша милость выслушать изволит,
Два слова только.

Уходят все, кроме герцога Олбанского и Эдгара.

Герцог Олбанский

Говори. – Ступайте;

Я нагоню вас.

Эдгар

(отдавая письмо герцогу)

Прочтите это накануне битвы.
И, если вы одержите победу,
Пусть вызов протрубят, и – не глядите
На вид мой и убогие отрепья –
Я выставлю бойца и он докажет
Оружьем, что в письме подлога нет.
Но если, сэр, вы будете разбиты, –
Тогда всему конец и все не важно.
Удачи вам!

Герцог Олбанский

Постой, сперва прочту.

Герцог Олбанский

Что ж! Соберем совет и все обсудим.
Послушаем бывалых воевод.

Регана

Сестра, надеюсь, вы идете с нами?

Гонерилья

Нет.

Регана

Почему? Вам следует пойти.

Гонерилья

(в сторону)

Вот хитрая лиса! – Пойду, согласна.

Входит Эдгар (переодетый).

Эдгар

Коль ваша милость выслушать изволит,
Два слова только.

Уходят все, кроме герцога Олбанского и Эдгара.

Герцог Олбанский

Говори. – Ступайте;

Я нагоню вас.

Эдгар

(отдавая письмо герцогу)

Прочтите это накануне битвы.
И, если вы одержите победу,
Пусть вызов протрубят, и – не глядите
На вид мой и убогие отрепья –
Я выставлю бойца и он докажет
Оружьем, что в письме подлога нет.
Но если, сэр, вы будете разбиты, –
Тогда всему конец и все не важно.
Удачи вам!

Герцог Олбанский

Постой, сперва прочту.

Эдгар

Не велено. Когда придет пора,
Пусть протрубят – и я явлюсь перед вами.

Уходит.

Герцог Олбанский

Ну так прощай. Посмотрим, что в письме.

Входит Эдмунд.

Эдмунд

Враг показался. Время строить войско.
Вот то, что нам разведка донесла.
Милорд, вам следует поторопиться.

Герцог Олбанский

Не сомневайтесь. Встретим их, как должно.

Уходит.

Эдмунд

Обеим сестрам я в любви поклялся;
И обе зорко смотрят друг за другом,
Шипя от ревности, как две гадюки.
Какую выбрать? Эту или ту?
Ни с той, ни с этой радости не будет,
Пока жива другая. Взять вдову –
Замужняя совсем осатанеет;
А выбрать Гонерилью – как с ней быть
При муже здравствующем? Подождем;
Сперва пусть герцог разгромит французов
И в плен возьмет Корделию и Лира.
Он хочет их простить. Как бы не так!
Мой план совсем иной... Чтоб удержаться,
Не рассуждать я должен, а сражаться.

Уходит.

Эдгар

Не велено. Когда придет пора,
Пусть протрубят – и я явлюсь перед вами.

Уходит.

Герцог Олбанский

Ну так прощай. Посмотрим, что в письме.

Входит Эдмунд.

Эдмунд

Враг показался. Время строить войско.
Вот то, что нам разведка донесла.
Милорд, вам следует поторопиться.

Герцог Олбанский

Не сомневайтесь. Встретим их, как должно.

Уходит.

Эдмунд

Обеим сестрам я в любви поклялся;
И обе зорко смотрят друг за другом,
Шипя от ревности, как две гадюки.
Какую выбрать? Эту или ту?
Ни с той, ни с этой радости не будет,
Пока жива другая. Взять вдову –
Замужняя совсем осатанеет;
А выбрать Гонерилью – как с ней быть
При муже здравствующем? Подождем;
Сперва пусть герцог разгромит французов
И в плен возьмет Корделию и Лира.
Он хочет их простить. Как бы не так!
Мой план совсем иной... Чтоб удержаться,
Не рассуждать я должен, а сражаться.

Уходит.

СЦЕНА II

Сигнал трубы.

Входят Лир с Корделией и французское войско в боевом строю, со знаменами и барабанами. Проходят через всю сцену и скрываются.

Входят Эдгар и Глостер.

Эдгар

Присядьте здесь, отец, в тени от дуба.
Молитесь, чтобы правой стороне
Сегодня одолеть. Я возвращусь
И принесу вам добрые известья.

Глостер

Благослови вас небо.

Эдгар уходит.

Шум битвы. Потом сигнал к отступлению.

Эдгар возвращается.

Эдгар

Бежим! Французские войска разбиты,
Корделия и Лир, увы, в плену.
Уходим; дайте руку мне скорее!

Глостер

И шагу не ступлю; не все ль равно,
Где догнивать?

Эдгар

Опять худые мысли?
Нет, человек все должен претерпеть:
Как свой приход, так и уход отсюда.
Готовность – главное. Ну, сэр, идемте.

Уходят.

СЦЕНА II

Сигнал трубы.

Входят Лир с Корделией и французское войско в боевом строю, со знаменами и барабанами. Проходят через всю сцену и скрываются.

Входят Эдгар и Глостер.

Эдгар

Присядьте здесь, отец, в тени от дуба.
Молитесь, чтобы правой стороне
Сегодня одолеть. Я возвращусь
И принесу вам хорошие известия.

Глостер

Благослови вас небо.

Эдгар уходит.

Шум битвы. Потом сигнал к отступлению.

Эдгар возвращается.

Эдгар

Бежим! Французские войска разбиты,
Корделия и Лир, увы, в плену.
Уходим; дайте руку мне скорее!

Глостер

И шагу не ступлю; не все ль равно,
Где догнывать?

Эдгар

Опять худые мысли?
Нет, человек все должен претерпеть:
Как свой приход, так и уход отсюда.
Готовность – главное.

Глостер

Что ж! тоже правда.

Уходят.

СЦЕНА III

Входят Эдмунд с Корделией и Лиром,
Капитан и солдаты.

Эдмунд

Приставить караул и увести;
И крепко сторожить до приговора.

Корделия

Не с нами первыми произошло:
Задумав благо, пожинаем зло.
Сама я вытерплю любую участь,
Но я за вас, отец, тревогой мучусь.
Быть может, нужно повидать скорей
Моих сестер и ваших дочерей?

Лир

Нет, ни за что! Пойдем с тобой в тюрьму –
И будем щебетать, как птички в клетке,
И если вновь ты у меня попросишь
Благословенья, стану на колени
И буду у тебя просить прощенья.
Так будем жить, молиться, песни петь
И сказки сказывать, смеясь беспечно
Над мельтешеньем мотыльков придворных,
И слушать сплетни, праздно рассуждая,
Кто нынче преуспел, а кто в опале,
И прозревать душою Тайну мира,
Великий Божий замысел; – и так
Переживем мы в нашем заточенье
Все козни и расчеты властолюбцев,
Все страсти мировые, что вскипают,
Как пена в море...

Эдмунд

Уведите их.

Лир

Корделия, смиренный наш затвор
Благоуханием наполнят боги.
Теперь ты от меня не убежишь!

СЦЕНА III

Входит Эдмунд со знаменосцами, барабанщиками,
Капитаном и солдатами.

Вводят пленных Корделию и Лира.

Эдмунд

Приставить караул и увести;
И крепко сторожить до приговора.

Корделия

Не с нами первыми произошло:
Задумав благо, пожинаем зло.
Сама я вытерплю любую участь,
Но я за вас, отец, тревогой мучусь.
Быть может, нужно повидать скорей
Моих сестер и ваших дочерей?

Лир

Нет, ни за что! Пойдем с тобой в тюрьму –
И будем щебетать, как птички в клетке,
И если вновь ты у меня попросишь
Благословенья, стану на колени
И буду у тебя просить прощенья.
Так будем жить, молиться, песни петь
И сказки сказывать, смеясь беспечно
Над мельтешеньем мотыльков придворных,
И слушать сплетни, праздно рассуждая,
Кто нынче преуспел, а кто в опале,
И прозревать душою Тайну мира,
Великий Божий замысел; – и так
Переживем мы в нашем заточеньи
Все козни и расчеты властолюбцев,
Все страсти мировые, что вскипают,
Как пена в море...

Эдмунд

Уведите их.

Лир

Корделия, смиренный наш затвор
Благоуханием наполнят боги.
Теперь ты от меня не убежишь!

Чтоб разлучить нас, факелом небесным
Придется нас выкуривать отсюда,
Как лис из нор. Не плачь! Утри глаза.
Они сгниют скорей, чем мы заплачем.
Идем.

Лир и Корделия под охраной солдат уходят.

Эдмунд
(вручая письмо)

Вот вам задание, капитан:
Сопроводите узников в темницу,
Потом прочтите. Выполнив приказ,
Вы ступите на верную дорогу
К успеху и наградам. Но учтите:
Крутые времена – крутые меры.
Меч не бывает мягким; на войне
Не сомневаются; скажите да –
Или ищите счастье в лучшем месте.

Капитан
Милорд, я все исполню.

Эдмунд
Повышение
Вас ждет. Исполните все точно так,
Как сказано в письме. Без промедленья.

Капитан
Овса не ем я, не вожу телег;
Всё сделаю, что может человек.

Уходит.

Звучат трубы.

Входят герцог Олбанский, Гонерилья,
Регана, солдаты и два капитана.

Герцог Олбанский
Сэр, вы сегодня выказали доблесть;
Фортуна вам в бою благоволила.
Итак, прошу вас передать мне пленных,
Захваченных сегодня, чтоб я мог
Распорядиться ими, как диктуют
Их ранг, мой долг и наша безопасность.

Чтоб разлучить нас, факелом небесным
Придется нас выкуривать отсюда,
Как лис из нор. Не плачь! Утри глаза.
Они сгнут скорей, чем мы заплачем.
Идем.

Лир и Корделия под охраной солдат уходят.

Эдмунд
(вручая письмо)

Вот вам задание, капитан:
Сопроводите узников в темницу,
Потом прочтите. Выполнив приказ,
Вы ступите на верную дорогу
К успеху и наградам. Но учтите:
Крутые времена – крутые меры.
Меч не бывает мягким; на войне
Не сомневаются; скажите да –
Или ищите счастье в лучшем месте.

Капитан

Милорд, я все исполню.

Эдмунд

Повышение

Вас ждет. Исполните все точно так,
Как сказано в письме.

Капитан уходит.

Звучат трубы.

Входят герцог Олбанский, Гонерилья,
Регана и солдаты.

Герцог Олбанский

Сэр, вы сегодня выказали доблесть;
Фортуна вам в бою благоволила.
Итак, прошу вас передать мне пленных,
Захваченных сегодня, чтоб я мог
Распорядиться ими, как диктуют
Их ранг, мой долг и наша безопасность.

Эдмунд

Сэр, старого больного короля
Я счел удобным содержать под стражей,
Чтоб вид его и титул не смущали
Иных солдат, податливых на жалость,
И не могли при случае их пики
Направить против нас; и королеву
С ним отослал – из тех же опасений.
Я завтра вам представлю их туда,
Где будет вам угодно объявить
Их участь. После битвы, сгоряча,
Когда войска еще считают павших
И кровь не смыта с ран, дела такие
Решать не стоит.

Герцог Олбанский

Не забудьте, сэр:
Вы здесь не равня нам, а подчиненный.

Регана

А это уж позвольте мне решать;
Недурно бы меня спросить сначала,
Как я считаю. Он поставлен мной
Главою войска и уполномочен
Быть представителем моим в совете,
А, значит, может называться братом
И равней вашей, герцог.

Гонерилья

Ай, как пылко!
Не чья-то милость – собственная доблесть
Возвысила его.

Регана

Мои права,
Которыми я облакаю графа,
Его равняют с высшими в стране.

Гонерилья

Равняли бы, будь он тебе супругом.

Регана

Насмешка может сбыться ненароком.

Эдмунд

Сэр, старого больного короля
Я счел удобным содержать под стражей,
Чтоб вид его и титул не смущали
Иных солдат, податливых на жалость,
И не могли при случае их пики
Направить против нас; и королеву
С ним отослал – из тех же опасений.
Я завтра вам представлю их туда,
Где будет вам угодно объявить
Их участь.

Герцог Олбанский

Сэр, прошу не забывать,
Вы здесь не ровня нам, а подчиненный.

Регана

А это уж позвольте мне решать;
Недурно бы меня спросить сначала,
Как я считаю. Он поставлен мной
Главою войска и уполномочен
Быть представителем моим в совете,
А, значит, может называться братом
И ровней вашей, герцог.

Гонерилья

Ай, как пылко!
Не чья-то милость – собственная доблесть
Возвысила его.

Регана

Мои права,
Которыми я облакаю графа,
Его равняют с высшими в стране.

Гонерилья

Равняли бы, будь он тебе супругом.

Регана

Насмешка может сбыться ненароком.

Гонерилья

Ты думаешь? Очнись! Протри глаза!

Регана

Мне нынче нездоровится; не то
Я бы тебе ответила, сестрица!

(Эдмунду.)

Вы победили, храбрый генерал!
Сдается крепость; вот ее ключи;
Берите всё – солдат, трофеи, пленных.
Пред целым светом ныне объявляю
Вас мужем и владыкою своим.

Гонерилья

Ты замуж собралась? Ну нет, не выйдет!

Герцог Олбанский

Но помешать ей сможете не вы.

Эдмунд

Да и не вы.

Герцог Олбанский

Ты лжешь, бастард негодный.

Регана

(Эдмунду)

Не стой, как будто ты оцепенел!
Кличь барабанщика! Пусть в поединке
Меч отстоит твои права и честь.

Герцог Олбанский

Не торопитесь. – Слушайте меня.
Вас, Эдмунд, я немедля арестую
По обвинению в измене, вместе
Вот с этой раззолоченной змеей –

(показывает на Гонерилью)

Сообщницу вашей.

(Регане.)

Гонерилья

Ты думаешь? Очнись! Протри глаза!

Регана

Мне нынче нездоровится; не то
Я бы тебе ответила, сестрица!

(Эдмунду.)

Вы победили, храбрый генерал!
Сдается крепость; вот ее ключи;
Берите всё – солдат, трофеи, пленных.
Пред целым светом ныне объявляю
Вас мужем и владыкою своим.

Гонерилья

Ты замуж собралась? Ну нет, не выйдет!

Герцог Олбанский

Но помешать ей сможете не вы.

Эдмунд

Да и не вы.

Герцог Олбанский

Ты лжешь, бастард негодный.

Регана

(Эдмунду)

Не стой, как будто ты оцепенел!
Кличь барабанщика! Пусть в поединке
Меч отстоит твои права и честь.

Герцог Олбанский

Не торопитесь. – Слушайте меня.
Вас, Эдмунд, я немедля арестую
По обвинению в измене, вместе
Вот с этой раззолоченной змеей –

(показывает на Гонерилью)

Сообщницею вашей.

(Регане.)

Вам, сестра,
Я вынужден с прискорбьем объявить,
Что ваш жених давно уж помолвлен
С моей женой. – Ты, Глостер, при оружьи;
Пусть прозвучит призыв трубы – и если
Никто не выйдет доказать мечом,
Что ты изменник подлый и бесчестный,
То вот тебе залог (*бросает перчатку*)
– я выйду сам
И распишусь клинком на этом сердце
В том, что сказал.

Регана

Внутри как будто жжет..

Гонерилья

(*в сторону*)

Еще бы! Снадобье вполне надежно.

Эдмунд

(*бросает перчатку*)

Вот мой ответ: кто смел меня назвать
Изменником, сам негодяй презренный!
Трубите клич; пусть явится любой –
Я отстою в бою – хоть с ним, хоть с вами –
И честь мою, и правду, и права.

Герцог Олбанский

Трубите клич, герольд!

Эдмунд

Трубите клич!

Входит Герольд.

Герцог Олбанский

Теперь надейся только на себя;
Солдат, что были под твоей командой,
Я распустил.

Регана

Мне дурно, дурно мне...

Вам, сестра,
Я вынужден с прискорбием объявить,
Что ваш жених давно уж помолвлен
С моей женой. Коль вы хотите замуж,
Передо мною распускайте хвост.

Регана

Постыдный фарс!

Герцог Олбанский

Ты, Глостер, при оружье;
Пусть прозвучит призыв трубы – и если
Никто не выйдет доказать мечом,
Что ты изменник подлый и бесчестный,
То вот тебе залог (*бросает перчатку*)
– я выйду сам
И распишусь клинком на этом сердце
В том, что сказал.

Регана

Внутри как будто жжет...

Гонерилья
(*в сторону*)

Еще бы! Снадобье вполне надежно.

Эдмунд

(*бросает перчатку*)

Вот мой ответ: кто смел меня назвать
Изменником, сам негодяй презренный!
Трубите клич; пусть явится любой –
Я отстою в бою – хоть с ним, хоть с вами –
И честь мою, и правду, и права.

Герцог Олбанский

Трубите клич, герольд!

Входит Герольд.

Теперь надейся только на себя;
Солдат, что были под твоей командой,
Я распустил.

Регана

Мне дурно, дурно мне...

Герцог Олбанский
Больную отведите в мой шатер.

Регану уводят.

Герольд, сюда! Пусть протрубят сигнал.
Прочтите это всем.

Второй капитан
Труби, трубач!

Звучит сигнал трубы.

Герольд
(*читает*)

«Если кто из людей благородного рода и звания, находящихся при войске, утверждает, что Эдмунд, называющий себя графом Глостером, повинен во многих злодействах и изменах, пусть выйдет при третьем зове трубы и докажет это в бою».

Эдмунд

Труби!

Первый зов трубы.

Еще труби!

При третьем зове выходит Эдгар (в доспехах) с трубачом впереди.

Герцог Олбанский
(*Герольду*)

Спроси, зачем ответил он на вызов
И выступил пред нами.

Герольд

Назовите
Нам ваше имя, титул и причину
Принять наш вызов.

Герцог Олбанский
Больную отведите в мой шатер.

Регану уводят.

Герольд, сюда! Пусть протрубят сигнал.
Прочтите это всем.

Второй капитан
Труби, трубач!

Звучит сигнал трубы.

Герольд
(*читает*)

«Если кто из людей благородного рода и звания, находящихся при войске, утверждает, что Эдмунд, называющий себя графом Глостером, повинен во многих злодействах и изменах, пусть выйдет при третьем зове трубы и докажет это в бою».

Эдмунд
Труби!
Первый зов трубы.

Эдмунд
Еще раз!
Второй зов трубы.

Эдмунд
Труби!
На третий зов трубы откликается труба за сценой.
Выходит Эдгар в доспехах.

Герцог Олбанский
(*Герольду*)
Спроси, зачем ответил он на вызов
И выступил пред нами.

Герольд
Назовите
Нам ваше имя, титул и причину
Принять наш вызов.

Эдгар

Титул мой и имя
Украдены; но я не ниже родом,
Чем мой противник.

Герольд

Кто противник ваш?

Эдгар

Кто графом Глостерским себя зовет?

Эдмунд

Я, Эдмунд. Что ты хочешь мне сказать?

Эдгар

(обнажая меч)

Достань свой меч, и если речь моя
Воспламенит обидой дух надменный,
Пускай, в согласие с рыцарской присягой,
Твой меч оспорит речь. Я заявляю,
Что несмотря на твой успех и гордость,
Стать, молодость, победоносный вид
И храбрость воина, – ты лишь изменник,
Предавший подло брата и отца,
А также умышлявший против жизни
Сиятельного герцога, что весь,
От головы до пят, ты лишь предатель,
Покрытый пятнами, как жаба, сплошь.
Попробуй отпираться – мой клинок
И длань моя докажут то, что знает
Твое от страха дрогнувшее сердце:
Ты лжец!

Эдмунд

Благоразумие велит,
Чтоб я узнал сперва, кто предо мной,
Но этот вид воинственный и речь
Так ясно говорят о знатном роде,
Что я на этот раз пренебрегу
Советами благоразумья. Знай:
Твои наветы гнусные бессильны
Меня задеть; я их швырну обратно;

Эдгар

Титул мой и имя
Украдены; но я не ниже родом,
Чем мой противник.

Герольд

Кто противник ваш?

Эдгар

Кто графом Глостерским себя зовет?

Эдмунд

Я, Эдмунд. Что ты хочешь мне сказать?

Эдгар

(обнажая меч)

Достань свой меч, и если речь моя
Воспламенит обидой дух надменный,
Пускай, в согласие с рыцарской присягой,
Твой меч оспорит речь. Я заявляю,
Что несмотря на твой успех и гордость,
Стать, молодость, победоносный вид
И храбрость воина, – ты лишь изменник,
Предавший подло брата и отца,
А также умышлявший против жизни
Сиятельного герцога, что весь,
От головы до пят, ты лишь предатель,
Покрытый пятнами, как жаба, сплошь.
Попробуй отпираться – мой клинок
И длань моя докажут то, что знает
Твое от страха дрогнувшее сердце:
Ты лжец!

Эдмунд

Благоразумие велит,
Чтоб я узнал сперва, кто предо мной,
Но этот вид воинственный и речь
Так ясно говорят о знатном роде,
Что я на этот раз пренебрегу
Советами благоразумья. Знай:
Твои наветы гнусные бессильны
Меня задеть; я их швырну обратно;

И чтобы их отравленные жала
Верней нашли дорогу к сердцу труса,
Я проложу им путь своим мечом!
Трубите к бою!

Звучат трубы.

Эдгар и Эдмунд сражаются.

Эдмунд падает.

Герцог Олбанский
(Эдгару)

Остановитесь!

Гонерилья

Это низкий трюк!

По правилам он не обязан был
Сражаться с неизвестным. Тут обман,
А не победа.

Герцог Олбанский

Помолчите, леди,

Не то я этим вашу пасть заткну!
Что, узнаете почерк? Осторожней;
Подальше когти! Помните письмо?

Гонерилья

Что из того? Одни слова пустые;
И суд здесь мой. Я на своей земле.

Герцог Олбанский

Чудовище! Ответьте, вы писали?

Гонерилья

Не спрашивай; не стану отвечать.

Уходит.

Герцог Олбанский

Ступайте вслед. За нею нужен глаз,
Чтобы со зла чего не натворила.

Один из солдат уходит.

И чтобы их отравленные жала
Верней нашли дорогу к сердцу труса,
Я проложу им путь своим мечом!
Трубите к бою!

Звучат трубы.

Эдгар и Эдмунд сражаются.
Эдмунд падает.

Герцог Олбанский
(Эдгару)

Остановитесь!

Гонерилья

Это низкий трюк!
По правилам он не обязан был
Сражаться с неизвестным. Тут обман,
А не победа.

Герцог Олбанский

Помолчите, леди,
Не то я этим вашу пасть заткну!
Что, узнаете почерк? Осторожней;
Подальше когти! Помните письмо?

Гонерилья

Что из того? Одни слова пустые;
И суд здесь мой. Я на своей земле.

Уходит.

Герцог Олбанский

Чудовище!

(Эдмунду.)

Что скажешь ты, злодей?

Эдмунд

Не спрашивайте; отвечать не стану.

Герцог Олбанский

Ступайте вслед. За нею нужен глаз,
Чтобы со зла чего не натворила.

Один из солдат уходит.

Эдмунд

(Эдгару)

Все, в чем меня ты обвинил, я сделал,
И больше. Как веревочка ни вейся
Конца не миновать. Вот и конец. –
Но кто ты, воин Рока? Если знатный,
Тебя прощаю я.

Эдгар

Простим друг друга.
По крови я не меньше благороден,
Чем ты, и даже больше; в этом корень
Меня постигших бедствий. Я – Эдгар,
Сын твоего отца. Порой наш грех
В самом в себе несет зародыш кары;
Тот миг злосчастный прелюбодеянья
Страдальцу стоил глаз.

Эдмунд

Ты прав, ты прав;
Свой полный круг Фортуна совершила,
И вот я здесь.

Герцог Олбанский

(Эдгару)

Я сразу по осанке
Определил, что родом ты высок.
Дай обниму себя; пусть мне вовек
Не знать веселья, если хоть на миг
Поверил я, что твой отец – изменник!

Эдгар

Я это знаю, благородный принц.

Герцог Олбанский

Где ты скрывался? Как узнал о горе,
Постигнувшем отца?

Эдгар

Я вместе с ним
И горевал, и мыкался по свету.
Все расскажу; и пусть, когда закончу,
От скорби разорвется грудь моя.
А было так: стараясь избежать

Эдмунд
(Эдгару)

Все, в чем меня ты обвинил, я сделал,
И больше. Как веревочка ни вейся
Конца не миновать. Вот и конец. –
Но кто ты, воин Рока? Если знатный,
Тебя прощаю я.

Эдгар

Простим друг друга.
По крови я не меньше благороден,
Чем ты, и даже больше; в этом корень
Меня постигших бедствий. Я – Эдгар,
Сын твоего отца. Порой наш грех
В самом в себе несет зародыш кары;
Тот миг злосчастный прелюбодеянья
Страдальцу стоил глаз.

Эдмунд

Ты прав, ты прав;
Свой полный круг Фортуна совершила,
И вот я здесь.

Герцог Олбанский
(Эдгару)

Я сразу по осанке
Определил, что родом ты высок.
Дай обниму себя; пусть мне вовек
Не знать веселья, если хоть на миг
Поверил я, что твой отец – изменник!

Эдгар

Я это знаю, благородный принц.

Герцог Олбанский

Где ты скрывался? Как узнал о горе,
Постигнувшем отца?

Эдгар

Я вместе с ним
И горевал, и мыкался по свету.
Все расскажу; и пусть, когда закончу,
От скорби разорвется грудь моя.
А было так: стараясь избежать

Погони, следующей по пятам,
И гибели, – о сладкая приманка,
Которой жизнь влечет нас, побуждая
Скорее муки смертные терпеть,
Чем сразу умереть, – я облачился
В лохмотья полоумного бродяги,
Что презираем всеми хуже пса,
И эту роль приняв, случайно встретил
Отца с кровоточащей на лице
Оправой без исторгнутых алмазов!
Я стал его поводырем: хранил,
Кормил, чем подадут, спасал, как мог,
От черного отчаянья, – свой голос
Нарочно изменив и до поры
Скрывая, кто я; только час назад,
Надев доспехи, я ему открылся,
Поведал все, что было в эти дни,
И попросил благословить пред боем.
Увы, его измученное сердце,
Меж радостью и горем разрываясь,
Меж новою тревогой и надеждой,
Не выдержало.

Эдмунд

Даже я растроган,
И что-то доброе во мне проснулось.
Но, кажется, не кончен твой рассказ.

Герцог Олбанский

Коль продолженье умножает скорбь,
Не продолжай, – чтобы глаза мои
Не растеклись ручьями.

Эдгар

Этих бедствий
Любым ушам хватило бы с лихвой;
Но жизнь, как неумеренный рассказчик,
Хватает через край. Пока в печали
Роптал я и рыдал, вдруг появился
Какой-то человек – и поначалу
Брезгливо отшатнулся, но потом,
Признав меня в безумном оборванце,

Погони, следующей по пятам,
И гибели, – о сладкая приманка,
Которой жизнь влечет нас, побуждая
Скорее муки смертные терпеть,
Чем сразу умереть, – я облачился
В лохмотья полоумного бродяги,
Что презираем всеми хуже пса,
И эту роль приняв, случайно встретил
Отца с кровоточащей на лице
Оправой без исторгнутых алмазов!
Я стал его поводирем: хранил,
Кормил, чем подадут, спасал, как мог,
От черного отчаянья, – свой голос
Нарочно изменив и до поры
Скрывая, кто я; только час назад,
Надев доспехи, я ему открылся,
Поведал все, что было в эти дни,
И попросил благословить пред боем.
Увы, его измученное сердце,
Меж радостью и горем разрываясь,
Меж новою тревогой и надеждой,
Не выдержало.

Эдмунд

Даже я растроган,
И что-то доброе во мне проснулось.
Но, кажется, не кончен твой рассказ.

Герцог Олбанский

Коль продолженье умножает скорбь,
Не продолжай, – чтобы глаза мои
Не растеклись ручьями.

В объятьях крепко стиснул и исторг
Такой протяжный стон, как будто дуб
Рассекся надвое; увидев мертвым
Отца, он молча кулаками потряс –
И разразился наконец столь горьким
Рассказом о страданиях короля,
Его гоненье и его безумье,
Что сам лишился чувств; но в это время
Раздался клич трубы, потом другой,
И мне тогда пришлось его оставить.

Герцог Олбанский

Кто это был?

Эдгар

Сэр, это был граф Кент.
Он изгнан был, но, изменив обличье,
Последовал за Лиром, чтоб служить
Ему в опале так же, как и в счастье.

Входит Придворный с окровавленным кинжалом.

Придворный

На помощь, помогите!

Герцог Олбанский

Что случилось?
Что значит эта кровь? Ну, говори!

Придворный

Взгляните, он еще горяч... дымится;
Он вынут только что из сердца... О!
Она убилась!

Герцог Олбанский

Кто?

Входит Придворный с окровавленным кинжалом.

Придворный

На помощь, помогите!

Эдгар

Что случилось?

Герцог Олбанский

Ну, говори!

Эдгар

Что значит эта кровь?

Придворный

Взгляните, он еще горяч... дымится;

Он вынут только что из сердца... О!

Она убилась!

Герцог Олбанский

Кто?

Придворный

Супруга ваша;
Пред этим отравив свою сестру.
Она созналась.

Эдмунд

Я был обручен
С обеими; теперь мы ляжем спать
В одну постель.

Герцог Олбанский

Несите их сюда,
Живых иль мертвых.

Придворный уходит.

Это суд небесный;
Он возбуждает страх, а не печаль.

Эдгар

А вот и Кент.

Входит Кент.

Герцог Олбанский

Входите, сэр. Сегодня
Нет времени для вежливых речей
И долгих церемоний.

Кент

Я пришел
В последний раз увидеть государя
И попрощаться с ним.

Герцог Олбанский

О самом важном
Чуть не забыли. – Эдмунд, где король?
И где Корделия?

Вносят тела Гонерильи и Реганы.

Взгляните, Кент.

Кент

О, боги!

Придворный

Супруга ваша;
Пред этим отравив свою сестру.
Она созналась.

Эдмунд

Я был обручен
С обеими; в одну постель мы ляжем.

Эдгар

А вот и Кент.

Входит Кент.

Герцог Олбанский

Несите их сюда,
Живых иль мертвых.

Придворный уходит.

Это суд небесный;
Он возбуждает страх, а не печаль. –
Ужели это Кент? Входите, сэр.
Нет времени для вежливых речей
И долгих церемоний.

Кент

Я пришел
В последний раз увидеть государя
И попрощаться с ним.

Герцог Олбанский

О самом важном
Чуть не забыли. – Эдмунд, где король?
И где Корделия?

Вносят тела Гонерильи и Реганы.

Взгляните, Кент.

Кент

О, боги!

Эдмунд

Все же Эдмунд был любим:
Из-за меня отравлена одна,
И закололась от тоски другая.

Герцог Олбанский
Да, это так. Закройте лица им.

Эдмунд

Мне тяжело дышать... Хочу пред смертью
Во благо что-то сделать – вопреки
Своей же злой природе. Поспешите
Скорее в замок. Я отдал приказ
Корделию и Лира умертвить.
Бегите же.

Герцог Олбанский
Скорей, скорей! Бегом!

Эдгар

Кто это должен сделать? Кто, скажи?
Как отменить приказ?

Эдмунд

Возьми мой меч,
Покажешь капитану.

Эдгар
(Гонцу)

Мчись, как птица!

Гонец убегает.

Эдмунд

Приказ был от меня и герцогини:
Представить так, как будто бы сама
Корделия повесилась в темнице
От горя и отчаянья.

Эдмунд

Все же Эдмунд был любим:
Из-за меня отравлена одна,
И закололась от тоски другая.

Герцог Олбанский

Да, это так. Закройте лица им.

Эдмунд

Мне тяжело дышать... Хочу пред смертью
Во благо что-то сделать – вопреки
Своей же злой природе. Поспешите
Скорее в замок. Я отдал приказ
Корделию и Лира умертвить.
Бегите же.

Герцог Олбанский

Скорей, скорей! Бегом!

Эдгар

Кто это должен сделать? Кто, скажи?
Как отменить приказ?

Эдмунд

Возьми мой меч,
Покажешь капитану.

Эдгар

(Гонцу)

Мчись, как птица!

Гонец убегает.

Эдмунд

Приказ был от меня и герцогини:
Представить так, как будто бы сама
Корделия повесилась в темнице
От горя и отчаянья.

Герцог Олбанский
О небо,
Спаси ее! – А этого убрать.

Эдмунда уносят.
Входит Лир с Корделией на руках, за ним Придворный и другие.

Лир
Рыдайте! Войте! Плачьте все со мной!
Что ж вы молчите, каменные люди?
Будь я горой, я так бы возопил,
Что свод небесный рухнул бы на землю.
Она мертва. Навек. Мертва, как прах.
Иль я живой не отличу от мертвой?
Кто даст мне зеркальце? Коль запотеет,
Так значит, дышит.

Кент
Это ли не час
Обещанного светопреставленья?

Эдгар
Кромешный мрак.

Герцог Олбанский
Мрак и конец времен.

Лир
Пушинка возле губ дрожит. Жива?
Коль это так, мне этот миг искупит
Все муки прошлые.

Кент
(становясь на колени)
Мой государь!

Лир
Прочь, прочь идите.

Эдгар
Это Кент, ваш друг.

Герцог Олбанский

О небо,
Спаси ее! – А этого убрать.

Эдмунда уносят.

Входит Лир с Корделией на руках, за ним Придворный и другие.

Лир

Рыдайте! Войте! Плачьте все со мной!
Что ж вы молчите, каменные люди?
Будь я горой, я так бы возопил,
Что свод небесный рухнул бы на землю.
Она мертва. Навек. Мертва, как прах.
Иль я живой не отличу от мертвой?
Кто даст мне зеркальце? Коль запотеет,
Так значит, дышит.

Кент

Это ли не час
Обещанного светопреставленья?

Эдгар

Кромешный мрак.

Герцог Олбанский

Мрак и конец времен.

Лир

Пушинка возле губ дрожит. Жива?
Коль это так, мне этот миг искупит
Все муки прошлые.

Кент

(становясь на колени)

Мой государь!

Лир

Прочь, прочь идите.

Эдгар

Это Кент, ваш друг.

Л и р

Чума на вас, предатели, убийцы!
Я мог ее спасти; но не успел.
Корделия, не уходи, останься!
Ответь! Ах, у нее был нежный голос,
Что так отрадно в женах. Я убил
Того злодея, что тебя повесил.

П р и д в о р н ы й

Убил, я подтверждаю.

Л и р

В былые дни
Я бы их всех заставил поплясать
Своим мечом, но я уже не тот –
Стар и устал.

(Кенту.)

Ты кто, не узнаю?
Глаза мои – и те мне изменяют.

К е н т

Коль был такой любимец у Судьбы,
Кого она всех больше не взлюбила,
Он перед нами.

Л и р

Почему темно?
Ты – Кент?

К е н т

Он самый; верный ваш слуга.
А где слуга ваш Кай?

Л и р

Отличный малый –
Боец, храбрец!.. Давно лежит в земле.

К е н т

О нет, мой государь: он здесь, пред вами.

Л и р

Мы это разберем.

Л и р

Чума на вас, предатели, убийцы!
Я мог ее спасти; но не успел.
Корделия, не уходи, останься!
Ответь! Ах, у нее был нежный голос,
Что так отрадно в женах. Я убил
Того злодея, что тебя повесил.

П р и д в о р н ы й

Убил, я подтверждаю.

Л и р

В былые дни
Я бы их всех заставил поплясать
Своим мечом, но я уже не тот –
Стар и устал.

(Кенту.)

Ты кто, не узнаю?
Глаза мои – и те мне изменяют.

К е н т

Коль был такой любимец у Судьбы,
Кого она всех больше не взлюбила,
Он перед нами.

Л и р

Почему темно?
Ты – Кент?

К е н т

Он самый; верный ваш слуга.
А где слуга ваш Кай?

Л и р

Отличный малый –
Боец, храбрец!.. Давно лежит в земле.

К е н т

О нет, мой государь: он здесь, пред вами.

Л и р

Мы это разберем.

Кент

Кай – это я,
Я с вами был с начала этих бедствий.

Лир

Мы рады.

Кент

Радости живут не здесь.
Две ваших старших дочери погибли
От козней собственных.

Лир

Да, да, конечно.

Герцог Олбанский

Он сам не ведает, что говорит.
Беседовать с ним тщетно.

Эдгар

Бесполезно.

Входит Капитан.

Капитан

Сэр, – Эдмунд умер.

Герцог Олбанский

Нам не до того. –
Я ныне, лорды, вам хочу открыть
Свои намеренья. Все, что возможно
Для исцеленья скорбного ума,
Мы сделаем – и сразу, устранившись,
Передадим, как прежде, королю
Власть над страной, вплоть до его кончины.

(Эдгару и Кенту.)

Вам возвращаем прежние права
И привилегии, с придачей новых,
Которых вы достойны. Всех друзей
Мы наградим, а недругам воздастся
По их заслугам.

Кент

Кай – это я,
Я с вами был с начала этих бедствий.

Лир

Мы рады.

Кент

Радости живут не здесь.
Две ваших старших дочери погибли
От козней собственных.

Лир

Да, да, конечно.

Герцог Олбанский

Он сам не ведает, что говорит.
Беседовать с ним тщетно.

Эдгар

Бесполезно.

Входит Гонец.

Гонец

Сэр, – Эдмунд умер.

Герцог Олбанский

Нам не до того. –
Я ныне, лорды, вам хочу открыть
Свои намеренья. Все, что возможно
Для исцеленья скорбного ума,
Мы сделаем – и сразу, устранившись,
Передадим, как прежде, королю
Власть над страной, вплоть до его кончины.

(Эдгару и Кенту.)

Вам возвращаем прежние права
И привилегии, с придачей новых,
Которых вы достойны. Всех друзей
Мы наградим, а недругам воздастся
По их заслугам.

(Указывает на короля.)

Что это? Смотрите!

Лир

(склоняясь над Корделией)

А ты задушен, бедный дурачок!
Как странно – крысе, лошади, собаке
Позволено дышать, но не тебе.
Ты не вернешься. Никогда, вовеки.
Грудь давит. Пуговицу расстегните –
Вот здесь. Благодарю. О! О! О! О!

Эдгар

Что с вами? О милорд!

Лир

Разбейся, сердце!

Умирает.

Эдгар

Прошу – скорей очнитесь, государь!

Кент

Не мучайте его – пусть отойдет.
Жестоко было бы на дыбе жизни
Пытать его еще.

Эдгар

Не дышит. Умер.

Кент

Не мудрено. Такое претерпев,
Как мог он жить так долго – вот загадка!

Герцог Олбанский

Пусть унесут тела. Нам предстоит
Печальный долг.

(Кенту и Эдгару.)

А вас, мои друзья,

(Указывает на короля.)

Что это? Смотрите!

Л и р

(склоняясь над Корделией)

А ты задушен, бедный дурачок!
Как странно – крысе, лошади, собаке
Позволено дышать, но не тебе.
Ты не вернешься. Никогда, вовеки. –
Тут что-то давит. Расстегните, сэр.
Благодарю. – Взгляните! Нет, взгляните!
Вы видели, как губы... губы...

Умирает.

Э д г а р

Что с вами? О милорд!

К е н т

Разбейся, сердце!

Э д г а р

Прошу – скорей очнитесь, государь!

К е н т

Не мучайте его – пусть отойдет.
Жестоко было бы на дыбе жизни
Пытать его еще.

Э д г а р

Не дышит. Умер.

К е н т

Не мудрено. Такое претерпев,
Как мог он жить так долго – вот загадка!

Герцог Олбанский

Пусть унесут тела. Нам предстоит
Печальный долг.

(Кенту и Эдгару.)

А вас, мои друзья,

Прошу совместно в государстве править,
Чтоб мир стране истерзанной доставить.

К е н т

Сэр, я не властен в собственной судьбе;
Мой государь зовет меня к себе.

Г е р ц о г О л б а н с к и й

Чем гнет худых времен невыносимей,
Тем строже долг – не гнуться перед ними.
Отцам пришлось трудней, чем молодым;
В сравненье с ними наше горе – дым.

Уходят.

Прошу совместно в государстве править,
Чтоб мир стране истерзанной доставить.

Кент

Сэр, я не властен в собственной судьбе;
Мой государь зовет меня к себе.

Эдгар

Чем гнет худых времен невыносимей,
Тем строже долг – не гнуться перед ними
Отцам пришлось трудней, чем молодым;
В сравненье с ними наше горе – дым.

Уходят под похоронный марш.

Приложения

А.Н. Горбунов

«КОНЕЦ ВРЕМЕН И ПРЕКРАЩЕНЬЕ ДНЕЙ»

(«Король Лир» Уильяма Шекспира)

Опять меня зовет
Боренье Рока с Перстью вдохновенной;
Дай мне сгореть, дай мне вкусить смиренно
Сей горько-сладостный Шекспиров плод.

*Джон Китс
«Перед тем как перечитать Короля Лира»,
перевод Г. Кружкова*

«Король Лир» издавна считается самой лучшей, самой глубокой и самой трудной для толкования из всех трагедий Шекспира. Еще в XVIII в., когда английское шекспироведение только делало первые шаги, один из его основателей знаменитый писатель и ученый Сэмюэл Джонсон (1709–1784), критиковавший Шекспира, и в частности, «Короля Лира», за несоблюдение норм просветительского классицизма, все же признал: «Трагедия о Лире справедливо славится среди всех драм Шекспира. Пожалуй, нет другой пьесы, которая бы с такой силой захватывала внимание; которая бы так волновала чувства и возбуждала любопытство. Искусное переплетение различных сюжетных линий, яркое столкновение противоположных характеров, неожиданные перемены судьбы и стремительное движение событий переполняют нас негодованием, жалостью и надеждой. Нет сцены, которая не способствовала бы усилению напряжения и развитию действия, и нет ни одной строки, которая была бы лишней в сцене. Поток воображения поэта настолько силен, что разум, отважившийся проникнуть в него, неборимо уносится вслед за ним»¹.

А в начале XIX в. известный английский эссеист и критик Уильям Хэзлит (1778–1830) уже прямо сказал: «Нам хотелось бы пропустить эту пьесу вовсе, обойти ее молчанием. Все, что мы можем сказать о “Лире”, неизбежно уступит ему самому, и уступит сильно; уступит нашему собственному о нем представлению. Попытка дать описание пьесы или ее воздействия на душу – чистой воды дерзость, однако что-то сказать все же необходимо. Из всех пьес

¹ Цит. по: Bloom's Shakespeare Through the Ages: King Lear. N.-Y., 2008. P. 93.

Шекспира эта – лучшая: в ней он наиболее серьезен. Здесь он явно угодил в силки собственного воображения»².

Спустя примерно еще сто лет (1904) влиятельнейший шекспировед викторианской эпохи Э.С. Брэдли (1851–1935) повторил мысли Хэзлита: «“Короля Лира” вновь и вновь называют величайшим творением Шекспира, его лучшей пьесой, трагедией, в которой он наиболее полно раскрыл все свои громадные силы; и если бы случилось утратить все его драмы, кроме одной, то, возможно, большинство тех, кто знает и ценит его, высказались бы в пользу “Короля Лира”»³.

И, наконец, спустя еще сто лет, уже в наше время (2010) известнейший американский литературовед Харолд Блум вновь сказал то же самое: «“Король Лир”, весьма странно толкуемый современной политизированной критикой, является самой потрясающей поэтической драмой, которую я знаю»⁴.

Трудно с полной определенностью сказать, когда именно Шекспир написал «Короля Лира». Однако мы располагаем рядом сведений, помогающих определить хотя бы приблизительную дату создания трагедии.

Первое издание пьесы, называемое первым кварто, вышло в свет в 1608 г. На его титульном листе было сказано: «Мистер Уильям Шекспир: его правдивая хроника об истории жизни и смерти короля Лира и его трех дочерей. Вместе с несчастной жизнью Эдгара, сына и наследника графа Глостера, принявшего мрачное обличье Тома из Бедлама: как она игралась перед его королевским величеством в Уайтхале в ночь святого Стефана во время рождественских праздников слугами его величества, обычно выступающими в Глобусе на Бэнксайде».

Хотя первое кварто датируется 1608 годом, спектакль, по всей видимости, состоялся в 1606, а не в 1607 г., поскольку в записи об официальной регистрации пьесы в Палате книготорговцев от 26 ноября 1607 г. говорится, что она уже была сыграна в Уайтхале перед королем в ночь святого Стефана⁵. В присутствии короля обычно исполняли пьесы, уже раньше показанные в Глобусе и имевшие успех у публики. Скорее всего, так было и на этот раз, хотя точные данные об этих спектаклях до нас не дошли. Таким образом, трагедия, вероятно, не могла быть сочинена позже осени 1606 г., т.е. как минимум за несколько месяцев до ее исполнения при дворе. Однако Шекспир мог написать ее и раньше. Но когда? Тут на помощь исследователям пришел анализ источников, на которые опирался драматург.

Так, в частности, доказано, что, сочиняя трагедию, Шекспир использовал текст брошюры некоего Сэмюэля Харснета «Разоблачение отъявленных па-

² Хэзлит У. Застольные беседы. М., 2010. С. 374.

³ Bradley A.C. Shakespearean Tragedy. L., 1963. P. 198.

⁴ Bloom H. Introduction // William Shakespeare: Tragedies. N.-Y., 2010. P. 2.

⁵ Muir R. Introduction // Shakespeare: King Lear. L.; N.-Y., 1975. P. XVIII.

пистских обманов» и перевод «Опытов» Мишеля Монтеня, сделанный Джоном Флорио. Обе эти книги вышли в свет в 1603 г.

Совершенно очевидно, что Шекспир опирался также и на текст появившейся в мае 1605 г. анонимной пьесы «Подлинная хроника об истории короля Леира и его трех дочерей, Гонориллы, Реганы и Корделлы, как она многократно исполнялась в недавнее время». «Недавнему» возобновлению пьесы, если оно, вообще, имело место, мог способствовать получивший широкую огласку судебный процесс над лордом Энсли (1603–1604), у которого, как и у Лира, тоже были три дочери. Одна из них, желая отсудить наследство, попробовала объявить лорда недееспособным по причине старческого слабоумия. Тогда другая его дочь по имени Корделла подала встречный иск в защиту отца и выиграла его. Некоторые ученые полагают, что, сочиня трагедию, Шекспир держал перед глазами издание этой анонимной пьесы⁶. Такое мнение спорно. Дело в том, что эта пьеса ставилась в Лондоне в театре Розы, где играла труппа Шекспира, еще в 90-е годы XVI в., и Шекспир, скорее всего, видел ее на сцене, а может быть, даже и сам играл в ней. Судя по всему, у него была отличная память. Но он мог также воспользоваться хранившейся в театре рукописью пьесы⁷.

Существуют и другие косвенные данные. В начале трагедии Глостер говорит о «недавних затмениях солнца и луны» (I,2). В апреле и сентябре 1605 г. произошло лунное затмение, а в октябре – солнечное. Многие исследователи видят в реплике Глостера ссылку на эти события⁸. Однако подобные явления природы имели место также и в 1603 г. Сами затмения были тогда очень популярной и даже модной темой для обсуждения в литературе, и не исключено, что Шекспир упомянул их вне контекста времени, но он мог также вставить эту реплику и позже перед исполнением трагедии в театре, чтобы придать пьесе злободневность.

Есть и ряд других фактов, тоже спорных, типа аллюзий на пьесу Бена Джонсона, Джорджа Чэпмена и Джона Марстона «На Восток», сыгранную в начале 1605 г. Кроме того, специалисты указали, что стиль «Короля Лира» ближе к «Отелло» и «Мере за меру», чем к написанному позже в 1606 г. «Макбету»⁹.

В целом же ученые сейчас считают, что драматург сочинил пьесу, или ее основную часть, во второй половине 1605 г., а если предположение о злободневности реплики Глостера все же верно, то, возможно, доработал ее позже для сцены¹⁰.

⁶ Foakes R.A. Hamlet versus Lear: Cultural Politics in Shakespeare's Art. Cambridge, 1993. P. 90.

⁷ Greg W.W. The Date of *King Lear* and Shakespeare's Use of Earlier Versions of the Story // The Library, Fourth series, 20 (1940). P. 377–99.

⁸ Аникст А.А. «Король Лир» // Шекспир У. Полн. собр. соч.: В 8 т. М., 1960. Т. 6. С. 661.

⁹ Muir K. Op. Cit. P. XXII.

¹⁰ Wells S. Introduction // Shakespeare W. King Lear. Oxford, 2000. P. 14.

Шекспир, как правило, не придумывал фабулы своих пьес, но использовал уже известные по другим произведениям сюжеты, меняя их по своему усмотрению. Так произошло и на этот раз. Материалов, на которые мог опереться драматург, сочиня трагедию, было не так уж мало.

История короля Лира и его трех дочерей своими корнями уходит в фольклор, где бытует сюжет об отце, который подверг дочерей испытанию, чтобы узнать, кто из них любит его больше других. Обычно две старших дают лицемерные ответы, которые радуют отца, а младшая разочаровывает его, говоря, что любит его как мясо и соль. Отец прогоняет ее, и она находит принца, который берет ее в жены. Отец вскоре понимает, что был не прав, и мирится с дочерью на брачном пиру, когда ему дают мясо без соли¹¹. Этой истории была также близка знакомая всем с детства сказка о Золушке и ее злых сестрах, некоторые варианты которой перекликаются с трагедией¹².

В кельтском языческом пантеоне богов Лир, или Леир (Leir), – имя морского божества. Легенда же о короле Лире и его дочерях, насколько известно, впервые была зафиксирована в написанной на латинском языке «Истории Британии» ученого монаха Джеффри Монмутского (ок. 1135). В этой книжечке-летописи автор поставил перед собой задачу рассказать об истории британских королей, начиная с мифического Брута, правнука Энея, героя «Энеиды», считавшегося прародителем британцев.

Согласно «Истории Британии», Лир был сыном короля Бладуда и легендарным основателем города Лестер (народная этимология, по которой Leicester восходит к Leir). Лир благополучно царствовал в течение 60 лет. Почувствовав, что начал стареть, он решил разделить свое царство, отдав его дочерям Гонорилле, Регане и Кордиле, а заодно и найти им подходящих мужей. Чтобы узнать, кому оставить большую часть земель, он устроил дочерям испытание, желая проверить, кто любит его больше всех. Старшие дочери лицемерно превозносили свои чувства к отцу, а Кордила сказала лишь: «Я всегда любила тебя как отца, и никогда не откажусь от этой любви». А затем, намекая на неискренность сестер, добавила: «Сколько у тебя есть, такова твоя цена, и настолько я люблю тебя». Тогда Лир, не поняв намека, лишил ее наследства и разделил царство между двумя старшими дочерьми, которых он выдал замуж за герцогов Корнуола и Олбани. Бесприданницу Кордилу взял в жены Аганип, король франков.

Спустя два года Гонорилла, у которой жил Лир, сократила его свиту вдвое с 60 до 30 человек. Тогда Лир отправился жить к Регане, которая, поссорившись с отцом, сократила его свиту до пяти человек. Лир решил вернуться к Гонорилле, но она оставила ему всего одного рыцаря. Разгневанный таким

¹¹ Young A.R. The Written and Oral sources of King Lear and the Problem of Justice in the Play // Studies in English Literature, 15 (1975). P. 309–313.

¹² Perrett W. The Story of King Lear Geoffrey of Monmouth to Shakespeare. Berlin, 1904. P. 9–13.

отношением, старый король поехал в Галлию к младшей дочери. Здесь он нашел полное сочувствие и достойный прием. Пытаясь восстановить справедливость, Аганип собрал армию, которая вторглась в Британию, чтобы вернуть Лиру его царство. Аганип победил, и Лир правил страной еще три года до самой смерти. Его наследницей стала овдовевшая Кордила. Спустя еще пять лет сыновья старших сестер, восстав против нее, свергли ее с престола и заключили в тюрьму, где она покончила жизнь самоубийством.

В эпоху Шекспира «История Британии» еще не была переведена на английский язык и была известна только по латинской рукописи. Разумеется, драматург мог прочесть ее в таком виде. Но он также мог познакомиться с ее содержанием с помощью других произведений, где ее обильно цитировали. Так, например, легенду о Лире пересказал Лайамон в поэме «Брут» (ок. 1200), а затем к ней обращались в хрониках Роберт Глостерский (ок. 1300), Роберт Мэннинг (1338), Роберт Фабиан (1516), Джон Растел (1530), Ричард Графтон (1568) и, наконец, Рафаэль Холиншед, на «Хроники» которого (1577) Шекспир опирался, сочиняя тетралогии о Генрихе VI и Генрихе IV. Версия Холиншеда довольно близка рассказу Джеффри Монмутского, и она также уделяет большое внимание опасности гражданских войн и раздела государства.

К судьбе Кордиллы (Корделлы) обратился и один из авторов популярного в XVI в. стихотворного сборника «Зерцало правителей» (первое издание – 1559 г.), куда вошли дидактические поэмы, написанные несколькими авторами в форме жалоб знаменитых персонажей английской истории, сетовавших на коварство Фортуны. В 1574 г. Джон Хиггинс добавил в очередное издание сборника еще две поэмы – жалобу попавшей в тюрьму Кордиллы перед ее самоубийством и жалобу ее племянника Моргана, убитого после смерти Кордиллы своим братом за плохое обращение с теткой. В предисловии к поэмам Хиггинс заявил, что знал рассказ Джеффри Монмутского и других авторов, но решил, сохранив основную канву сюжета, добавить в поэму кое-какие новые детали, подсказанные ему воображением¹³. Так Кордилла говорит здесь, что Лир задумал испытать дочерей, чтобы наградить большей частью наследства ту, кто любит его больше других. Она также сообщает, что в старости Лир начал впадать в детство, но что тем не менее он хотел поделить свое царство лишь после смерти, а сестры (а не их мужья) восстали против него и свергли с престола. В этой версии сюжета Кордилла выходит замуж уже за короля Франции (а не галлов) и одна без мужа вторгается с войсками в Британию. В конце поэмы, попав в тюрьму, она видит аллегорическую фигуру Отчаяния, которое дает ей принадлежавший Дидоне нож, толкая на смертный грех.

Легенда о короле Лире и его дочерях заинтересовала и крупнейшего поэта английского Возрождения Эдмунда Спенсера (1552?–1599). Герой

¹³ Bullough G. Narrative and Dramatic Sources of Shakespeare. L.; N.-Y., 1973. P. 275.

второй книги его незаконченной эпопеи «Королева фей» сэр Гайон читает «Хронику британских королей», частью которой и была эта легенда. Спенсер в основном следовал повествованию Джеффри Монмутского, добавив лишь несколько собственных деталей. Он первым назвал младшую дочь Лиры Корделией, предвосхитив Шекспира, и сказал, что она не закололась, а повесилась в тюрьме.

Сюжету о короле Лире уделил внимание и поэт второго ряда Уильям Уорнер, автор популярной хроники «История Альбиона» (Albion's England), первое издание которой вышло в 1584 г., а затем книга многократно дополнялась и переиздавалась. Согласно версии Уорнера, Гонерилья пыталась убить отца. Рассказ заканчивался восстановлением Лиры на престоле. О судьбе Корделии после смерти отца поэт не сказал ничего.

И, наконец, «Подлинная хроника короля Леира и его трех дочерей», произведение, которое больше всего связано с трагедией Шекспира. Эта анонимная пьеса, пользовавшаяся в начале 90-х годов XVI в. немалым успехом у зрителей, написана в жанре трагикомедии и, соответственно, имеет счастливый конец. Никто не гибнет. Злые дочери и их мужья бегут с поля боя, а Леиру возвращают его царство.

Пьеса не только близка «Королю Лиру» по сюжету и некоторым перипетиям действия, но имеет и ряд словесных параллелей с текстом Шекспира. Однако здесь, помимо счастливого конца, есть и другие важные различия, не говоря уже о том, что по художественному уровню обе пьесы, разумеется, совершенно несопоставимы.

Анонимный автор (или авторы) трагикомедии, написанной довольно гладким белым стихом, перемежающимся с рифмованными куплетами и прозой в комических сценах, весьма вольно обошелся с историческими деталями действия. Ничтоже сумняшеся, он превратил древних британцев и французов (галлов) в набожных христиан. Вообще, в отличие от трагедии, откровенная христианская дидактика – существенная составляющая пьесы. Леир, решив отказаться от власти, думает о спасении своей души. Лишенная наследства, Корделла вручает себя Творцу. Король Франции переодевается в паломника, а Корделла готова помочь ему в молитвах. Она по-христиански прощает отца и т.д. и т.п. Хотя пьеса и названа «Подлинной хроникой», анонимного автора мало занимал широкий исторический фон событий, междоусобицы и гражданская война. Он в основном сосредоточил внимание на семейной стороне сюжета, раскрасив его рядом комических сцен.

Главные характеры и мотивировки их действий также подчас сильно отличаются от шекспировских. Из весьма длинной экспозиции, которую Шекспир сократил почти полностью, мы узнаем, что Леир скорбит по недавно умершей жене и потому хочет расстаться с властью. Испытание сестер он решил провести, надеясь на заверения своей любимицы Корделлы, с тем чтобы заставить ее выйти замуж за избранного им жениха. Старшие сестры

завидуют необычайной красоте Корделлы, а коварный придворный Скалигер сообщает им о замысле Леира, чтобы они могли как можно лучше подготовиться к испытанию. Перил, благородный придворный, предвосхищающий шекспировского Кента, предупреждает Леира о неразумности затеянного им испытания, но король не слушает его. Когда же Корделла говорит, что любит отца как подобает дочери, Леир лишает ее наследства и прогоняет на улицу.

Переодетые простыми паломниками король Франции и его приближенный Мамфорд едут в Британию, чтобы увидеть дочерей Леира. Они встречают Корделлу, скорбящую о своей участи. Король, как и положено в елизаветинских комедиях, тут же влюбляется в нее, и молодые люди сразу идут под венец. Леир, разделив царство между старшими дочерьми отправляется жить к Гонорилле, которая урезает его содержание, а потом по совету Скалигера решает и вовсе сократить его. Леир, в отличие от шекспировского Лира, сразу же падает духом и в отчаянии едет к Регане. Но и она тоже не хочет иметь с ним дело и замышляет его убийство. Однако гонец, нанятый Реганой, чтобы лишить жизни Леира и верного ему Перила, неожиданного меняет свое решение. Беседа со стариками и гром, звучащий с неба, чудесным образом заставляют убийцу отказаться от замысла. Избежав гибели, Леир и Перил едут во Францию. Здесь они встречаются с Корделлой и ее мужем. Следует примирение и взаимное прощение, а король Франции решает собрать войско, чтобы вторгнуться в Британию и вернуть Леира на престол. Так все и происходит в счастливом финале пьесы.

Сочиняя вторую сюжетную линию Глостера и его сыновей, Шекспир отталкивался от знаменитого романа Филиппа Сидни (1554–1586) «Аркадия» (1590), опубликованного уже после смерти автора. В одной из глав романа юные принцы Мусидор и Пирокл, спрятавшись от бури в пещере (ср. шалаш Эдгара в «Короле Лире»), слышат жалобы слепого короля Пафлагонии, поводом которому служит его преданный сын Леонат. Король просит Леоната покинуть его и дать ему умереть, сбросившись со скалы. Вступив в разговор, принцы узнают историю короля. Оказывается, его коварно обманул незаконнорожденный сын Плекситр, который сначала оклеветал брата Леоната, заставив его бежать из страны, а затем отнял престол у отца, ослепил его и выкинул на улицу. Узнав об этом, Леонат вернулся в страну, чтобы помочь отцу. Затем следует битва между сторонниками короля и Леоната и приспешниками Плекситра, которую выигрывает Леонат. Старый король отдает ему корону, и тут же умирает, испытывая одновременно горе и радость, как бы предвосхищая смерть Глостера. В другой главе «Аркадии» Сидни рассказал о принце Планге, искусно оклеветанном мачехой и чуть было не кончившем жизнь на плахе. История этого обмана, возможно, помогла Шекспиру изобразить предательство Эдмунда, спровоцировавшее бегство ни в чем не повинного Эдгара.

Что же касается упомянутых выше книг Харснета и перевода «Опытов» Монтеня, то у Харснета Шекспир заимствовал имена бесов, якобы пресле-

дующих Тома из Бедлама, а в переводе Флорио – многие слова и обороты речи, впервые употребленные им в трагедии¹⁴.

Однако какими бы интересными и важными ни были источники, на которые опирался Шекспир, его трагедия – произведение совершенно оригинальное, где весь этот сложный и разнообразный материал самостоятельно переосмыслен порой до неузнаваемости. Из несколько сентиментальной, счастливо кончающейся семейной истории Леира и Корделлы Шекспир сделал грандиозную трагедию, придумав все центральные сцены с бурей в степи и сумасшествием Лира, выведя на сцену шута и заставив Лира и Корделию умереть в финале пьесы. Благодаря дублированию сюжетной линии Лира и его дочерей линией Глостера и его сыновей, широте действия, фоном которого служит вся природа, небывалому даже для Шекспира накалу страстей и своеобразному гиперболизму поэтической речи драматург придал пьесе некий вселенский, космический масштаб. По сути дела, все предыдущие обработки легенды о короле Лире стали для Шекспира лишь своеобразной рамкой, куда он вставил собственную трагическую поэму о судьбе главного героя. Как отмечают исследователи, философские, религиозные, социальные и политические вопросы, поднятые в «Короле Лире», настолько многообразны, что нужно скорее говорить о влияниях и контекстах, чем о конкретных источниках¹⁵.

Шекспировский текст дошел до нас в двух вариантах. Как уже было сказано, в 1608 г. читатели познакомились с «Правдивой хроникой об истории жизни и смерти короля Лира» – изданием, называемым *первое кварто*. На титульном листе в оригинале жанр пьесы обозначен именно как «правдивая хроника» (True Chronicle History), т.е. так же, как и в анонимной пьесе о короле Леире. Ученые пришли к выводу, что над печатанием текста работали два наборщика, один из которых, по всей видимости, был учеником, еще не вполне овладевшим профессией¹⁶. Скорее всего, рукопись, которой они пользовались, была местами неразборчивой. Отсюда множество ошибок и опечаток, а также путаница со стихами и прозой, когда стихи печатались как проза и наоборот.

В 1619 г. в свет вышло *второе кварто*, напечатанное в обход прав издателя первого кварто. Чтобы скрыть пиратский характер публикации на обложке книги значился 1608 год. Фактически второе кварто было переизданием первого, куда типографы внесли кое-какие изменения, исправив некоторые ошибки, но добавив ряд других.

¹⁴ Muir K. Op. cit. P. 235–239.

¹⁵ Foakes R.A. Introduction // Shakespeare W. King Lear. L., 2007. P. 93.

¹⁶ Blayney P.W.M. The Texts of 'King Lear' and their Origins. Cambridge, 1982. Vol. 1: Nicholas Okes and the First Quarto. P. 26–30.

И, наконец, в 1623 г. появилось первое собрание сочинений Шекспира в одном томе, так называемое *фолио*, где пьеса уже именовалась трагедией (The Tragedie of King Lear) и была помещена между «Гамлетом» и «Отелло». Опубликованный в фолио текст «Короля Лира» во многом отличался от кварто. Здесь отсутствовало 300 строк из кварто, но зато было добавлено 100 новых строк, многие слова или фразы были изменены (существует 850 различий отдельных слов), а некоторые реплики тех или иных персонажей были отданы другим действующим лицам.

Порой такие изменения могли затрагивать смысл происходящего на сцене. Приведем два широко известных примера. Во втором акте в версии кварто Лир восклицает:

Вот раб, что гордость взял легко взаймы
У ненадежной милости господской. –
Прочь с глаз моих холоп.

К о р н у о л

Что это значит?

Входит Гонерилья.

Г о н е р и л ь я

Кто ударил моего слугу? – Регана,
Надеюсь, что об этом ты не знала? –

Л и р

Но кто идет? О, небо!

А вот текст фолио:

Л и р

Вот раб, что гордость взял легко взаймы
У ненадежной милости господской. –
Прочь с глаз моих, холоп!

К о р н у о л

Что это значит?

Л и р

Кто моего слугу сковал? – Регана,
Надеюсь, что об этом ты не знала? –
Но кто идет?

Входит Гонерилья.

О небо!

Итак, если в кварто Гонерилья, упоминая обиженного слугу, говорит об Освальде, то в фолио эта реплика отдана Лиру, и он имеет в виду посаженного в колодки Кента.

Пожалуй, еще более важны различия двух версий в финале пьесы. Если в кварто мы читаем:

Л и р

А дурочку повесили мою...
Мертва. Мертва. Зачем собаке, крысе
Жить разрешается, а ей нельзя?
Зачем дышать ей не дали? Ушла ты
Навек. Навек. Навек. Навек. Навек.
Прошу вас расстегните воротник...
Спасибо. О, о, о, о.

Э д г а р

Он слабеет. Милорд, милорд!

Л и р

О, скорей разбейся, сердце!

Э д г а р

Откройте очи, государь!

К е н т

Не надо.
Дай кончиться ему. Не мучь его,
Не вздергивай опять на дыбу жизни.

Л и р умирает.

Э д г а р

Он кончился уже.

К е н т

То было чудо,
Что дух держался в теле до сих пор.

О л б а н и

Усопших унесите. Общий траур настал. (*Кенту и Эдгару.*) О други, с нами правьте краем. В беде на вас обоих уповаю.

К е н т

Мне надо в путь, Хозяин старый мой
Идти повелевает за собой.

О л б а н и

Нас давит горе. Скорбных слез ручей
Взамен степенных траурных речей.
Король наш принял муку. Так жестоко
Нам не страдать и не прожить нам столько.

В фолио текст звучит несколько иначе:

Л и р

А дурочку повесили мою...
Мертва. Мертва. Зачем собаке, крысе
Жить разрешается, а ей нельзя?
Зачем дышать ей не дали? Ушла ты
Навек. Навек. Навек. Навек. Навек.
Прошу вас расстегните воротник...
Спасибо. Поглядите, ее губы...
Глядите же, глядите...

Умирает.

Э д г а р

Государь, очнитесь!

К е н т

О, скорей разбейся, сердце!

Э д г а р

Откройте очи, государь!

К е н т

Не надо.
Дай кончиться ему. Не мучь его,
Не вздергивай на дыбе жизни.

Э д г а р

Он кончился уже.

К е н т

То было чудо,
Что дух держался в теле до сих пор.

О л б а н и

Усопших унесите. Общий траур
Настал.

(Кенту и Эдгару.)

О други, с нами правьте краем.
В беде на вас обоих уповаем.

Кент

Мне надо в путь. Хозяин старый мой
Идти повелевает за собой.

Эдгар

Нас давит горе. Скорбных слез ручей
Взамен степенных траурных речей.
Король наш принял муку. Так жестоко
Нам не страдать и не прожить нам столько.

Как видим, Лир вместо четыре раза повторенного «О» в кварто говорит в фолио «Глядите же, глядите», словно веря, будто Корделия жива. С этой надеждой он умирает в фолио. В кварто же он еще ненадолго приходит в себя, призывая свое сердце разбиться. Заключительную же реплику в фолио вместо Олбани произносит Эдгар. Все это, разумеется, несколько меняет детали происходящего в финале трагедии.

Текстологи на основе тщательного анализа выявили основные различия обеих версий. Суммировав работу, проделанную целой группой ученых, Стэнли Уэлс пишет по этому поводу следующее: «Сокращения в фолио, общим числом в 300 строк, включают в себя диалог, в котором шут завуалированно называет своего хозяина дураком (4, 136–151), – возможно, это результат цензуры “от имени” “самого большого дурака во всем христианском мире” (как часто называли Иакова I); сообщение Кента о вторжении французов в Англию (8, 27–33); “суд” безумного Лира над своими дочерьми (13, 13–53); монолог Эдгара в конце этой сцены, начинающийся словами “When we our betters see bearing our woes, / We scarcely think our miseries our foes”; краткий сочувственный диалог двух слуг Глостера после его ослепления (14, 97–106); часть протеста герцога Альбанского против жестокого обращения сестер с отцом в разговоре с Гонерильей (сц. 16); вся сцена, в которой придворный рассказывает Кенту о горе Корделии, узнавшей об участии отца (сц. 17); присутствие доктора и музыкальное сопровождение в сцене встречи Лира и Корделии (сц. 21) и рассказ Эдгара о его встрече с Кентом, где сказано, что у Кента “струны жизни, / начали лопаться” (24, 210–218)... В фолио добавлено около 100 строк, отсутствующих в кварто, в том числе заявление Кента о том, что у герцогов Альбанского и Корнуольского есть слуги, которые состоят на службе у Франции (III, 1, 13–20), пророчество Мерлина, произнесенное шутком в конце 2-й сцены III акта, и последние строки и шута, и Лира»¹⁷.

¹⁷ Уэлс С. Проблема авторских редакций и Шекспир // Шекспировские чтения. 1993. М., 1993. С. 18–19.

Эти различия, на наш взгляд, все же не меняют общего смысла трагедии Шекспира, но они вносят в текст обеих версий множество важных нюансов, которые как минимум требуют комментария. Их, наверное, нужно учитывать как интерпретаторам, так и постановщикам пьесы.

Когда поэт и драматург Наум Тейт (1652–1715) в 1681 г. взялся за адаптацию «Короля Лира» для театра эпохи Реставрации, убрав шута и превратив пьесу в трагикомедию со счастливым концом, где Корделия и Эдгар вступили в брак, он отдал предпочтение фолио, хотя учитывал и кварто. В этом искаженном виде «Король Лир» продержался на английской сцене до середины XIX в., вплоть до 1838 г. Что же касается публикаций текста трагедии, то в первом научном издании Шекспира (1709–1714) Николас Роу целиком опирался на фолио. Однако уже в 1723 г. знаменитый поэт Александр Поуп (1688–1744) во время подготовки книги сопоставил кварто и фолио, а затем отобрал казавшиеся ему подходящими места из обеих версий и совместил оба текста в своей редакции, создав своеобразный гибрид. Примеру Поупа в дальнейшем последовали все многочисленные издатели Шекспира вплоть до 80-х годов XX столетия, каждый из которых печатал свой вариант текста, казавшийся ему наилучшим. За всем этим стояла гипотеза о существовании некоего единого идеального «чистового» варианта текста, который не дошел до наших дней, но который каждый издатель в меру своих сил и вкуса пытался восстановить на основе двух сохранившихся «испорченных» версий.

Однако расхождения в текстах кварто и фолио все же сильно бросались в глаза. Чтобы как-то объяснить их, ученые выдвинули ряд гипотез. Некоторые исследователи полагали, что текст кварто был записан кем-то во время спектакля или, может быть, даже специально надиктован по памяти актерами, игравшими трагедию во время гастролей¹⁸. Другие думали, что все ошибки этой версии можно объяснить тем, что издатели пользовались черновиком текста, где многие места были неразборчивыми из-за большого количества исправлений¹⁹. Исследователи также решили, что фолио печаталось по кварто, которое типографы сверяли с суфлерским экземпляром текста²⁰. Соответственно, читателям был предложен сценический вариант пьесы. Возможно, так оно и было. Однако текст кварто также явно игрался в театре²¹. Какой же из них тогда более «подлинный»?

В начале 80-х годов прошлого столетия шекспироведы выдвинули идею о том, что кварто и фолио представляют собой различные тексты, а единого идеального «чистовика» вообще не было в природе²². Таким образом, мы

¹⁸ См.: Shakespeare's «King Lear»: A Critical Edition / ed. by G. I. Duthie. Oxford, 1949.

¹⁹ Greg W.W. The Shakespeare First Folio. Oxford, 1955.

²⁰ Ibid. P. 386.

²¹ Аникст А.А. Указ. соч. С. 660.

²² См. специально посвященный этому вопросу сборник статей: The Division of the Kingdom: Shakespeare's Two Versions of «King Lear». Oxford, 1983.

имеем перед собой два варианта трагедии, которые отражают различные этапы работы автора (или редактора) над текстом и учитывают особенности постановки пьесы и возможность возобновления спектакля позже при других условиях. Подтвердить или опровергнуть эту гипотезу, какой бы разумной она ни казалась автору этих строк, за неимением точных данных нельзя. Однако вряд ли можно согласиться с критиками, которые увидели в фолио в сравнении с кварто совершенно новую трагедию, написанную со смелостью, чувством и силой²³. При всех различиях текста кварто и фолио «Король Лир» все-таки остался единой пьесой, поскольку эти отличия не затронули ни замысла драматурга в целом, ни сюжета трагедии, ни развития действия²⁴.

В фолио «Король Лир» абсолютно верно назван трагедией. Вместе с «Гамлетом» он, действительно, является наивысшим достижением Шекспира в этом жанре. Однако и первое сохранившееся в кварто название – хроника – тоже имеет свой смысл. Ни одна другая трагедия Шекспира не была настолько масштабной, можно даже сказать грандиозной, и мало где широкий исторический фон и гражданская война играли такую важную роль.

Как подметили критики²⁵, спектр действующих лиц пьесы охватывает все общество от короля до жалкого и бесправного нищего, а действие переносит зрителей из монарших покоев в бескрайнюю степь, где только и есть крошечный шалаш Бедного Тома из Бедлама. Эмоции героев простираются от неуправляемого гнева до трогательной нежности. Трагедия рисует боль и страдание незащитного человека, звериную жестокость людей по отношению друг к другу, но «Король Лир» дает нам и примеры бескорыстной преданности, доброты и самопожертвования. Пьеса наделена чертами эпопеи, пасторали и моралите, а язык и образность трагедии вписывают действие в космический контекст. Недаром же один из лучших шекспироведов прошлого века Мейнард Мак сравнил «Короля Лира» с мифом, сказав, что Шекспир отказался от правдоподобия, чтобы открыть истину²⁶. Как известно, именно за отсутствие правдоподобия «Короля Лира» жестко критиковал Толстой, прочитавший трагедию с позиции психологического романа XIX в. Но истина поэзии, и особенно шекспировской поэзии, может быть символической и выше точности фактов, какими бы убедительными факты ни казались, а законы елизаветинской поэтической драмы чужды законам реалистической прозы.

Мифический аспект действия возникает в трагедии буквально сразу, прежде всего, благодаря грандиозной фигуре главного героя короля Лира. Харолд Блум даже сравнил его с Яхве (Иеговой), наделенным антропомор-

²³ *Urkowitz S.* Shakespeare's Revision of «King Lear». Princeton, 1980. P. 147.

²⁴ *Foakes R.A.* Introduction. P. 119.

²⁵ *Foakes R. A.* Ibid. P. 1.

²⁶ *Mack M.* «King Lear» in our Time. Berkley; Los Angeles, 1965. P. 97.

фическими чертами грозным библейским Богом-ревнителем из Пятикнижия. Американский исследователь считает, что неожиданные приступы ярости Лира напоминают пугающий гнев Яхве и что, как и ветхозаветный Бог, он несоизмерим с читателем. Для Блума Лир – в той же мере падший бог, как и падший король²⁷.

Нам такое сравнение кажется немного чрезмерным. Но характер Лира, бесспорно, обладает грандиозностью и величием эпического объема. Герой живет в архаическом мире глубокой старины, где-то в 8-м или даже 9-м веках до Рождества Христова²⁸ и является персонажем из легенды. О титаническом облике старого короля свидетельствуют не только его поступки и взрывы чувств, но и сама его речь, наделенная необычайной даже для Шекспира выразительной силой и выделяющая его на фоне других персонажей. Чего, например, стоит хотя бы ответ безумного короля Глостеру, который попросил поцеловать его руку: «Сначала вытру: пахнет мертвечиной» (it smells of mortality) (IV, 6). Эту титаническую сторону характера зрители Лира ощущают на протяжении всей пьесы.

Но Лир – также еще и монарх, считавшийся в ту эпоху в Англии Божиим помазанником на земле. Так, во всяком случае, думал король Иаков I, который говорил Парламенту: «Королей справедливо называют богами, ибо они осуществляют на земле некое подобие Божественной власти»²⁹. Шекспир все время напоминает нам о монаршем достоинстве героя – это было важно еще и потому, что трагедия ставилась при дворе в присутствии Иакова. Отказавшись от власти, Лир все равно остается королем. Недаром же и сам он даже в момент безумия говорит о себе: «Король, король – от головы до ног!» (IV, 6).

И, наконец, Лир – человек, прикованный к «огненному колесу» (IV, 7) выпавших на его долю пыток жизни, человек, растущий и меняющийся в горниле бед.

Мы уже сравнивали короля Лира с библейским Иовом³⁰, и для такого сопоставления у них, несомненно, были все основания. На первый поверхностный взгляд, может даже показаться, что Шекспир, хорошо знавший «Книгу Иова» (он неоднократно цитирует ее в своих пьесах), использовал эту ветхозаветную книгу как один из источников трагедии. Это не совсем так, хотя влияние «Книги Иова», а подчас и спор с ней постоянно ощущаются в пьесе.

Оба героя и Лир, и Иов – титанические фигуры, жившие в далеком прошлом.

²⁷ Bloom H. Op. cit. P. 312.

²⁸ Согласно Р. Холиншеду, около 800 года до н.э.

²⁹ Цит. по: Foakes R.A. Introduction. P. 14.

³⁰ См., например: Горбунов А.Н. Шекспировская теодицея («Книга Иова» и «Король Лир») // Горбунов А.Н. Шекспировские контексты. М., 2006. С. 11–29. Некоторые положения этой работы использованы в данной статье.

Время действия «Книги Иова» обычно относят к временам библейских патриархов Авраама, Исаака и Иакова, а ее место, «земля Уц», как считают толкователи, скорее всего, – Эдом, местность, находящаяся к юго-востоку от Мертвого моря на границе с Аравийской пустыней. По всей видимости, там и родилась легенда об Иове, который не является евреем по национальности, но принадлежит к семитическому племени эдумеев. Как верно заметил С.С. Аверинцев, Иов настолько близок по крови и местожительству к иудейско-израильской среде, чтобы верить вместе со своими друзьями в Единого Бога откровения; и он настолько далек от этой среды, чтобы являть нужный для философской притчи тип человека «вообще». Иов верит в Того же Бога и стоит перед теми же проблемами, что и любой иудей, но он не иудей, и поэтому его устами можно было свободнее спрашивать об этом Боге, чем устами иудейского персонажа.³¹ Анонимный автор книги, взяв за основу написанную прозой легенду о благочестивом и долготерпеливом Иове, сохранившем стойкость и силу духа в тяжких испытаниях, вставил внутрь нее большую философскую поэму (40 глав), которая изменила суть легенды и сделала из героя бунтаря, дерзнувшего вступить в спор с Самим Богом.

По наблюдению видного философа и библеиста Матрина Бубера, за горькими вопросами, с которыми Иов обращается к Богу от своего лица, за уникальным своеобразием личности героя угадывается опыт многих людей. В жалобе Иова: «Предал меня Бог беззаконнику, и в руки нечестивых бросил меня» (16:11)³², – ученый услышал крик боли целого народа, взятого в плен и изгнанного с родины³³. Бубер был уверен, что «Книга Иова» была написана вскоре после разрушения Иерусалима и начала вавилонского плена. Именно тогда вопрос, почему Бог допустил эту катастрофу, мог задать каждый верующий. Таким образом, личное в книге неразрывно связано с коллективным, и Иов при всей своей неповторимой индивидуальности обретает титанический облик всякого страждущего и бунтующего человека. А то, что действие книги отодвинуто в легендарное прошлое, помогает придать ей вселенский масштаб и сделать вопросы Иова не только сиюминутными, но также вечными, звучащими современно и сегодня.

Время действия «Короля Лира» – тоже легендарно-мифическое. Эта «седая старина» очень важна для драматурга. События пьесы разворачиваются в Англии, но это еще собственно не Англия, а древняя Британия, населенная кельтами-язычниками. Лир же, клянущийся «тайнами Гекаты и ночи», – сын волхва Балдуда. Боги, к которым взывают герои и, прежде всего, сам старый король, в основном олицетворяют силы природы. Дальше более или менее примитивного магизма и анимизма, по крайней мере внешне, никто не идет.

³¹ Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973. С.717.

³² «Книга Иова» цитируется по синодальному переводу.

³³ *Buber M. A God Who Hides His Face // The Dimensions of Job. N.-Y., 1969. P. 57.* В библеистике есть и другие гипотезы по поводу датировки книги.

И если в начале Лир верит в заступничество таких богов, то постепенно, по мере жизненных испытаний он начинает терять даже такую веру. А Эдмунд с самого начала вообще не имеет никакой веры. Этот архаический пласт сюжета постоянно присутствует в трагедии, персонажи которой, обращаясь к богам, как будто бы не знают ничего о загробной жизни и воздаянии и далеки от христианских ценностей.

Но пьеса, в которой много библейских аллюзий, писалась в расчете на христианскую аудиторию, которая была тогда весьма чутка к таким аллюзиям. Очевидно, языческий фон играл здесь примерно ту же роль, что и эдумейское происхождение Иова. Язычество героев, живших задолго до Рождества Христова, дало возможность Шекспиру более свободно задавать вопросы о Боге христианского откровения, об установленном Им миропорядке, о Его вмешательстве в историю, а возможно даже, как решили критики XX столетия, и о самом Его существовании. По сути дела, Лир – такой же страждущий и бунтующий герой, как и Иов. И он тоже являет собой образ человека «вообще».

Наконец, в шекспировскую трагедию, как и в библейскую книгу, также вторгается опыт недавнего прошлого, который драматург осмыслил с позиции вечных ценностей. Только у Шекспира это, разумеется, не историко-политическая катастрофа изгнания с родины и плена на чужбине, а катастрофа идеологическая, связанная с крушением привычных мифопоэтических идеалов Возрождения, которая породила новое, по словам Гамлета, «вывихнутое» время.

Возникновению кризисных настроений рубежа XVI–XVII веков способствовал целый ряд обстоятельств духовной и интеллектуальной жизни того периода. Важную роль здесь сыграло религиозное брожение умов и постепенное усиление кальвинистских симпатий в обществе. Англикане, католики и пуритане яростно отстаивали идею своего Бога как единственно правильную и исключаящую все другие, и это часто ставило в тупик обычных верующих, не являвшихся профессиональными богословами. Но не менее важны были и открытия Коперника, который разрушил веками жившее птолемеевское геоцентрическое представление о вселенной, и ставший популярным к концу XVI века скептицизм Монтеня, и односторонне понятое политическое учение Макиавелли, воспринимаемое как популярная энциклопедия цинизма и авантюризма. Свою роль сыграли также и размышления Фрэнсиса Бэкона, окончательно отделившего экспериментальную науку от богословия, и открытия Уильяма Гарвея, объяснившего законы кровообращения и заложившего основы современной физиологии. Все это поставило под сомнение привычные ценности, на самом деле, как бы «вывихнув» время.

Конечно, эта духовно-интеллектуальная катастрофа не разрушила столько жизней, сколько вавилонский плен. Она совершалась, прежде всего, в умах людей. Но Шекспир осмыслил ее с не меньшим трагизмом, чем библейский

автор, поставив те же вопросы о природе зла и причине человеческих страданий.

Знаменательным образом совпадает и важнейший сюжетный ход обоих произведений. Пережив страшные несчастья, потеряв имущество и детей, заболев проказой, Иов покидает общество людей и поселяется в пустыне, куда вслед за ним приходят его друзья, стремящиеся утешить страдальца. И Лир тоже, отказавшись от власти, разделив королевство и поссорившись с дочерьми, уходит в степь, где «кругом на много миль нет ни куста» (III,4) и куда вслед за ним отправляются верные ему Кент и шут. Там, в пустыне и поросшей вереском степи, происходит внутреннее перерождение обоих героев.

Однако при всем сходстве Лир и Иов все же сильно отличаются друг от друга, и эти различия тоже бросаются в глаза.

Иов – образец праведности; он «непорочен, справедлив и богобоязнен» (1:1). Он ничего не знает о договоре Бога с Сатаной, которые решили испытать его. Оказавшись лицом к лицу с невыносимыми страданиями, Иов не может постигнуть их причины, не может понять, за что всемогущий и справедливый Бог послал их. Ведь герой не знает за собой никакой вины. Все его, казалось бы, твердые религиозные убеждения, все его знания и накопленная с их помощью мудрость опровергнуты опытом безысходной боли. Отсюда его бунт и дерзкий вызов Богу.

Совсем иное дело король Лир. У него есть безусловная трагическая вина, и ни о какой праведности здесь нет и речи. В начале действия Лир полон гордыни, капризен, деспотичен, неудержимо вспыльчив и – главное – слеп к окружающему его миру и близким к нему людям. За это ему в дальнейшем предстоит расплатиться по полной мере ценой жестоких страданий и, в конечном счете, самой жизни.

К. Спэрджон в знаменитом исследовании образов Шекспира пришла к выводу, что главными метафорами в трагедии являются слова, обозначающие физическое страдание. Она показала, что мы постоянно встречаем в тексте образы болезненных ракурсов человеческого тела – «растянутого, вывихнутого, избитого, пронзенного, ужаленного, подвергнутого бичеванию, искромсанного, израненного, измученного и, наконец, сломанного на дыбе»³⁴. Это, безусловно, так. В раздираемом враждой, беспросветно жестоком, стоящем на грани полного краха мире трагедии страдания, душевные и физические, играют очень большую роль.

Однако, на наш взгляд, не менее важными для понимания замысла драматурга являются также мотивы знания и заблуждения и близкие им образы зрения и слепоты, которые Шекспир все время обыгрывает по мере развития действия пьесы.

³⁴ *Spurgeon C. Shakespeare's Imagery and What It Tells Us. N.-Y., 1935. P. 338–339.*

Появляющийся в первой сцене король Лир исполнен наивной веры в самого себя и в окружающий мир, хотя на самом деле он не понимает ни мира, ни себя. Недаром же практически мыслящая, циничная Регана говорит об отце: «Да он и всегда плохо знал себя» (I,1). Фигурально говоря, Лир слеп, и в своей душевной слепоте он сразу же совершает несколько трагических ошибок.

Прежде всего, весь его замысел разделить королевство был изначально порочен, так как сеял семена вражды и грядущих междоусобиц среди его наследников. Это, кстати говоря, прекрасно знал посетивший представление трагедии Иаков I, который в 1603 г. дал такой совет сыну: «Если Бог соблаговолит дать тебе эти три королевства (Англию, Шотландию и Ирландию. – А.Г.), сделай своего старшего сына *Исааком*, завещав ему все три королевства, а другим оставь частные владения. Иначе, разделив королевства, ты посеешь семя вражды и разногласий среди собственных детей»³⁵. Первые зрители пьесы, наверняка, сразу же понимали суть этой трагической ошибки старого короля.

Однако Лир заблуждается не только как монарх. Он слеп и как отец, рвущий кровные связи. Само придуманное им испытание узнать, кто больше любит его, и тем «щедрее наградить», крайне унижительно для его дочерей. Любовь нельзя измерить подобным способом. В результате старшие дочери вынуждены лицемерить в корыстных целях, а младшая с жесткой откровенностью говорит ему правду:

Я люблю вас,
Как долг велит, – не больше и не меньше.
(I,1)

Но именно эту правду Лир, ослепленный лестью старших дочерей, не хочет видеть и принять. Лишив наследства Корделию, он прогоняет ее, а вслед за ней и верного ему Кента, осмелившегося возразить королю.

Знаменательно, что изгоняя Кента, Лир говорит ему:

Прочь с глаз моих!

На что Кент отвечает:

Смотри яснее, Лир!
Дай мне твоим остаться верным оком.
(I,1)

Эта важнейшая антитеза зрения и слепоты переплетается в трагедии с другим не менее важным лейтмотивом. В этой же первой сцене Кент, пытаясь предотвратить катастрофу, восклицает:

Кент будет дерзким, если безумен Лир.

³⁵ Foakes R. A. Introduction. P. 15.

Так в трагедию входит мотив безумия как противоположности мудрости, который Шекспир будет также обыгрывать на протяжении всей пьесы.

Обе трагические ошибки старого короля, согласно представлениям эпохи, тесно связаны друг с другом. Разделив королевство и сложив с себя обязанности монарха, Лир нарушил из века установленный иерархический порядок Великой Цепи Бытия, допустив, чтобы младшие по иерархии управляли старшим. «Ты из своих дочерей сделал свою матушку – тем, что дал им в руки розгу и спустил свои штаны» (I, 4), – говорит ему шут. Смещение гармонии лишь в одном звене Великой Цепи Бытия – государственной иерархии – неминуемо влечет за собой разлад и в других звеньях, что и происходит в древней Британии Лира, где начиная с изгнания Корделии и Кента быстро рушатся семейные и общественные связи (пьеса кончается гражданской войной) и бунтуют даже сами силы природы. Буря в степи с ее неистовым ураганом, потоками ледяного дождя, готовыми затопить землю, и разящим громом, способным расплющить земной шар, придает хаосу, захлестнувшему британское королевство, вселенский масштаб.

События в трагедии развиваются стремительно. Уже очень скоро, после первой же ссоры с Гонерильей, старый король поставит под сомнение весь свой былой опыт и накопленные с годами представления. Он и сам не узнает себя, не доверяя больше ни своему зрению, ни своему рассудку:

Кто знает здесь меня? Нет, я не Лир!
 Да разве Лир так говорит? Так ходит?
 Но где его глаза? Иль ослабел
 Его рассудок? В летаргии ум?
 Как! Я не сплю? Кто скажет мне, кто я?
 (I, 4)

Когда старшие дочери решают лишить отца свиты рыцарей, а Регана говорит, что ему «не нужно» и одного рыцаря, Лир отвечает:

Как знать, что нужно нам? Самый жалкий нищий
 В своей нужде излишком обладает.
 Дай ты природе только то, что нужно,
 И человек сравняется с животным.
 Вот ты знатна. К чему твои наряды?
 Природе нужно лишь тепло прикрыться.
 Тебя не греет пышность. Что нам нужно?
 (II, 4)

Вопрос Лира, отталкиваясь от конкретной ситуации, обретает обобщающий смысл. Речь идет о знании сущности человека, его места в обществе, о его достоинстве. Властный и избалованный властью король Лир первой сцены, которого, как он сам потом скажет, «ласкали как собачку», уверяя, что

он «сильнее всех», такой вопрос задать бы не смог. Здесь опять характерный для всей поэтики пьесы парадокс. Лишаясь придворной «пышности», падая вниз с самой высоты власти на дно общества, герой в то же время в своем душевном развитии движется вверх к обретению истинной мудрости и истинного зрения.

Это зрение и эту мудрость Лир начинает обретать, оказавшись во время бури в безлюдной степи, когда надвигающееся безумие уже угрожает его рассудку.

Буря есть и в «Книге Иова». Но в шекспировской трагедии она имеет совсем иной смысл. В библейской книге буря – традиционный для Ветхого Завета атрибут епифании, таинственного и страшного для человека Богоявления. Это те же самые «громы и молнии, и густое облако над горою» (Исх 19, 16), которые сопровождали явление Бога Моисею на горе Синай. У Шекспира же в духе ренессансной эстетики гроза в степи как бы проецирует во вселенную, в макрокосм, душевную бурю – острый разлад в микрокосме, в сознании героя.

«Король Лир» взорвал многие привычные представления, в том числе и о пасторали. Точнее, пасторальная традиция здесь как бы вывернута наизнанку, что даже дало повод критикам назвать трагедию антипасторалью³⁶. По ходу действия герои пьесы несколько раз попадают на лоно природы. Но эти «пасторальные оазисы» настолько не похожи на все знакомое прежде (в том числе и у Шекспира – вспомним хотя бы Арденский лес его «счастливых» комедий, где злые персонажи с легкостью перерождались), что мы далеко не сразу и лишь с оговорками соотносим их с традицией. Ведь Лира, отвергнутого Реганой и Гонерильей, ждет не встреча с благодатной и животворящей природой, но буря в степи, где слышен только «ветра зловещий вой» (III, 1):

В такую ночь не выйдет за добычей
Медведица с иссохшими сосцами,
Лев, тощий волк сухого места ищут.

(III, 1)

Какой уж тут пасторальный оазис! Граница между пасторальным и непасторальным пространством как будто стерта. И тем не менее бегство короля Лиры в степь все же выполняет традиционную для пасторали функцию, помогая герою найти себя. Пасторальная условность, хотя и вывернутая наизнанку, продолжает «работать» в самых что ни на есть экстремальных условиях.

Только теперь на фоне взывавших стихий старому королю начинают открываться его ошибки, и он понимает, что мог быть неправ:

Я – человек, перед которым грешны
Другие больше, чем он грешен.

(III, 2)

³⁶ Mack M. Op. cit. P. 63–64.

Понимает он и свою чисто человеческую слабость. Обращаясь к олицетворяемым им стихиям, Лир восклицает:

...бушуйте ж
 В потехе грозной. Вот я здесь, ваш раб,
 Старик несчастный, презренный и слабый!
 Но вы, угодливые слуги, в помощь
 Злым дочерям вы всей небесной мощью
 Обрушились на голову – такую
 Седую, старую! О, стыдно, стыдно!

(III, 2)

«Родясь, мы плачем, что должны играть в театре глупом» (IV, 6), – скажет Лир позже. Собственно говоря, престарелый король, в ком «природа достигла до предела своих границ» (II, 4), только теперь, проходя жестокие испытания, «с плачем» рождается как человек. Во время бури в степи в некогда капризном деспоте просыпается жалость и сострадание к ближним, и в молитве он кается, что, находясь у власти, он не заботился о бедных и гонимых судьбой:

Несчастные, нагие бедняки,
 Гонимые безжалостною бурей, –
 В дырявом рубище, как вам бороться
 С такою непогодой? О, как мало
 Об этом думал я!

(III, 4)

И сразу вслед за этим знаменитым монологом-молитвой на сцене в обнаженном виде появляется Эдгар, принявший облик Бедного Тома из Бедлама. Он-то и становится живым воплощением «нагих бедняков», о которых герой только что молился и к которым он теперь сам приравнивает себя, срывая с себя одежды. Слова Лира о бедном Томе цитирует почти каждый исследователь, но мало кто обращает внимание на возникающую тут библейскую аллюзию. По сути дела, Лир как бы обыгрывает вопрос псалмопевца: «Что есть человек, что Ты помнишь его?» (Пс 8, 5). Лир говорит: «Человек – не больше, чем вот это! Посмотрите на него хорошенько. Ничем никому не обязан: ни шелком – червю, ни мехом – зверю, ни шерстью – овце, ни духами – мускусной кошке! Так! Мы все трое поддельные, а ты-то, что есть. Человек без прикрас – только бедное, нагое, двуногое животное, как ты. Прочь, прочь все чужое! Расстегивайте скорей!» (III, 4).

Казалось бы ответ на вопрос псалмопевца малоутешительный – только бедное, нагое, двуногое животное. Но это своем не вся правда. Ведь Лир видит в этом «бедном нагом двуногом животном» родственного себе ближнего и даже своего рода символ трагической ситуации человека. Вдумаемся в контекст сцены. Для Лира Бедный Том – не только «человек без прикрас», но и

благородный философ, с которым он хочет поговорить о смысле вещей. Лир называет Тома «мудрым фиванцем» и «добрым афиняном», что вызывает ассоциации с киниками, проповедавшими пренебрежение к культуре и возврат к первобытному состоянию. Однако у первых зрителей трагедии, слушавших речи Тома, скорее рождались другие ассоциации – с «нищими духом» из Евангелия или, быть может, с юродивыми. Как бы там ни было, Бедный Том, с которым Лир не хочет расстаться, очевидно, воплощает для него (еще один парадокс) сочетание слабости и силы, свойственное человеческой природе. Слабости пред лицом разыгравшей стихии и животного начала, бестиальности, господствующей в человеческих отношениях в пьесе, но и силы духа, способной подняться над этой слабостью и победить ее. Раздевание же короля, срывающего с себя «все чужое», символизирует его окончательный отказ от всяких иллюзий, от ложной мудрости, по законам которой он жил.

«С плачем» заново рождается и старый граф Глостер во второй сюжетной линии трагедии. Ловко обманутый Эдмундом, своим младшим сыном, он прогнал верного ему старшего сына Эдгара, а затем за спасение жизни бездомного короля лишился зрения. И это произошло теперь уже не в переносном, но в прямом смысле слова. Корнуол с садистской жестокостью вырвал Глостеру глаза и выбросил на улицу, чтобы тот, как сказала Регана, «чутьем» нашел дорогу в Дувр.

Только теперь и тоже в степи, на этот раз около Дувра Глостер наконец понял, как плохо знал людей и как заблуждался в отношении своих сыновей. В своей знаменитой, так часто цитируемой критиками реплике, он как бы обыгрывает слова пророка Исайи: «Потому-то и далек от нас суд, и правосудие не достигает до нас; ждем света, и вот тьма, – озарения, и ходим во мраке. Осязаем, как слепые стену, и, как без глаз, ходим ощупью; спотыкаемся в полдень, как в сумерки, между живыми – как мертвые» (Ис 59, 9–10). Но то, о чем пророк говорил в фигуральном смысле, в реальности ослепший Глостер понял буквально:

Мне нет дороги и не надо глаз.
Я спотыкался зрячим.

(IV, 1)

Его переполняет запоздалое раскаяние:

В жизни часто
Бывает так, что наши недостатки
Полезны нам. – О милый сын Эдгар,
Ты ярости отца безумной жертва!
Дожить бы, чтоб тебя я мог коснуться, –
Я б снова будто зрячим стал!

(IV, 1)

Сломленному страшной бедой, потерявшему веру в высшую справедливость Глостеру кажется, что жестокие боги лишь издеваются над мертвыми ради своей забавы. Размышляя над этим, он перефразирует знаменитое изречение скептика Монтеня: «Боги обращаются с нами, людьми, как с теннисными шарами, швыряя из стороны в сторону»³⁷. В представлении же Глостера

Мы для богов – что мухи для мальчишек:
Им наша смерть – забава.

(IV, 1)

Однако скрытая ирония всей ситуации состоит в том, что сразу, словно бы в ответ на только что высказанную Глостером просьбу-молитву «коснуться» любимого сына, рядом с ним оказался переодетый Эдгар, который до поры до времени скрывает от отца, кто он, продолжая играть роль Бедного Тома.

Начавший перерождаться Глостер дает ему деньги. Как и Лир, благодаря несчастьям он тоже стал думать о других:

Вот кошелек; возьми его, бедняк,
Убитый небом, и мое несчастье
Даст счастье тебе. – Пошли, о небо,
Чтобы богач, погрязший в наслажденьях,
Что презрел твой закон, не хочет видеть,
Пока не чувствует всю власть твою, –
Почувствовал бы наконец; тогда
Излишки б устранила справедливость,
И каждый был бы сыт.

(IV, 1)

Именно таким богачом, беззаботным, погрязшим в наслажденьях и мало заботившимся о чувствах других, Глостер и был раньше. Стоит вспомнить хотя бы, как он рекомендовал Эдмунда Кенту в первой сцене пьесы: «Хотя этот плут явился на свет немного дерзко и прежде, чем за ним послали, но мать его была прекрасна. Изготовили мы его с большим удовольствием, и я обязан признать этого шельмеца сыном» (I, 1), и это он заявил в присутствии самого Эдмунда.

А потом уже близь Дувра Глостер отдает Бедному Тому последнее – кошелек с ценным камнем.

Все мысли потерявшего надежду Глостера теперь только о самоубийстве. Он хочет броситься с утеса вниз и разбиться, забыв о муках жизни. И лишь

³⁷ *Shakespeare W. King Lear / Ed. by K. Muir. P. 140.*

после трюка с мнимым падением, который с ним сыграл Эдгар, желая избавить его от отчаяния, он смирился и решил быть стойким до конца:

Отныне буду горе
Сносить, пока оно само не крикнет:
«Довольно! Умираю!»

(IV, 6).

Теперь его удел – стоическая терпеливость и смирение.

Взамен физического зрения к лишившемуся глаз Глостеру пришло зрение душевное, и это напоминает перемены, происходившие с королем Лиром. Но Глостер – не король, и его история – сугубо частная, лишенная вселенского масштаба и даже трагического измерения. В финале благородный Эдгар в поединке победит коварного Эдмунда и станет правителем Британии, а сам Глостер, узнав наконец любимого старшего сына, умрет с улыбкой, не вынеся борьбы «меж радостью и горем» (V, 5). Однако совмещение этих двух линий сюжета, их наложение друг на друга придало пьесе неповторимый трагедийный резонанс, что особенно ярко видно при встрече безумного короля, который не выдержал постигших его испытаний и сошел с ума, утратив свет разума, и реально живущего во тьме слепого Глостера, сцене, которую многие считают самой сильной в этой пьесе Шекспира.

И здесь параллель с историей Иова вновь выступает на передний план, поскольку тут, как и в библейской книге, не менее выразительно звучит одна и та же тема, которую в философской литературе именуют теодицеей. Это учение, которое стремится объяснить происхождение зла и оправдать Божественный миропорядок, в котором это зло существует. В чем причина человеческих страданий и почему жестокие беды преследуют не только грешных, но и невинных людей, или, выражаясь словами Ивана Карамазова, стоит ли слезинка ребеночка всего мира познания? Как совместить факт кажущегося всемогущим зла со всемогуществом Всеблагого Бога?

Попав в критическую ситуацию, не поняв причины обрушившихся на него бед, Иов с дерзостью восклицает: «Невинен я, не хочу знать души моей, презираю жизнь мою. Все одно; поэтому я сказал, что Он (т.е. Бог. – А.Г.) губит и непорочного и виновного. Если этого Он поражает бичом вдруг, то пытке невинных посмеивается. Земля отдана в руки нечестивых; лица судей ее Он закрывает. Если не Он, то кто же?» (Иов 9, 21–24). Ослепленному болью Иову кажется, что Бог отвернулся от мира, и там воцарились хаос и зло. Сам же потерявший над собой власть герой предстает перед читателями в этой сцене как титанический бунтарь, наподобие Прометея, который отважился обвинить Бога во всех бедах.

Не выдержав напряжения трагического аффекта и сойдя с ума, Лир все же не забыл о так тяжело доставшемся ему новом видении мира. В безумии (и тут снова парадокс) старый король не расстался со столь поздно обретен-

ной мудростью. Недаром же Эдгар говорит о как будто бы бессвязных и лишенных логик репликах короля:

О, смесь бессмыслицы со здравым смыслом!
В безумье – разум.

(IV, 6)

Сам же Лир, назвав Глостера Гонерильей с седой бородой, вспоминает:

Они меня ласкали, как собачку, и уверяли, что у меня седая борода, когда у меня и бороды-то не было. «Да», «нет» говорили на всё, чтобы ни сказал! «Да» и «нет» в одно и то же время – это не по-дружески. Вот когда меня промочило дождем да продуло ветром так, что зуб на зуб не попадал, и гром не смолкал по моему приказу, тогда я понял их, узнал цену их словам. Да, слово у них расходится с делом. Они говорили мне, что я сильнее всех; это ложь: лихорадка оказалась сильнее меня.

(IV, 6)

В тот момент, когда Лиру окончательно открылась эта так долго скрытая от него правда, слепой Глостер узнал его по голосу:

Я этот голос знаю хорошо.
Ужель король?

И Лир ответил ему:

Король – от головы до ног!

(IV, 6)

Не потеряв монаршего достоинства, Лир только теперь стал человеком в полном смысле этого слова. И не просто человеком, но, подобно Иову, еще и образцом всякого страдающего человека, пытающегося понять причины своих мучений.

Лир, как и Иов, не находит ответа на свои вопросы. Ему тоже кажется, что зло подчинило себе вселенную и власть тьмы всемогуща. «Земля отдана в руки нечестивых: лица судей ее Он закрывает» (9, 24), – жаловался Иов. И словно вторя ему, безумный Лир восклицает:

– Видишь, как судья издевается над мелким простым воришкой. Дай-ка я тебе скажу на ухо: пусть поменяются местами; раз, два, три – где теперь судья, где вор?

(IV, 6)

А затем Лир спрашивает Глостера:

– Видел ты, как дворовый пес лает на нищего?

– Да, государь.

– И как бедняк убегает от него? Вот тебе настоящий образ власти: собака исполняет служебные обязанности, и надо повиноваться ей.

(IV, 6)

В воображении шекспировского героя зло, захлестнувшее мир, приняло чисто животный, бестиальный образ, а секс отождествился с насилием. Правда и добро изгнаны, всякая мораль попрана, и в Британском королевстве люди, отвергнув духовное начало своей природы, сравнялись со зверями и подчинились силам тьмы. Пример тому одержимые похотью женщины:

Смелей! Плодитесь! Мне нужны солдаты!
Смотри на эту чопорную леди,
Чей вид пророчит лед у ней внутри;
Чиста притворно, головой качает,
Едва услышав слово «наслажденье»,
Но в сладострастье не жадней ее
Хорек иль молодая кобылица.
Да, ниже пояса – они кентавры,
Хоть женщины вверху!
До пояса они – богов наследье,
А ниже – дьяволу принадлежат;
Там ад, там мрак, там серный дух, там бездна,
Жар, пламя, боль, зловонье, разрушенье.

(IV, 6)

Однако все же пути анонимного библейского автора и Шекспира вовсе не тождественны, и параллели между двумя произведениями порой превращаются в контрасты. Собственно говоря, прямого и ясного ответа на вопрос о причинах зла и страдания невинных людей и о соотношении этого зла и страданий с благодатью Бога нет ни в «Книге Иова», ни у Шекспира, как его нет и у Достоевского в «Братьях Карамазовых». Такой прямой и ясный, а потому часто схоластический ответ пытается дать философия. Знаменательно, что и само слово теодицея восходит к сочинению Лейбница «Опыт теодицеи, о благодати Бога, свободе человека и происхождении зла» (1710). Художественная же литература обычно дает ответ косвенный, но оттого не менее значимый, а иногда и более глубокий, чем философия.

После начала бури в пустыне Иов наконец слышит голос Бога. Поразительным образом речи Бога полностью игнорируют обвинения Иова и не упоминают никаких грехов героя. Кажется, что Бог вообще не слышал Иова и его страстных обвинений. Вместо того чтобы ответить герою, Бог Сам задает ему вопросы: «Где был ты, когда Я полагал основания земли, скажи, если знаешь? Кто положил меру ей, если знаешь?» (Иов 28, 4). Эти вопросы должны заставить Иова почувствовать, что человек, как тварное существо с его ограниченным кругозором, не может судить Творца. В двух полных высокой поэзии речах Бог показывает, что Он создал мир изначально и теперь поддерживает в нем Свой Божественный порядок, без чего все вернулось бы в состояние хаоса. Исполненный красотой и радостью жизни, наделенный невыразимой гармонией мир в то же время проникнут такой тайной, разга-

дать которую людская мудрость не может. Но то, что нельзя объять разумом, можно принять через веру и любовь. Поняв все это, Иов смиренно кается: «Я говорил о том, чего не разумел, о делах чудных для меня, которых я не знал... Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле» (Иов 42, 3, 5–6).

Соответственно, отношения Бога и человека – главная тема «Книги Иова». В свете возникших в конце новых отношений между Богом и героем автор книги как бы отодвинул проблему теодицеи на второй план, дав понять, что ее решение с позиций рационального философского знания неприемлемо.

По верному наблюдению французского библеиста Людовика Буйе, в «Книге Иова», которая «в самой Библии стоит совершенно особняком, невозможно искать какой-либо объяснительной теории, потому именно, что ее цель отстранить все такие теории. Здесь последнее слово Премудрости выражается в признании тайны, двойной тайны мира и Бога, тайны, которая мучительна, пока мы смотрим на мир, но она же и утешает, просвещая сердца, коль скоро Бог Сам лично открывается нам и к нам нисходит»³⁸.

Король Лир не слышит голос Творца, он может лишь смотреть на мир с его мучительной тайной, а Божественное откровение ему как язычнику недоступно. Но и он полностью меняется, обретая новые отношения, если не с Богом, то с миром. В своем негодовании и даже ярости против грубого произвола, царящего в мире, шекспировский герой неожиданно восклицает:

Виновных нет! Никто не виноват!
Я оправдаю всех.

(IV, 6)

Как показали комментаторы, эта фраза восходит к отрывку из Монтеня в переводе Флорио: «Я считаю, что никто не должен обвинять другого, если он сам знает за собой вину. И потому никто не может выступать с обвинениями»³⁹. Сам же этот отрывок совершенно очевидно основан на евангельском рассказе о женщине, взятой в прелюбодеянии, которую никто не посмел осудить после слов Иисуса Христа: «Кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (Ин 8,7).

Итак, несмотря на разную вину власть имущих и бесправных, грехом поражена вся человеческая природа, и потому все грешны и все должны быть оправданы. Так мог думать, хотя пока еще и безумный, но уже возродившийся к новой жизни и готовый к встрече с Корделией герой.

³⁸ Буйе Л. О Библии и Евангелии. Брюссель, 1965. С. 112.

³⁹ Shakespeare W. King Lear / Ed. by K. Muir. P. 169.

Придя же в себя и узнав Корделию, Лир смиренно стал перед ней на колени и с сокрушением сердца попросил прощения:

Должна со мною ты иметь терпенье.
Прошу: забудь, прости, я стар и глуп.
(IV, 7)

Былая ярость и страстное желание отомстить, лишь недавно выразившее себя криками «бей, бей, бей, бей, бей!», теперь напрочь забыты. Попав в плен и отправляясь в тюрьму вместе с Корделией, Лир говорит дочери:

Корделия, подобным жертвам боги
Возносят фимиам. Мы вместе!
(V, 3)

Перерождение героя совершилось полностью. Страдания научили некогда гордого и своевольного деспота смирению, а обретенная с их помощью мудрость помогла ему понять смысл любви. Испытание, которое Лир устроил дочерям в первой сцене, чтобы узнать, кто любит его больше всех, только теперь принесло свои неожиданные для старого короля плоды.

Вплоть до последнего акта действие трагедии в известной мере напоминает моралите, рассказывающее о духовном странствии человека – Лира и Глостера, героев двух сюжетных линий, обретавших новое зрение и новое понимание жизни. По меткому наблюдению Нортропа Фрая, все остальные персонажи в этом раскладе как бы подобны фигурам на шахматной доске и четко делятся на черных и белых, плохих и хороших⁴⁰. Старшие дочери, Эдмунд и Корнуол – черные, а верный и преданный Кент, не покинувший короля в его несчастиях, Корделия, Эдгар и к концу действия Олбани, раскусивший сущности своей жены, – белые.

Это, конечно же, не значит, что они целиком схематичны и лишены объема и сложности. Они по-шекспировски многогранны и выпуклы, и их порой, особенно в начале действия, можно даже понять, хотя им трудно сочувствовать, особенно в тексте фолио, где сокращен ряд их реплик и основное внимание уделено деспотическому нраву короля. Так Гонерилья и Регана вполне справедливо раздражены поведением отца, устроившего им унижительный допрос; они, возможно также, не без основания опасаются свиты его рыцарей, которые могут угрожать их безопасности. Но всего этого недостаточно, чтобы замыслить убийство старого короля. И их дальнейшему поведению уже нет никаких оправданий – звериное начало их натуры теперь полностью побеждает.

В начале действия Эдмунд как незаконнорожденный и ущемленный в правах сын Глостера даже может вызвать некоторую симпатию, но со-

⁴⁰ Frye N. King Lear // Bloom's Shakespeare Through Ages: King Lear. P. 291.

всем ненадолго, пока он сам не раскроет своей сущности в знаменитом монологе:

Природа, ты мой бог. Твоим законам
 Подвластен я. К чему мне подчиняться
 Проклятию привычки, позволять
 Обычаю так унижать меня
 За то, что я родился позже брата
 На год иль два? Что значит незаконный?
 И почему я низок, если так же
 Я силен телом, благороден духом
 И так же строен, как любой, рожденный
 Супругою почтенной? Почему
 Клеймят нас кличкой: «незаконный», «низкий»?
 Мы – «незаконные»! Мы – «низки, низки»!
 Но нам в отрадном грабеже природы
 Дается больше сил и пылкой мощи,
 Чем на докучной, заспанной постели .
 Потратится на полчище глупцов,
 Зачатых в полусне! – Эдгар законный,
 Я должен земли получить твои;
 Отцу не меньше дорог незаконный,
 Чем ты, законный. Как звучит: «законный»!
 Ну, мой законный брат, удайся только
 Мне выдумка с нисьмом, – Эдмунд презренный
 Законным станет.

(I, 2)

В этом монологе сказано все. Мы понимаем накопившееся недовольство Эдмунда своим «презренным» положением, хотя, впрочем, даже если бы он и был законным сыном Глостера, то как младший по рождению он все равно не получил бы земли старшего брата. Но мы сразу же чувствуем и неукротимую энергию Эдмунда, готового свернуть горы ради своих целей; ощущаем и безусловную привлекательность персонажа, наделенного силой тела и стройностью, обаяние, перед которым не смогут устоять обе старшие дочери Лира, и видим его полную беспринципность.

Но главное здесь – это его философия. Объявляя природу своим богом, Эдмунд имеет в виду вовсе не узы природного родства, которые столь важны для Лира и Корделии, но свои сугубо личные, чувственные аппетиты, в конечном счете, свой эгоизм, который он возводит в абсолют. Для достижения собственных корыстных целей этому, быть может, самому яркому шекспировскому герою-макиавеллисту все средства хороши, и он ничем и никогда не станет брезговать. Ведь недаром же в конце этой сцены он говорит:

Пусть не рождение – ум мне даст наследство:
 Для этой цели хороши все средства.

Умный, находчивый и отважный Эдмунд – откровенный атеист, один из первых в литературе нового времени. Он смеется над астрологическими суевериями отца:

«Как только счастье от нас отворачивается, нередко по нашей же вине, мы обвиняем в своих бедах солнце, луну и звезды, как будто мы становимся злодеями – по неизбежности, глупцами – по небесному велению, плутами, ворами и мошенниками – от воздействия небесных сфер, пьяницами, лгунами и прелюбодеями – под влиянием небесных светил, и вообще как будто всем, что в нас есть гнусного, мы обязаны божественному произволению».

(I, 2)

А раз бог для него – всего лишь чувственная природа в самом низком смысле этого слова, то легко объяснимы и его демонический эгоизм, и уверенность, что все дозволено. Здесь Эдмунд опередил и мольеровского Дон Жуана, и Смердякова.

В последнем акте перед поединком с братом Эдмунд в тексте кварто ведет себя гораздо более уверенно и смело, чем в фолио, где он вроде бы начинает понимать, что счастье отвернулось от него. В отличие от другого шекспировского коварного макиавеллиста Яго, твердо хранящего молчание до самого конца, Эдмунд перед смертью все же пытается сделать добро «вопреки своей природе» – остановить казнь Корделии, но все тщетно, и он умирает, оставшись по-прежнему верным своим убеждениям. Просто Колесо Фортуны, как он сам говорит, вознеся его на время вверх, теперь сбросило вниз:

Круг колесо свершило: я повержен.

(V, 3)

Эдгар, старший брат Эдмунда, – один из самых многогранных и сложных характеров пьесы. О важности его образа говорит уже титульная страница в кварто, где его история упомянута специально – «Правдивая хроника об истории жизни и смерти короля Лира и его трех дочерей. Вместе с несчастной жизнью Эдгара, сына и наследника графа Глостера, принявшего мрачное обличье Тома из Бедлама». Знаменательно, что здесь назван не Глостер, номинально второй протагонист трагедии, но Эдгар, роли которого автор, очевидно, придавал особое значение.

По ходу действия Эдгар постоянно меняет обличия. В своем истинном виде как старший сын Глостера он появляется лишь в самом начале и конце трагедии. В других же сценах он все время надевает маски, превращаясь из наивного «глупо честного», по выражению Эдмунда, юноши сначала в Бедного Тома из Бедлама, символизирующего «человека без прикрас», и своим притворным сумасшествием предвосхищающим реальное безумие Лира, затем в крестьянина, позже в таинственного благородного рыцаря, чье имя «изглодано изменой», и, наконец, уже вновь в собственной обличии в правителя Британии. По мере всех этих превращений он растет и мужает, становясь

достойным монаршего венца. Эдгар явно на стороне добра, за которое он активно борется, сохраняя мужество и присутствие духа. И он способен бескорыстно сострадать и по-настоящему любить ближних. Неудивительно, что известный режиссер и критик Грэнвилл-Баркер даже увидел в нем христианского героя в языческом мире⁴¹.

Однако некоторые размышления постоянно резонирующего Эдгара по поводу страданий все же выглядят поверхностными и опровергаются контекстом действия. Вот одна из таких сентенций Эдгара, казалось бы, смирившегося с долей Бедного Тома:

Все ж лучше знать, что презирают нас,
 Чем жить в презренье, скрытом лестью. В горе
 Бедняк последний, удрученный роком,
 Хранит надежду и не знает страха:
 Страшна ведь только в лучшем перемена,
 А в худшем – что в ней? Так привет тебе,
 Бесплотный ветер, что вдыхаю я:
 Несчастному, кого ты сдул на дно,
 Уже не страшен ураган. – Но кто там?
 (IV, 1)

Он тут же видит слепого отца, которого ведет старик, и забывает о своей отрешенности от постигших его несчастий – перед ним новая страшная беда:

Кто может про себя сказать, о боги:
 «Мне хуже быть не может»? – Вот
 Мне стало хуже.

А умирающему Эдмунду он говорит об отце:

Боги справедливы:
 Они из грешных радостей порока
 Для нас орудья пытки создают,
 За темное рождение твое
 Глаза отец твой отдал.
 (V, 3)

Но это вовсе не справедливость, а жесткое возмездие без всякого милосердия. На самом деле, правда сложнее и порой страшнее, чем в таких случаях кажется Эдгару.

В фолио, в отличие от кварто, часть реплик Эдгара сокращена и несколько изменено само его поведение. В фолио он под конец обретает уверенность

⁴¹ *Granville-Barker H. Prefaces to Shakespeare. Princeton, 1946. V. 2. P. 61.*

в себе и, приняв бразды правления, произносит заключительный монолог. В кварто, как мы видели, этот монолог достается Олбани, а Эдгар как бы отходит в тень. Но в обеих версиях будущее Британии после смерти Лира кажется зыбким и ненадежным.

По сравнению с другими главными действующими лицами, Корделия очень редко присутствует на сцене, но каждое ее появление крайне значительно.

В начале действия Корделия решительно и даже немного дерзко ведет себя во время испытания, не желая подыгрывать, ни отцу, ни сестрам. (Более дерзко в фолио, чем в кварто.) Она прямо говорит, что любит отца настолько, насколько велит ей дочерний долг, и не больше:

Государь,
Вы дали жизнь мне, вы меня питали,
Меня любили; я за всё, как должно,
Вам повинуюсь, вас люблю и чту.
Зачем же сестры выходили замуж,
Коль говорят, что любят только вас?
Ведь если выйду замуж я, – супругу
Отдам я часть любви, забот и долга;
Наверно, замуж не пойду, как сестры,
Чтоб только вас любить.

(I, 1)

Сказав правду и тем шокирующе нарушив придворный ритуал, Корделия проявила недюжинную силу духа и твердость. Некоторые критики даже упрекнули ее в ненужной гордости. Но если это так, то она поступила по-королевски как истинная дочь своего отца. А затем она надолго исчезает со сцены и появляется вновь уже во главе французского войска, вернувшись на родину, чтобы помочь отцу. И тут мы видим уже совсем другую Корделию. Отныне всеми ее действиями руководит любовь, хотя ей не изменяет и сила духа:

О, мой дорогой отец,
Из-за тебя на это все пошла я.
Супруг мой добрый
Моим слезам, моим молениям внял,
Не честолюбье в бой ведет кровавый –
Любовь, любовь, отца и старца право.

(IV, 4)

Лир, проснувшись под тихую музыку в шатре во французском лагере (так в кварто – в фолио музыки нет) и увидев дочь, принял ее за доброго духа, обитающего где-то вне пределов того жестокого мира, где он дотеле жил:

Зачем меня из гроба вынимают?
 Ты – светлая, блаженная душа.
 Я ж к огненному колесу прикован,
 И на него мои стекают слезы
 Расплавленным свинцом.

(IV, 7)

Это не случайно. Корделия, являясь реальной земной женщиной, сочетающей силу характера и нежность, имеет в трагедии еще и некую символическую функцию. Она как бы олицетворяет принцип бескорыстной любви и всепрощения в мире, затопленном звериной жестокостью. Об этом говорит уже само ее имя, в котором первая часть *Кор* восходит к латинскому слову, означающему *сердце* (*cor*), а вторая *делия* служит анаграммой *идеала* (*delia=ideal*). Дворянин из ее свиты сравнивает слезы, которые она пролила, узнав о судьбе выброшенного в бурю на улицу отца, со святой водой (IV 3). (Эти строки опущены в фолио, где более акцентировано воинственное начало характера героини.) А самому отцу, просящему у нее прощенья, она великодушно говорит, что у нее нет никаких причин не любить его и быть в обиде. На некоторых критиков эта символическая функция героини произвела такое впечатление, что они даже увидели в последнем сценическом явлении уже мертвой Корделии, труп которой Лир несет на своих руках, образ «светской Пьеты» или Девы Марии, склонившейся над снятым с креста Сыном⁴².

Среди всех главных действующих лиц трагедии шут стоит особняком. Он неожиданно появляется в четвертой сцене первого акта, а затем столь же неожиданно исчезает в третьем, чтобы уже больше не вернуться. Во время финальной трагедии Лира его нет на подмостках.

Тот факт, что Корделия и шут никогда не встречаются на сцене, заставил некоторых исследователей прийти к мысли о том, что, возможно, на премьере спектакля обе эти роли играл один и тот же актер-мальчик⁴³. Это предположение как будто бы объясняло немного загадочные предсмертные слова короля «И моего бедного шута повесили!» (*And my poor fool is hanged!*) (V, 3). Однако другие комментаторы возразили, заметив, что выражение *шут* (*fool*) было в ту эпоху ласковым обращением и потому могло относиться и к Корделии⁴⁴. Не исключено, однако, что слабеющий разум короля объединил в предсмертное мгновение оба эти персонажа, столь близкие ему при жизни. Шута же на премьере, скорее всего, играл взрослый актер Роберт Армин, штатный комик шекспировской труппы⁴⁵.

⁴² Mack M. Op. cit. P.116. См. также: Foakes R.A. Introduction. P. 35.

⁴³ Booth S. King Lear, Macbeth, Indefinition and Tragedy. New Haven, 1983. P. 32–33.

⁴⁴ Shakespeare W. King Lear / Ed. by K. Muir. P. 205.

⁴⁵ Foakes R.A. Introduction. P. 50–51.

Тем не менее у Корделии и шута есть одно общее свойство – стремление говорить правду. Но то, что согласно придворному этикету было недопустимо со стороны дочери, Лир спокойно сносит от шута, считавшегося юрочивым и потому не отвечающим за свои слова. Своею глупостью шут был призван лишь забавлять господина, не воспринимавшего его шутки серьезно. Но глупость шута в трагедии – вполне в традиции Эразма Роттердамского; она граничит с мудростью и неотделима от нее. Своими колкими репликами шут открывает Лиру истины, которых он поначалу не видит:

«Я хотел бы быть кем угодно, только не шутом! Но все-таки, дяденька, я не хотел бы быть на твоём месте. Ты свой ум разделил на две половинки и роздал их, а себе ничего не оставил.

(I, 4)

Шут, безусловно, любит Лира и потому, не покинув его, следует за ним в открытую степь во время бури, но вместе с тем его едкое остроумие, каким бы целебным оно ни было, приближает безумие короля. Глупость шута – весьма горькое лекарство для его господина, что более заметно в тексте фолио. Но любовь шута всё же сильнее его остроумия, которое всецело подчинено этому чувству.

Во время бури внимание Лира в основном переключится на Бедного Тома из Бедлама, хотя продрогший до костей шут и продолжит свои речи. А потом шут таинственно исчезает из трагедии, рассказав в фолио о пророчестве Мерлина. (Этих строк нет в кварто.) Во время свидания безумного короля и слепого Глостера шут уже не нужен. Сам Лир как бы играет его роль по отношению к слепцу. Лир же вспомнит о своем преданном слуге лишь перед собственной смертью. И тогда в своих последних немного бессвязных репликах, сочетающих безумие с мудростью, он сам вновь уподобится своему шуту.

Странное поведение шута и его внезапное исчезновение поставило в тупик критиков эпохи Реставрации, и Наум Тейт в своей переделке отказался от этой роли. Но без шута пьеса утратила важную поэтическую перспективу и стала гораздо более плоской и предсказуемой. Убрать шута было все равно, что убрать Мальволио из «Двенадцатой ночи» или Горацио из «Гамлета»; характер главного героя, безусловно, сильно пострадал от такой редактурь, утратив в этой переделке часть своего величия. Шут же вновь занял свое законное место на подмостках только в XIX в., причем поначалу его играли женщины.

Для первых зрителей трагедии не было никакого сомнения в том, что смирение, сочувствие к ближним и любовь, которые в «пытке жизни» открыл для себя Лир, – христианские ценности. Иное дело, какое место эти ценности занимают в языческом, захлестнутом злом и насилием мире трагедии, где равным образом страдают «непорочные и виновные» и гибнет олицетворяю-

шая любовь и милосердие Корделия. Не празднует ли зло, принявшее космические размеры, в финале трагедии свою полную победу? В отчаянии Лир кричит над телом Корделии:

Нет, нет жизни!
 Зачем живут собаки, лошадь, крыса –
 В тебе дыханья нет? Ты не вернешься!
 (V, 3)

Пьеса, как будто бы развивавшаяся дотопе по законам моралите, решительно взрывает эти законы в последнем действии, по крайней мере в главной сюжетной линии. Если зло совершенно явно наказано (Колесо Фортуны сбросило Гонерилью, Регану и Эдмунда вниз), то со смертью Лира и Корделии торжество добра кажется как минимум неполным. «Уж не конец ли мира?» – спрашивает Олбани, увидев короля, несущего на руках мертвую Корделию. «Его прообраз», – отвечает ему Эдгар (V, 3). Им обоим кажется в тот момент, что приблизился конец света с его неисчислимыми бедствиями, призванными уничтожить жизнь.

Финал трагедии поставил в тупик не одно поколение ее толкователей. Еще Сэмюэл Джонсон в свое время жаловался, что не мог заставить себя перечитать конец пьесы. Ему казалось, что смерть Корделии «противоречит естественным законам справедливости, надеждам читателя и, что еще более странно, сюжету хроник»⁴⁶.

В XX в. мнения критиков, пытавшихся объяснить трагический финал «Короля Лира», полярно разошлись. Одна группа исследователей предложила христианское прочтение пьесы. Ученые, принадлежащие к этому лагерю, сочли, что именно так ее должны были воспринимать английские зрители начала XVII в. Для этих интерпретаторов гибель Корделии, воплощавшей идеал активной всепрощающей любви, представляла собой искупительную жертву за страшное зло, в котором погрязло королевство Лира. Только такая жертва и могла вновь восстановить гармонию и справедливость. Самому же Лиру, по мнению таких толкователей, было ниспослано последнее утешение – он умер, очистившись страданием и веря, что приложенное к устам Корделии перо шевелится и она жива. Возникшая еще в XIX в. и обоснованная в книге Э.С. Брэдли «Шекспировская трагедия»⁴⁷ подобная «искупительная» точка зрения, на самом деле, вовсе не была данью пресловутому викторианскому оптимизму, как полагали ее противники. Ее можно найти в той или иной форме и в работах многих видных шекспироведов более позднего времени, хотя их лагерь в последние годы значительно поредел⁴⁸.

⁴⁶ Johnson S. Op. cit. P. 94.

⁴⁷ Bradley A.C. Op. cit. P. 272.

⁴⁸ Подробнее об этом на русском языке см.: Аникст А.А. Шекспир – философ и мыслитель // Уильям Шекспир: Библиографический указатель. М., 1989. С. 6–51.

Сейчас более популярно сугубо пессимистическое прочтение пьесы. Его сторонники отрицают наличие Благого Провидения в трагедии, считая, что христианские идеалы любви и добра терпят в жестоком мире и безличном мире «Короля Лира» полное и безоговорочное поражение, а финал пьесы исполнен апокалиптического мрака.

Автору данных строк кажется, что обе эти крайние позиции грешат излишним максимализмом. Скептицизм Шекспира в период создания великих трагедий трудно отрицать, но не стоит и абсолютизировать его, утверждая, что для автора «Гамлета» и «Лира» якобы не было никаких абсолютных ценностей⁴⁹. Ведь и Монтень, чей скептицизм оказал, как полагают ученые, определенное влияние на драматурга, при всей своей веротерпимости вовсе не был ни атеистом, ни даже агностиком, но оставался католиком, который осуждал Лютера за его реформы. Шекспир – все же писатель начала XVII в., а не рубежа XX–XXI вв., и бытие в ту переломную эпоху могло представляться ему зыбким, может быть даже весьма зыбким, но, конечно же, не абсурдным. Шекспир-абсурдист выдуман жившим в тоталитарной Польше Яном Котом⁵⁰ и другими критиками периода холодной войны.

Нам представляется, что финал «Короля Лира» продолжает и развивает тему теодицеи, поставленную в трагедии. В чем же цена страданий героя, если воплощение всего лучшего, что ему наконец открылось и ради чего стоило жить, гибнет? Быть может, Глостер был все-таки прав, сказав:

Мы для богов – что мухи для мальчишек.
Им наша смерть – забава?

Как и библейский автор «Книги Иова», Шекспир не дает прямого ответа на такие вопросы, и объяснительные теории не для него. Очевидно, однако, что опыт личного Богообщения, примиривший Иова с несовершенством мира, Лиру недоступен. Ведь он живет в языческой стране задолго до Рождества Христова и ничего не знает о библейском откровении Единого Бога. Решение теодицеи, которым впоследствии воспользовался Достоевский в «Братьях Карамазовых», также не срабатывает в трагедии Шекспира. Как известно, на вопросы Ивана Карамазова Достоевский постарался ответить в художественной форме, противопоставив Ивану Алешу и старца Зосиму. В «Короле Лире», помимо олицетворяющей любовь Корделии, есть как будто бы и еще один «христианин до христианства» – Эдгар, который, по сути дела, исповедует популярные в эпоху Ренессанса идеалы христианского стоицизма. Такой сюжетный ход был хорошо понятен елизаветинской публике, прекрасно знавшей изречение Тертуллиана о том, что душа по природе христианка, и так или иначе соотносившей трагедию с христианскими ценностями. То,

⁴⁹ Bradshaw G. Shakespeare's Skepticism. Brighton, 1987. P. 37.

⁵⁰ Kott J. Shakespeare our Contemporary. N.-Y., 1964.

что Эдгар не только остается в живых в конце действия, но и становится правителем Британии, – весьма значимо. И все же Эдгар – не Алеша Карамазов и не старец Зосима, и ему нечего сказать в страшный момент трагической иронии, когда как бы в ответ на слова Олбани о Корделии: «Храни ее, о небо», следует ремарка: «Входит Лир с мертвой Корделией на руках» (V, 3).

Чтобы понять Шекспира, спросим, что было бы, если бы Корделия и Лир остались живы. Ответ наглядно дает переделка шекспировской трагедии Наумом Тейтом, который в финале поженит Корделию и Эдгара. В такой редакции пьеса превратилась в заурядную трагикомедию со счастливым концом, лишившись трагического размаха, который выделяет «Короля Лира» даже на фоне других великих трагедий Шекспира. Иными словами, пьеса с самого начала была задумана автором как трагедия, в которой согласно законам жанра просто не может быть хорошего конца, и герои должны погибнуть.

Что же касается сугубой мрачности финала, о чем столько раз писали критики прошлого, то и она тоже, очевидно, часть замысла драматурга. Вселенский масштаб действия, титанический облик героя, своеобразие поэтической образности создавали у зрителей на протяжении всей пьесы ощущение, что они стали свидетелями не столько столкновения отдельных людей, сколько решительной схватки добра и зла, которая раздирает близящийся к концу мир.

Апокалиптические настроения были весьма популярны в Англии в начале XVII в., что подтверждает творчество Джона Донна и других младших современников Шекспира. В поэме «Анатомия мира: первая годовщина» (1611) Донн так оценил ситуацию, возникшую тогда благодаря «новой философии», которая пошатнула веками существовавшие привычные представления о мире, породив кризис умов рубежа XVI–XVII вв.:

Все новые философы в сомненье,
Эфир отвергли – нет воспламененья,
Исчезло солнце, и земля пропала,
А как найти их – знания не стало.
Все признают, что мир наш на исходе,
Коль ищут меж планет, в небесном своде,
Познаний новых... Но едва свершится
Открытие – мир на атомы крушится.
Все из частиц, а целого не стало,
Лукавство меж людьми возоблаго,
Распались связи, преданы забвенью
Отец и сын, власть и повиновение.
И каждый думает: «Я – феникс-птица»,
От всех других, желая отвратиться...

(Перевод Д. Щедровицкого)

Подобные настроения отчетливо видны и в «Короле Лире». Вот, например, что говорит Глостер в самом начале трагедии:

«Эти недавние затмения, солнечное и лунное, не предвещают нам ничего доброго. Хотя исследователи природы и объясняют их разными способами, всё же природа тяжко страдает от их последствий: любовь охладевает, дружба гибнет, братья восстают друг на друга, в городах, в деревнях – раздоры, во дворцах – измены, и узы расторгаются между детьми и родителями. На моем негодном сыне исполняется предсказание: сын восстанет на отца; король нарушает законы природы; отец восстает на своего ребенка. Хорошие времена прошли; всякие махинации, лукавство, измена, губительные несогласия будут нас теперь терзать до самой могилы».

(I, 2)

И хотя циничный Эдмунд смеется над доморощенной астрологией отца, тот распад природных связей, о котором говорит Глостер, в трагедии на лицо.

Первые зрители прекрасно понимали, что употребляя слово «предсказание», Глостер имел в виду эсхатологические пророчества о последних сроках, содержащиеся во всех четырех Евангелиях и «Откровении Иоанна Богослова». Комментаторы, в частности, увидели здесь прямую ссылку на рассказ Иисуса Христа о признаках конца мира из «Евангелия от Марка»: «Ибо восстанет народ на народ и царство на царство; и будут землетрясения по местам, и будут глады и смятения ... Предаст же брат брата на смерть, и отец – детей; и восстанут дети на родителей и умертвят их» (Мк 13, 8,12).

Подобные события как раз и происходят в трагедии Шекспира, где разгорается гражданская война и происходит вторжение французов, а дети восстают на родителей. Недаром же Эдгар назвал финальную катастрофу пьесы «прообразом» конца мира. Может даже показаться, что звуки трубы, зовущей Эдмунда на поединок, напоминают трубный глас из «Откровения Иоанна Богослова». И тут в силу вступает другая библейская традиция. Согласно учению апокалиптиков Ветхого Завета, нынешний век целиком находится под властью темных сил и обречен на гибель, и потому остается только ждать его конца. Новый же век наступит в результате взрыва истории, благодаря непосредственному вмешательству Бога, которое будет сопровождаться вселенской катастрофой. Герои «Короля Лира», как кажется, живут в таком апокалиптическом времени, но еще до взрыва истории, когда силы добра терпят поражение, хотя и не сдаются. В подобной ситуации просто не может быть светлого финала, развязка сюжета обязана быть мрачной.

Как и в «Книге Иова», отношения человека и высшего начала – важнейшая тема «Короля Лира». Хотя действие трагедии, как было сказано, разворачивается в архаической древности и ее персонажи клянутся языческими богами, трагедия написана для елизаветинских зрителей, воспитанных в христианской

традиции. Им было совершенно ясно, что судьбой героев управляют не языческие боги и не Колесо Фортуны. Первые зрители прекрасно понимали, что над этим Колесом есть некое высшее начало, Бог, чьи нравственные законы герой постигает, проходя «пытку жизни». Недаром же столь многие исследователи сравнивали испытания Лира с муками Чистилища.

Сопоставление и обыгрывание языческих и христианских ценностей помогло Шекспиру полнее и глубже раскрыть философско-религиозный смысл пьесы, вписав его в контекст мысли своей эпохи. По словам виднейшего шекспироведа прошлого столетия Кеннета Мура, Шекспир обратился к дохристианскому миру и воссоздал те самые религиозные и нравственные ценности, которые были поставлены под сомнение «новой философией» позднеренессансного скептицизма⁵¹.

Но эта «новая философия» в значительной мере определила и отличное от средневекового понимание Бога, который действует за сценой трагедии. Речь идет о возникшей во второй половине XVI века и связанной, с одной стороны, со скептицизмом Монтеня, а с другой, – с кальвинистами и их учением о жестком Божественном предопределении и спасении лишь избранного «остатка» идеи Бога, действующего скрытыми неисповедимыми путями. Такой Бог очень далек от человека. Его действия кажутся произвольными и вызывают у людей ощущение Богооставленности. Заимствуя слова пророка Исаяи, такого называли «Богом сокроуенным» (Ис. 45,15), или, согласно Вульгате, *Deus Absconditus*. Концепция сокроуенного Бога, далекого и отстраненного от человека, весьма точно передавала трагизм сознания людей той эпохи, для которых была характерна уже не столько уверенность в благом Промысле, сколько созерцание греха и ощущение непрочности Божественного присутствия, непредсказуемости действия благодати и ее лишения, размывания и разрушения бытия. Эта концепция сыграла важную роль в западноевропейской культуре XVII в. Достаточно вспомнить хотя бы Расина и его «Федру». Но Шекспир много раньше французского драматурга и своих младших современников, типа Уэбстера и Форда, ввел сокроуенного Бога в свой театр.

И тут снова возникает параллель с «Книгой Иова». Обращаясь к Богу, библейский автор жаловался: «Для чего скрываешь лице Твое?» (Иов 13,24). То же самое могли бы сказать и ставшие свидетелями грандиозной битвы добра и зла герои «Короля Лира». Вся разница в том, что Иов в конце концов услышал голос из бури, а для героев трагедии Бог так и остался сокроуенным и недоступным.

Однако концепция «Бога сокроуенного», делая упор на неисповедимости путей Божиих, вовсе не предполагала резиньяции со стороны человека, отказа от идеалов и борьбы за них. Ведь человек наделен свободой воли, и

⁵¹ *Shakespeare W. King Lear / Ed. by K. Muir. P.L.*

даже если все предопределено и развивается по непостижимому для людского разума плану, нужно продолжать искать правду и творить добро. Это относится и к незнающим откровения язычникам, поскольку в их сердце написан закон совести. Подобные настроения с поправкой на опыт XX в. очень хорошо сформулировал Семен Франк: «Святыня оказывается в мире слабой и бессильной, но от этого она не перестает быть святыней. Из этого умонастроения вытекает моральное требование защищать безнадежную позицию добра против победоносной, всемогущей силы зла»⁵².

Корделия оказалась слабой и беззащитной в жестоком мире «Короля Лира», но она погибла, не сломавшись духовно и исповедуя все те же идеалы правды, добра и любви. Сам же обретший истинную мудрость король Лир, познав всю глубину зла и подлинную цену любви, умер, четыре раза повторив: «Смотрите». Как тонко заметил Л.Е. Пинский⁵³, последние слова Лира – это трагически настойчивое приглашение не только оставшимся в живых персонажам, но и зрителям запомнить его историю и быть наготове. Но так в тексте фолио. А в более ранней версии кварто Лир перед смертью четыре раза воскликнул «О». И этот крик боли не менее значим. Большого Шекспир сказать не захотел.

⁵² Франк С. Свет во тьме: Опыт христианской этики и социальной философии. Париж, 1949. С.67.

⁵³ Пинский Л.Е. Шекспир: Основные начала драматургии. М., 1971. С. 390.

Е.А. Первушина

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ ТРАГЕДИИ ШЕКСПИРА «КОРОЛЬ ЛИР»

Русские переводы «Короля Лира» насчитывают долгую и драматичную историю. Первые сведения о Шекспире появились в России в середине XVIII в. благодаря культурному посредничеству Германии и особенно Франции. Именно во Франции началась европейская известность Шекспира, поначалу воспринимаемого через призму классицистской эстетики. Вольтер назвал его «гением, полным силы, естественности, возвышенности, но лишенным хорошего вкуса и знания правил». Неудивительно, что А.П. Сумароков, который первым в России упомянул имя Шекспира в «Эпистоле о стихотворстве» (1748), включил его в число прославленных творцов прошлого с выразительной оговоркой – «хотя непросвещенный». Классицисты поставили своей задачей преобразовывать и облагораживать этого «варвара», который, по их представлениям, мог оказаться не по вкусу даже черни. Поэтому первые переложения Шекспира во Франции, выполненные П.-А. де Лапласом, П. Летурнёром и особенно Ж.-Ф. Дюси, были адаптациями, которые в России в свою очередь переделывали для русских читателей. Именно такой двойной переделкой был «Леар» Николая Ивановича Гнедича (1784–1833), изданный в 1808 г.¹

В конце XVIII в. ситуация изменилась: Франция постепенно теряла статус единственного центра европейской литературы, и для новых активно развивающихся национальных литератур Шекспир становился вдохновляющим примером и стимулом в программе их национального культурного созидания. Замечательным пропагандистом Шекспира в России был Николай Михайлович Карамзин (1766–1826). В 1787 г. он перевел «Юлия Цезаря», заявив, что Шекспира, во всем следовавшего натуре, нужно не править, а переводить, не «переменяя» мыслей автора, чей дух парил «яко орел». Современники высоко оценили карамзинский перевод, но с началом преследований масонства в России пьеса о цареубийце вызвала серьезные подозрения и в 1794 г. была предписана к уничтожению. Однако в известной мере позицию Карамзина иллюстрирует сделанный им перевод монолога короля Лира из ключевой в шекспировской трагедии сцены бури (III, 2)². Это был именно перевод с язы-

¹ Леар. Трагедия / Пер. с франц. [Н. И. Гнедича]. СПб. : Тип. Имп. театра, 1808.

² Монолог Лира. Прозаич. перев. [Дейст. III, сц. 2] // Карамзин Н.М. Сочинения. 2-е изд. СПб. : Тип. Селивановского, 1814. Т. 4. С. 184–185.

ка оригинала, и, несмотря на то, что поэтический монолог Карамзин перевел в прозе, он бережно отнесся к образам шекспировской поэзии, хотя зачастую не одобрял «слишком фигурных» выражений Шекспира.

Конечно, усложненный поэтический язык Шекспира с его знаменитыми эвфуизмами был сущностным принципом шекспировской поэтики, дававшим автору возможность «представить мир в неожиданных эмоционально-поэтических ракурсах» (Ю.Д. Левин). Но в России подобный поэтический стиль, характеризующийся особой причудливостью метафоризма и витиеватой сложностью синтаксических конструкций, долго воспринимался чужеродным. Попытка перевести его стала едва ли не самой трудной задачей для переводчиков Шекспира.

Романтический культ Шекспира первой трети XIX в. инициировал новые переводческие принципы. Закономерным выражением пиетета перед гением, свободным от сковывающих правил, стал интерес к оригинальному тексту и желание предельной точности в его воссоздании. Показателен пример Михаила Павловича Вронченко (1802–1855), автора первого в России полного перевода «Гамлета» (изд. 1828). Вронченко хотел дать соотечественникам «сколь возможно точнейшую копию» шекспировского творения. «Дух Шекспира впервые проник в умы и возбудил в них живое сочувствие»³, – писал известный историк литературы А.В. Никитенко, вспоминая о том впечатлении, которое произвел на русских читателей этот перевод. «...Любовь к Шекспиру собственно им возбуждена в кругу наших читателей», – сказал о Вронченко И.С. Тургенев⁴. Однако стремление Вронченко к точности подчас оборачивалось нескладностями буквализма и избыливающий архаизмами высокопарный язык его переводов был чрезмерно усложнен и труден для театрального исполнения. Эти же качества предстали в его переводе 1-го действия «Короля Лира», опубликованном в 1832 г.⁵

Но если в переводе Вронченко, обладавшего несомненными художественными достоинствами, буквализм был скорее тенденцией, то в переводе адъюнкта Харьковского университета Василия Алексеевича Якимова (1802–1853)⁶ этот буквализм стал разрушающим принципом для поэтической системы Шекспира. «Чуждый всяких притязаний на талант» (Ю.Д. Левин), Якимов был уверен, что главное для переводчика – именно буквалистское тщание. В результате он, по мнению Белинского⁷, только опозорил Лира в России так

³ Никитенко А.В. Михаил Павлович Вронченко : Биогр. очерк. СПб., 1867. С. 35.

⁴ Тургенев И.С. «Фауст», траг. соч. Гете // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. М. : Наука, 1978. Т. 1. С. 234.

⁵ Вронченко М. Первое действие Шекспировой трагедии «Лир» // Московский телеграф, 1832. Ч. XLVII. № 20. С. 472–523.

⁶ Король Лир. Трагедия в пяти действиях. Сочинение Шекспира. Перевел с англ. Василий Якимов. СПб., 1833.

⁷ Белинский В.Г. Письмо к Боткину от 11 декабря 1840 года // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1956. Т. 11. С. 578.

же, как и знаменитый петербургский трагик Василий Андреевич Каратыгин (1802–1853) с его тяжеловесным переводом⁸. Малопоэтичным был и более поздний труд известного тогда литературного и театрального деятеля Сергея Андреевича Юрьева (1821–1888)⁹.

В 1840-е годы возраставший интерес к Шекспиру вовлекал в переводческий процесс переводчиков-любителей. О намерении сделать прозаический перевод всех пьес Шекспира объявил врач Николай Христофорович Кетчер (1809–1886). Далеко не все переводы этого времени попали в печать. Не смог устроить в журнал «Москвитянин» свой перевод 3-го акта трагедии сотрудник редакции Александр Ефимович Студитский. Домашний учитель Василий Матвеевич Лазаревский (1817–1890), который в середине 1840-х годов перевел «Отелло», «Короля Лира» и «Макбета», сумел напечатать тогда только «Отелло». По свидетельству Ю.Д. Левина, «Макбет» так и остался неопубликованным, а «Король Лир» был издан лишь в 1865 г., когда Лазаревский стал крупным чиновником Министерства внутренних дел и членом совета Главного управления по делам печати¹⁰. В архиве А.В. Никитенко сохранился перевод «Короля Лира», выполненный в 1848 г. Константином Акимовичем Тимофеевым (180?–1881). Все эти работы были весьма слабыми в художественном плане, и до середины 1850-х годов «Король Лир» оставался единственной «большой» трагедией, все еще не имевшей в России удовлетворительного перевода.

Главным событием в истории русского «Короля Лира» XIX в. стал перевод известного литературного деятеля, сторонника «чистого искусства» Александра Васильевича Дружинина (1824–1864), переводчика стихов Байрона и драм Шекспира («Король Лир», «Король Ричард III», «Жизнь и смерть короля Джона», «Кориолан»). Дружининский «Лир» был напечатан в 1856 г.¹¹

Замечательна сама история «вхождения» Дружинина в шекспировские тексты. Поначалу Шекспир совершенно не нравился Дружинину. Но нима-ло изумившись своему неприятию «необъятно великого» «живописца идеальных характеров», Дружинин решил поработать над собой и, в отличие от Л.Н. Толстого, буквально взрастил в себе восхищение Шекспиром. Даже сейчас невозможно не почувствовать в дружининском тексте взволнованной увлеченности несомненно талантливого автора, его неподдельной влюбленности в оригинал. Выразительно экспрессивен и лексически красноречив в этом переводе знаменитый первый монолог Эдмунда. Переводчик сразу давал возможность почувствовать характер человека, взбешенного необходимостью

⁸ См.: *Левин Ю.Д.* Русский романтизм // Шекспир и русская культура. Л. : Наука, 1965. С. 283–285.

⁹ *Шекспир В.* Король Лир: трагедия в 5-ти действиях / Пер. С. Юрьева. М., 1882.

¹⁰ См.: *Левин Ю.Д.* Шестидесятые годы // Шекспир и русская культура. С. 366.

¹¹ *Король Лир.* Трагедия в пяти действиях / Пер. А. Дружинина // Современник. 1856. Т. 60. № 12. Отд. I. С. 169–342.

терпеть презрительное отношение к незаконным детям: «Из-за чего / Томиться мне в цепях причуд житейских, / И покоряться приговору света, / И жить в ничтожестве за то, что я / Родился в свет немного позже брата? / Я незаконный сын – пусть будет так. / Я тварь презренная! За что ж я тварь? / ... Чего ж клеймят нас подлыми? Чем подл, / Кто страстной вороватостью природы / Рожден на свет с запасом бóльших сил / И бóльшими способностями, чем / Рожденные на скучном мятом ложе / Приевшемся ораве дураков, / Зачатых спяна между сном и бденьем» (I, 2). Эдмунд обращался к природе, которая в его понимании враждебна установленному порядку и общепринятым этическим нормам. Однако Лир, потрясенный жестокосердием Гонерильи, тоже взывал к природе, уверенный в том, что она покарает неблагодарную дочь, поскольку устроена в гармоническом соответствии нравственным законам. В отличие от всех других переводчиков, Дружинин счел нужным подчеркнуть это собственным эпитетом, добавленным к оригинальному «*dear goddess*» в монологе Лира: «Услышь меня, природа! / Благое божество, услышь меня! / Коли назначило ты этой твари / Рожать детей – решенье отмени! / И иссуши всю внутренность у ней / Пошли бесплодие, чтоб никогда / Она ребенком милым не гордилась. / Но ежели зачнет она, то пусть / Дитя из желчи дастся ей на долю; / ... Пускай оно ей ранние морщины / В чело вклеят и горьких слез струями / Избороздит ей щеки...» (I, 4).

Переводческие принципы Дружинина были принципами просветительского перевода-адаптации. Помня, как трудно было ему самому вникать в шекспировский текст, изобиловавший «оборотами, несовместными с духом русского языка», Дружинин решил, что шекспировские слова в его переводе должны быть «доступны всем русским читателям без различия пола, возраста и развития» и не утомлять даже «самого неразвитого читателя». Считая, что эвфемизмы и для Шекспира были всего лишь вынужденной данью моде, Дружинин заметно упрощал и сокращал шекспировские метафоры, искренне полагая при этом, что именно так он реализует свое решение «не искажать шекспирова слова». Так, сказанное шекспировским Кентом: «*See better, Lear; and let me still remain / The true blank of thine eye*» (в переводе М.А. Кузмина: «Вглядиись получше, Лир, и мне позволь / Мишенью быть для глаз») Дружинин перевел просто: «Протри глаза, взгляни ты ясным взглядом / Вокруг себя» (I, 1). У Шекспира Глостер сокрушался из-за того, что «*nature finds itself scourged by the sequent effects*» (в переводе Кузмина «природа сама себя бичует неизбежными последствиями»), но Дружинин отказался от оригинального тропа – «законы природы нарушаются повсюду» (I, 2). Проклинавший Гонерилью Лир, стыдясь своих слез, пролитых из-за нее, говорил: «*Old fond eyes, / Beweep this cause again, I'll pluck ye out, / And cast you, with the waters that you lose, / To temper clay*». Кузмин сохранил поэтическую энергетику образа: «Глаза Дурацкие, / что плачете, вас вырву / И выброшу так, чтоб от вашей влаги / Размокла глина». Однако Дружинин опять предпочел

упрощенное: «Вы, глупые глаза, не смейте плакать; / Я вырву вас, я брошу вас на землю» (I, 4).

Тем не менее перевод Дружинина превзошел все, что было создано ранее. Конечно, благодаря таланту и поэтической интуиции переводчика, желавшего, чтобы его перевод производил на русского читателя такое же впечатление, как и оригинал на читателя английского. Дружинин обозначил новые акценты в прочтении «высоко христианского» смысла трагедии и в трактовке образа главного героя, осознававшего возвышающую святость страдания. Неудивительно, что благодаря этому переводу великая шекспировская трагедия надолго – вплоть до советских времен – утвердилась на русской сцене и в русской литературе.

На рубеже XIX–XX вв. вышли в свет переводы Александра Александровича Слепцова (1835–1906)¹² и Николая Николаевича Голованова (1867–1938)¹³. Но поворотным этапом в истории русского Лира стал XX век, начавшийся знаменитым ниспровержением трагедии в статье Л.Н. Толстого «О Шекспире и о драме» (1903). Ю.Д. Левин точно определил значимость этого бунта, сказав о Толстом: «Когда он исключил поэзию из пересказа “Короля Лира” и превратил великую трагедию в набор нелепых поступков и фраз, он независимо от своих намерений, неопровержимо доказал, что Шекспир вне поэзии... не существует. Толстой стоял в преддверии XX в., когда начиналось осмысление поэтической системы драматурга»¹⁴.

Поэтому так закономерно и знаменательно, что авторами нового русского «Лира» в наступившем столетии становились поэты, занимавшиеся переводами сонетов Шекспира. В 1934 г. «Король Лир» вышел в переводе Михаила Алексеевича Кузмина (1872–1936)¹⁵. Судьба этого перевода драматична так же, как и судьба его создателя, одного из самых загадочных авторов серебряного века, неповторимого художника слова, наделенного даром высокой поэтической игры и тонким чувством поэтической формы. Жестко осужденный в свое время официальной критикой, неоднозначно воспринимавшийся коллегами, почти забытый на десятилетия, в наши дни Кузмин уверенно обретает свое достойное место в истории отечественной словесности.

Литературные переводы (Апулея, Боккаччо, Петрарки, Байрона, Гёте, Уайльда, Ренье, Бердсли и мн. др.) – очень значимая страница в творческом наследии писателя. Особенно большое внимание он уделил Шекспиру. Кузмин обращался к хроникам («Король Генрих IV»), комедиям («Веселые виндзорские кумушки», «Укрощение строптивой», «Бесплодные усилия любви»,

¹² Король Лир / Пер. А.А. Слепцова // Книжка за книжкой. 1899. Кн. 91.

¹³ Король Лир / Пер. Н. Голованова. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1900.

¹⁴ Левин Ю.Д. Шекспир и русская литература XIX века. Л.: Наука, 1988. С. 237.

¹⁵ Шекспир В. Избранные драмы: В новых переводах. Гамлет. Макбет. Король Лир, Сон в летнюю ночь. Буря. М.; Л.: Госиздат, 1934.

«Два веронца», Много шуму попусту»), трагикомедиям («Буря»). Он перевел почти всю «дружескую» часть «Сонетов», но, к несчастью, рукопись этих переводов после смерти писателя пропала. Из трагедий Кузмин перевел «Короля Лира», и только этот перевод был напечатан при жизни автора.

Кузмин выработал собственную переводческую концепцию по отношению к Шекспиру. Определив состояние прежних, совершенно устаревших, по его убеждению, переводов выразительной метафорой – «паралич, как следствие пиетета»¹⁶, писатель заявил о намерении открыть русскому читателю нового Шекспира, свободного от романтической неконкретности образов и «отвлеченной приглаженности» языка. Замечательно перевел Кузмин слова Кента, пытающегося образумить разгневанного Лира: «Revoke thy gift / Or, whilst I can vent clamour from my throat, / I'll tell thee thou dost evil» – «Возьми назад свое решение, / А то, покуда крика в глотке хватит, / Твердить я буду: сделал плохо» (I, 1). Другие переводческие версии выглядят явно бледнее: у Дружинина – «пока дышать могу я»; у Т.Л. Щепкиной-Куперник – «пока в груди дыханье»; у Пастернака – «пока дышу»¹⁷. Не следует, считал Кузмин, прибегать «к смятениям и замазываниям» шекспировских выражений, даже если они кажутся слишком грубыми. И если у Дружинина Лир, призывая бурю разрушить ненавистный ему мир, говорил вовсе не так колоритно, как в оригинале: «Smite flat the thick rotundity o' the world» – «Расплющи разом толстый шар», кузминский герой выражался сочнее: «Брюхатый сплюсни шар земной» (III, 2).

Переводческое постижение своеобразной шекспировской лексики органично связано у Кузмина с его трактовкой философского содержания пьесы. Трагедия Лира, считал писатель, – это «трагедия разделившейся, расколовшейся внутри сильной личности», трагедия «мощного дуба, что сам себя опалил молнией»¹⁸. Не случайно некоторые найденные Кузминым языковые находки не соответствовали тому духу социологизации Шекспира, который доминировал в советской критике 1930–50-х гг. Тогда было принято считать, что старый Лир умирал, проникшись любовью к людям, поскольку узнавал о тяжком положении бедных. А.А. Смирнов иллюстрировал этот тезис цитатой из монолога Лира, который в переводе Щепкиной-Куперник начинался словами «Несчастные, нагие бедняки». Однако Кузмин предпочел другую версию шекспировского «Poor naked wretches», подчеркнув положение этих людей не столько в социуме, сколько в жизни, в мире: «Несчастные и голые создания» (III, 4).

¹⁶ Кузмин М. От переводчика // Шекспир В. Трагедия о короле Лире. М.; Л., 1936. С. VIII.

¹⁷ Об этом подробнее см.: Багно В.Е., Сухарев С.Л. Михаил Кузмин – переводчик // XX век. Двадцатые годы: Из истории международных связей русской литературы. СПб.: Наука, 2006. С. 147–183.

¹⁸ Кузмин [М.]. Условности. Статьи об искусстве. Петроград: Полярная звезда, 1923. С. 124.

Это ощущение обобщающе-антропологического контекста шекспировских пьес объясняет и некоторые переводческие вольности Кузмина. Так, у Шекспира в исходном вопросе Лира дочерям звучал отчетливо заданный сравнительный акцент: кто любит больше («which of you shall we say doth love us most»). Все переводчики сохранили эту конструкцию вопроса: «Которая из трех нас больше любит?» (Дружинин, Щепкина-Куперник); «Кто из вас нас любит больше?» (Пастернак), «Кто больше любит нас» (Кружков). И только Кузмин спроецировал вопрос Лира в пространство высоких нравственных ориентиров: «Как мы любимы?» (I, 1). Так же устранил Кузмин подобный смысловой оттенок и в горьком признании Лира, прогонявшего Корделию. У Шекспира было «I loved her most...», у Кузмина – «Ее любил, ее заботам думал / Остаток вверить дней» (I, 1). Конечно, опущенная переводчиком деталь очень важна для понимания трагичности происходящего. Однако кузминская формулировка выдержана в духе того минимализма, в котором был сформулирован знаменитый ответ Корделии, уверенной в ненужности многих слов, если сказано главное – о любви.

Конечно, у Кузмина были неровности и откровенно слабые места. Так, в заключительном монологе герцога Альбани писатель явно запутался в чрезмерной лапидарности и синтаксической невнятности своего перевода. Подобные просчеты часто возникали из-за принципиальной установки Кузмина на соблюдение эквилинеарности и эквиритмии, несмотря на объективные особенности русского языка, в котором слова длиннее, чем в английском. Поэтому так суров был в своем отзыве К.И. Чуковский, сказавший, что намерение Кузмина сохранять ритм и количество строк оригинала обернулось не точностью, а обедняющей краткостью и в результате переводчик превратил шекспировский стих в «подобие прерывистого собачьего лая»¹⁹. Впрочем, в последующих изданиях своей книги Чуковский изъясил критические замечания Кузмину, но не отказался от гораздо более жесткой критики в адрес А.Д. Радловой, которая, по его мнению, чтобы сохранить равнострочие, «выбрасывает из Шекспира десятки эпитетов, беспощадно ломает шекспировский синтаксис, делает чуть ли не из каждой шекспировской фразы беспорядочную груду словесных обрубок»²⁰.

В 1937 г. «Король Лир» вышел в переводе Татьяны Львовны Щепкиной-Куперник (1874–1952)²¹, которая разделила неодобрительное отношение Чуковского к чрезмерному увлечению переводом «стих в стих». И неудивительно – правнучка великого актера М.С. Щепкина, с детства вовлеченная в театральную жизнь, начинавшая как драматическая актриса, Щепкина-Куперник всегда была очень восприимчива к звучащему слову. Неслучайно в ее очень разнообразном литературном наследии были оперные либретто, на

¹⁹ Чуковский К.И. Искусство перевода. М.: Л., 1936. С. 129.

²⁰ Чуковский К.И. Высокое искусство. М.: Сов. писатель, 1968. С. 213.

²¹ Шекспир В. Король Лир / Пер. Т.Л. Щепкиной-Куперник. М.: Л.: Искусство, 1937.

ее слова создавались музыкальные произведения, а ее стихи отличали красота мелодического звучания и благородная гармония точно организованных ритмических композиций. Особенно ярко эти качества предстали в ее литературных переводах, благодаря которым Щепкина-Куперник вошла в число лучших мастеров русской переводческой культуры середины XX в. Громкий успех ее до сих пор не превзойденного «Сирано де Бержерака» восторженно подтвердил сам Э. Ростан. Щепкина-Куперник переводила очень многих (Мольера, Беранже, Мопассана, Кальдерона, Лопе де Вега, К. Гольдони, К. Гоцци, Дж. Флетчера, Байрона, Шеридана, Л. Кэрролла и др.), но более всего – Шекспира. Его сонеты (№ 85–93), комедии («Как вам это понравится», «Венецианский купец», «Много шума из ничего», «Веселые виндзорские кумушки», «Все хорошо, что хорошо кончается», «Мера за меру»), трагикомедии («Буря», «Зимняя сказка»), поэму «Жалоба влюбленной» и, наконец, трагедии – «Ромео и Джульетта» и «Король Лир».

Щепкину-Куперник не привлекали формальные критерии переводческой точности. «Мне кажется, – говорила она, – ... важнее донести мысль Шекспира, пусть сказанную лишним количеством слогов, слов и даже строк, чем механическую форму фразы»²². Поэтому, в отличие от Кузмина, сокращавшего слова ради эквилинейности, Щепкина-Куперник не экономила на лексике, легко увеличивая количество строк в монологах героев, чтобы сохранить выразительность образного колорита шекспировской трагедии.

Однако у Щепкиной-Куперник было свое представление об этом колорите. Шекспир в ее переводе «Лира» более мягок и более изящен, чем у других переводчиков. Ее Глостер никогда не сказал бы так, как говорил кузминский – «скотский подлец». Он выражался сдержаннее – «хуже зверя» (I, 2). Изысканный поэтический стиль переводчицы, с большим пиететом относившейся к работам предшественников, тонкое чувство словесной конструкции, лексика, близкая по духу к романтической, – все это в известной мере представляет эстетическую параллель переводческим подходам С.Я. Маршака к шекспировским сонетам.

Конечно, за подобными предпочтениями стояло определенное отношение Щепкиной-Куперник к Шекспиру. Переводчица разделила распространенное в советские времена противопоставление средневековья, когда у людей еще была путеводная звезда – религия, и едва ли не атеистического Возрождения. Поэтому, как утверждала Щепкина-Куперник, «для Шекспира как для человека Возрождения религия утратила свой смысл» и путеводной звезды у него не было. В «свою несчастливую для него эпоху» Шекспир еще не осмыслил «все пути борьбы жизни» и, не имея возможности указать людям «цель и смысл существования», мог только «наблюдать и запечатлевать хаос страстей людских»²³. Поэтому, предположила Щепкина-Куперник, писатель замолчал

²² Щепкина-Куперник Т.Л. Дни моей жизни. М. : Захаров, 2005. С. 490.

²³ Щепкина-Куперник Т.Л. Указ. соч. С. 498.

в последние годы своей жизни. В русле именно такого понимания переведен ею монолог плененного Лира, отправляемого с Корделией в тюрьму, где он, по выражению Щепкиной-Куперник, намеревался «переждать распри». Принципиально другие акценты сделал позднее в своем переводе Б.Л. Пастернак. Его Лир, волей переводчика бытующий в реальности высокого нравственного просветления, обещает Корделии: «Мы в каменной тюрьме переживем / Все лжеученья, всех великих мира, / Все смены их, прилив их и отлив» (V, 3).

Переводческое творчество Бориса Леонидовича Пастернака (1890–1960) представлено в широчайшей палитре национальных и жанрово-родовых проявлений. «Теперь уже немислимо себе представить, – говорил Н.М. Любимов, – сокровищницу русского художественного перевода без его воссозданий трагедий Шекспира, гетевского “Фауста”, стихов Петефи, лирики грузинских поэтов»²⁴. Шекспировские переводы – особая заслуга Пастернака, названного В.В. Левиком одним из «корифеев советской шекспирианы». Перевод «Короля Лира» (1949)²⁵ появился, когда у Пастернака уже был большой опыт в работе с произведениями Шекспира (73-й и 66-й сонеты, «Гамлет», «Ромео и Джульетта», «Антоний и Клеопатра», «Отелло», «Король Генрих IV»). Эта работа началась в конце 1930-х годов, а закончилась в начале 1950-х («Макбет», 74-й сонет) и пришлась на время активизации известной дискуссии между сторонниками буквального перевода, понимаемого наукой, и вольного перевода, провозглашаемого «высоким искусством». Пастернак, который в обращении к Шекспиру всегда стремился избегать трафаретности и придавать переводному тексту свежесть первоизданного звучания, сразу выбрал свою позицию – не перевод «слово в слово», а вольный перевод. В нем не могло быть художественной дистанции между переводимым автором и самим переводчиком. Именно в 1930–1950-е годы в творчестве Пастернака наметился новый период, и на смену ранней поэтической манере «поверх барьеров» пришла поставангардистская пора «обманчивой простоты» (В.С. Баевский), когда трудности языка исчезли, но глубже и сложнее стала семантика произведений.

В этой манере, где не было места пафосной патетике, и заговорил пастернаковский «Лир», написанный, по убеждению переводчика, языком ветхозаветных пророков. «“Короля Лира” трактуют всегда слишком шумно, – писал Пастернак. – ...Но по существу, в трагедии бушует только ночная буря, а забившиеся в шалаш, смертельно перепуганные люди разговаривают шепотом. “Король Лир” – ...тихая трагедия»²⁶. Конечно, отказавшись от архаизмов и декламационной риторики, введя исповедально-разговорные интонации и просторечную лексику, упростив эвфуизмы, Пастернак заметно отступил от

²⁴ Любимов Н.М. Несгораемые слова. М. : Худож. лит., 1983. С. 291.

²⁵ Король Лир / Пер. Б. Пастернака. М.: Гослитиздат, 1949.

²⁶ Пастернак Б.Л. Замечания к переводам из Шекспира // Зарубежная поэзия в переводах Бориса Пастернака. М. : Радуга, 2001. С. 566.

оригинальной стилистики. Вместе с тем его Шекспир стал таким же откровением для читающей России, каким была для нее поэзия самого Пастернака. Этот Шекспир стал нашим современником. Именно так – «Наш современник Вильям Шекспир» – назвал Г.М. Козинцев свою книгу, предварившую его прославленные шекспировские экранизации, в которых использовался перевод Пастернака²⁷, – «Гамлет» (1964) и «Король Лир» (1965).

Пастернаковский «Лир» стал главным событием в истории его русских переводов XX столетия. Однако еще в конце 1960-х годов В.В. Левик говорил, что «даже *его* переводы, несмотря на все их великие достоинства, никак нельзя считать последним и непреложным словом»²⁸. Высочайший художественный потенциал шекспировских творений в принципе исключает ситуацию их единственно «правильного» и окончательного переводческого прочтения. Тем более когда речь идет о «Короле Лире» – «трагедии трагедий» (Л.Е. Пинский), неисчерпаемой в ее смысловой глубине и эстетической значимости, а потому наделенной удивительной способностью к постоянному обновлению в новых переводческих прочтениях.

В 1990 г. появились новые шекспировские переводы, автор которых – известный переводчик англоязычной литературы Осия Петрович Сорока (1927–2001)²⁹. Его «Лир» сразу вызвал заинтересованное внимание и одобрение специалистов. «Перевод Осии Сороки, – сказал видный отечественный театровед и шекспировед А.В. Бартошевич, – это крупнейшее событие не только в истории шекспировских переводов, но и в истории взаимоотношений между русской культурой и Западом»³⁰.

Новое издание шекспировских переводов Сороки³¹ завершалось беллетризованным авторским эссе «Загадки Шекспира», герой которого – старичок Евсей Лунич – излагал переводческую позицию самого Сороки. Шекспир, в котором «предостаточно еще нового, чудесного, бездонного», в представлении Лунич-Сороки, «не просто современен – он современен неожиданно, свирепо, дерзко, еретически». В XIX в. Шекспир, полагал переводчик, «ошарашивал» дерзостью сюжетов, но теперь, «чтобы произвести впечатление на читателя, слушателя, зрителя, очумелого от телевизионных шоу, надо усилить речь небывало яркими, свежими словами». Сорока и ошеломлял дерзкой словесной игрой. Незаконнорожденный Эдмунд у него «низкопородный» «пригулок». «Моего замеса, – говорит о нем Глостер. – Я столько раз краснел, признавая свою замешанность, что теперь уж говорю без замешатель-

²⁷ Только песни Шута в «Короле Лире» звучали в переводе Самуила Яковлевича Маршак (1887–1964).

²⁸ Левик В. Нужны ли новые переводы Шекспира // Мастерство перевода. 1966. М. : Сов. писатель, 1968. С. 97–98.

²⁹ Шекспир У. Мера за меру. Король Лир. Бурия / Пер. О. Сороки. М. : Известия, 1990.

³⁰ Бартошевич А.В. Спасительное чувство стыда // Театр. 1992. № 10. С. 58.

³¹ Шекспир У. Комедии и трагедии / Пер. О. Сороки. М. : Аграф, 2001.

ства». Лир, отвергающий Корделию, называет ее в этом переводе «плюгавкой со своей лжепрямотой», «отверженной природы». Эдмунд презрительно отзывается о людях, страдающих из-за своего «сластожорства». «Не трогай, не докрамсывай мне сердца», – умоляет Лир Кента. Сорока возродил представление о Шекспире, писавшего с вызывающим «простодушием и смелостью варвара» (В.В. Левик), не знавшего равных себе в созидательной отваге словотворения.

Переводческие поиски продолжаются и сейчас. В 1997–2000 гг. «Короля Лира» перевел уральский писатель и переводчик Юрий Иосифович Лифшиц (р. 1957). В 2007 г. свой перевод трагедии закончил известный лингвист Александр Владимирович Флоря (р. 1963)³². В 2011 г. в сети Интернет появился «Лир» Евгения Петровича Парамонова-Эфруса. Поэт-переводчик Александр Николаевич Баранов (р. 1948) завершает работу над своей версией трагедии.

Огромный интерес представляет перевод «Короля Лира», выполненный талантливым писателем и одним из лучших современных переводчиков англоязычной поэзии Григорием Михайловичем Кружковым (р. 1945). К переводу «Короля Лира» он пришел не сразу. Намного раньше был перевод сонета Д. Китса «Перед тем как перечитать “Короля Лира”», в котором Кружков нашел удивительное по глубине выражение «боренье Рока с Перстью вдохновенной», отразившее представление поэта о сути шекспировской трагедии. Потом в эссе «Том из Бедлама, перпендикулярный дурак» были раздумья о том, что старинная баллада входила в пьесу Шекспира и была написана им самим – это помогло Кружкову увидеть в «дураках-философах» из «Короля Лира» элементы карнавного осмеяния разума. Была даже попытка сокращенного переложения «Лира» для детей, после чего стала понятной драматическая основа пьесы, все диалоги в которой оборачивались абсурдным срывом. Были размышления о сравнениях «Короля Лира» с «Книгой Иова» и трагедиями Эсхила. Появился перевод «Бури», где так же, как и в Лире, центральный герой-старик становился жертвой коварства.

Наконец – «Король Лир», переведенный в обеих оригинальных версиях – кварто и фолио. Свою переводческую позицию Кружков представил на конференции «Шекспировские чтения 2012» и напомнил в названии своего доклада – «Переводя “Короля Лира”» – заглавие сонета Китса, как бы обозначив завершение поисков своего «Лира». Шекспировская трагедия обрела в России свое новое воплощение.

³² Шекспир У. Король Лир / Пер. А.В. Флоры // URL: http://www.rus-shake.ru/translations/King_Lear/Floria/2008/

ПРИМЕЧАНИЯ

При составлении Примечаний были использованы следующие издания текста трагедии У. Шекспира:

Shakespeare W. King Lear / Ed. by Kenneth Muir. L.; N.Y., 1989.

Shakespeare W. King Lear / Ed. by Stanley Wells. Oxford, 2000.

Shakespeare W. King Lear / Ed. by R. A. Foakes. L.; N. Y., 2007.

Shakespeare W. King Lear. A Parallel Text Edition / Ed. by Rene Weis. L.; N.Y., 2010.

Смирнов А.А. Примечания // Шекспир У. Король Лир. Полн. собр. соч.: В 8 т. М. 1957–1960. Т. 6.

В английском тексте кварто 1608 г. нет деления на акты – пьеса содержит 24 сцены. В настоящем издании для удобства читателя используется традиционное деление на акты и сцены.

С. 6. Действующие лица – В первых публикациях трагедии списка действующих лиц не было. Он появился только в 1709 году в редакции, подготовленной Николасом Роу. С тех пор его печатают в каждом издании трагедии.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА I

Часть реплик в этой сцене, написанных стихами, в кварто воспроизведены в прозе. Сама сцена, очевидно, происходит в тронном зале дворца – такой трон в виде кресла на специальном помосте вполне мог быть сооружен для первого представления в шекспировском театре Глобус.

С. 8. ...при этом разделе королевства – Кент и Глостер, как видно, уже знают о планах короля разделить царство.

С. 10. Знаком ли ты с этим благородным дворянином, Эдмунд? – Многие интерпретаторы начиная с Колриджа считали, что Эдмунда оскорбили слова Глостера о тайне его рождения. Однако другие полагают, что Эдмунд стоит в стороне и не слышит диалога Глостера и Кента.

Он был в отлучке девять лет и скоро опять уезжает из дома. – Как указывают комментаторы, в елизаветинской Англии существовал обычай отдавать детей на воспитание в другие семьи – так поступил сам король Иаков со своим старшим сыном Генрихом. Но Глостер мог также сделать это, потому что стеснялся Эдмунда.

В любом случае, Эдмунд слышит эти слова, и они, по всей видимости, толкают его к действию.

Входит придворный, несущий корону, а за ним... – Эта ремарка есть только в кварто, в фолио она отсутствует. В подлиннике употреблено слово *coronet*. Оно означает небольшую по размерам корону, так называемую «герцогскую», которая, видимо, предназначалась Корделии как любимой дочери в случае благоприятного исхода испытания чувств дочерей.

Подайте карту. – Очевидно, кто-то из придворных держит в руках карту.

С. 13. ...чтоб налегке доковылять до гроба. – Эти слова есть только в фолио. Вся же эта фраза, начиная с *решили твердо* как бы повторяет реплику короля из анонимной пьесы о Леире: «Вот весь мой мир, и я устал от мира. / Мне б отрешиться от земных хлопот ...»

Этот день...предотвратив грядущий спор. – Эта реплика есть только в фолио. Она служит намеком для зрителей на гражданскую войну, которая вспыхнет в королевстве Лира позже.

...славных жениха... – Только в кварто.

Но прежде, чем сложить монарший жезл... – только в фолио. В подлиннике стоит слово *divest*, которое означает слагать с себя, отрешаться, но также раздеваться, разоблачаться. Оно как бы начинает собой цепь метафор, связанных с раздеванием, кульминацией которой будет желание Лира освободиться от одежд во время бури в степи.

С прохладой рек и пестротой лугов... – Только в фолио.

С. 14. Мой государь... – Только в кварто.

С. 15. За чью любовь французская лоза / Соперничает с молоком бургундским? – Только в фолио.

После слов Корделии *Ничего* в фолио Лир переспрашивает ее *Ничего?* И Корделия вновь повторяет *Ничего*. Такое повторение, очевидно, рассчитано на то, чтобы усилить сценический эффект происходящего в этом важнейшем эпизоде трагедии.

Из ничего не выйдет ничего. – Здесь возможна отсылка к латинской пословице *ex nihilo nihil fit*. Р. Элтон увидел в этих словах намек на разгоревшуюся тогда в европейском богословии дискуссию о первых словах Библии «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт 1.1), где теологи спорили с традиционным представлением о том, что Бог сотворил вселенную из ничего.

С. 16. ...чарами Гекаты... – Геката – языческая богиня подземного мира, ночи и «ночных светил», покровительница колдовства. Одно из действующих лиц «Макбета».

Дикий варвар... – В подлиннике скиф. О кровожадности и жестокости жителей побережья Черного моря и Малой Азии существовало много легенд.

С. 18. Сто рыцарей... – Речь, очевидно, идет не только о ста рыцарях, но и об их слугах, о чем позже скажет Гонерилья (I, 4). Такой большой свиты у короля нет ни в одном из источников, на которые опирался Шекспир.

С короной вместе. – Речь идет о «герцогской» короне, которая вместе с третьей частью королевства предназначалась для Корделии. Свою корону Лир оставляет у себя на голове.

С. 20. ...пока безумен Лир. – С этими словами в трагедии впервые возникает столь важный для нее мотив безумия.

Лишь тот котел / Гудит, который пуст. – Здесь обыгрывается английская поговорка: Пустой котел гудит громче всех. В подлиннике каламбур, поскольку слово пустота (hollowness) имеет еще второе значение – неискренность.

...изгнав из глаз прицел... – Здесь впервые возникает другой важный мотив трагедии – зрения, его аберрации и слепоты.

Клянусь великим Фебом! – В античной мифологии Феб (Аполлон) – бог солнца, прославившийся как меткий стрелок.

Негодяй! – В подлиннике miscreant, что значит также еретик, богохульник. В фолио за этим следует реплика Олбани и Корнуэла, восклицающих: *Государь, остановитесь!*

С. 23. ...изменник? – Только в фолио.

Юпитером клянусь... – Юпитер – языческий бог-громовержец, главное божество римского пантеона.

Изгнание – здесь, а за морем – свобода. – Эти слова вводят тему нарушения миропорядка, спровоцированного действиями Лира.

Глостер – Так в кварто, в фолио эта реплика отдана Корнуэлу как персонажу, стоящему выше по рангу, чем Глостер.

А меньше не предложите вы сами – Герцог Бургундский задает вопрос, а не выдвигает требование.

С. 26. Молчи! – Только в кварто.

И только-то? – Только в кварто.

С. 28. ...ты в бедности своей / Еще дороже мне... – Здесь обыгрываются два изречения из «Второго послания к коринфянам»: «...мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем» (6:10) и «Ибо вы знаете благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою» (8, 9).

С. 29. Трубы. – Эта сценическая ремарка есть только в фолио.

С. 30. Покажет время...на свет. – Ученые видят здесь библейскую аллюзию: «Скрывающий свои преступления не будет иметь успеха» (Притчи 28, 13). Возможна также аллюзия на поговорку: «Истина – дочь времени».

С. 32. ...был только вспльщив... – В подлиннике slenderly known himself, т.е. до словно плохо знал себя. Эта реплика вводит еще один важный мотив – знания, самопонимания и мудрости. Согласно учению гуманистов эпохи Ренессанса, человек может прожить достойную жизнь, только познав себя и подчинив страсти дисциплине разума.

СЦЕНА II

С. 32. Природа, только ты моя богиня. – Природа – одно из ключевых слов трагедии, которое разными персонажами понимается по-разному. Эдмунду чуждо понимание этого слова в значении естественных, родственных связей, столь важное, например, для Корделии. Отвергая религию и общепринятую мораль («нелепые обычаи и ветхие правила»), Эдмунд признает лишь господство своих чувственных, эгоистических интересов и стремится жить по закону джунглей, где в схватке побеждает сильнейший и хитрейший. Только такому богу он согласен служить. Подобные рассуждения близки философии злодеев-макиавеллистов в елизаветинской драме.

С. 34. Обидеть Францию... – Французского короля.

Так, нустьяки. – В подлиннике здесь стоит слово *nothing*, которое как бы возвращает зрителя к диалогу Корделии и Лира.

С. 40. Чушь! – Только в кварто. В подлиннике здесь стоит слово *Fut*, сокращенная форма от *Christ's foot*, что можно перевести как «Клянусь ногой Христа». Видимо, было сокращено в угоду цензуре, так называемому «Акту о пресечении богохульства на сцене» (1606).

...как полоумные в Бедламе. – С началом Реформации в Англии, после закрытия монастырей из бывшего Вифлеемского монастыря в Лондоне (в просторечии Бедлама) устроили больницу для сумасшедших. Некоторых больных там отпускали на волю, и они бродили, прося милостыню. Их называли *Toms of Bedlam* – Томами из Бедлама.

С. 41. Эти недавние затмения, солнечное и лунное, не предвещают ничего хорошего. – Лунное затмение произошло в сентябре 1605 года, а солнечное – в октябре. Возможно, что Шекспир имел их в виду. Подробнее см. статью.

...отец отвергает собственную дочь... до могилы. – Только в фолио.

...вопреки природе... – Как видим, Глостер понимает природу иначе, чем его сын Эдмунд.

С. 42. Сам посуди... в эти астрологические бредни? – Только в кварто.

СЦЕНА III

С. 44. Входят Гонерилья и Освальд. – Освальд является управляющим в доме Гонерильи и занимает там довольно высокое положение. Он должен быть одет в подобающее этому положению платье.

С. 45. Умоляю тебя... Оружие? – Этот кусок текста есть только в фолио. Эдмунд предлагает Эдгару спрятаться у него в апартаментах, которые распложены во владениях Глостера.

СЦЕНА IV

С. 56. Я бы отдал все свое добро дочерям, а себе оставил два дурацких колпака. – Комментаторы видят здесь аллюзию на поговорку «Тот, кто раздает свое добро до смерти, – дурак».

С. 58. Из ничего ничего и не получается. – Эта фраза вновь возвращает зрителей к диалогу Корделии и Лира в начале пьесы.

С. 60. Полный дурак – это монополия. – Этот отрывок есть только в кварто. В фолио его сократили, скорее всего, по цензурным соображениям, поскольку в тексте здесь упомянуты монополии, что могло оскорбить короля Иакова, щедрою рукою раздававшего их своим приближенным и тем вызвавшего всеобщее недовольство. См. статью.

С. 62. ...когда ты дочек своих сделал мамками... – Слова Шута отсылают нас к теме нарушения привычных родственных связей и – шире – установленного миропорядка, одной из главных в трагедии.

...я Шут, а ты ничто. – Снова та же игра на словах «ничто» и «никто».

С. 66. Тень Лира? – В кварто эти слова произносит сам Лир, в фолио эта реплика отдана Шуту.

И вправду... послушного папочку. – Этих реплик нет в фолио.

...мы предлагаем... – Гонерилья говорит теперь о себе во множественном числе как королева, раньше это позволял себе только Лир.

С. 69. ...гад морской... – Морские чудовища часто фигурировали в самых разных легендах. Возможна также библейская аллюзия: «Ты расторг силою Твоею море, Ты сокрушил головы змиев в воде. Ты сокрушил голову левиафана, отдал его в пищу людям пустыни» (Пс 73, 13–14).

Прошу вас, успокойтесь. – Эта реплика герцога Олбанского есть только в фолио.

С. 70. Природа! – Лир тоже, как и Эдмунд, обращается к богине Природе. Но имеет в виду совсем другое – созидательную и разрушительную мощь божества.

С. 71. Возвращаются Лир и Шут. – Они отсутствовали лишь очень короткое время. Соответственно Гонерилья приказала уменьшить свиту короля раньше, еще до спора с отцом.

С. 72. О старческие глупые глаза... – Здесь вновь возникает мотив зрения и слепоты.

СЦЕНА V

С. 78. Я обидел ее несправедливо... – Большинство комментаторов считает, что эти слова относятся к Корделии.

С. 80. О боги! Только б не шити с ума! – Мысль о такой возможности впервые в этот момент появляется у Лира.

А девушкам смешливым – мое кукареку! Комментаторы считают, что эта реплика шута обращена к зрителям.

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА I

С. 82. Входят с разных сторон Эдмунд и Куран. – Место действия – дом Глостера, где они и встречаются. В этом доме прячется Эдгар.

...назревает война между герцогами Олбанским и Корнуэльским? – первый намек на грядущую смуту.

С. 84. Мальчишки на спор делают похуже. – В подлиннике пьяницы drunkards. Как объясняют комментаторы, здесь намек на моду, которая существовала среди юных щеголей в то время. Молодые люди резали себе руки и, смешивая кровь с вином, пили за здоровье возлюбленных.

С. 86. И призывал заклятьями Гекату... – Эдмунд пытается сыграть на суеверии Глостера и дать время Эдгару скрыться, потому что боится встречи с братом в присутствии отца. О Гекате см. выше.

С. 90. ...крестник моего отца... – Здесь, как иногда случается у Шекспира, анахронизм, контаминация разных эпох – действие трагедии происходит задолго до Рождества Христова, когда еще никаких крестников не могло быть.

СЦЕНА II

С. 96. Плут, мерзавец, лизоблюд... – Как указывают комментаторы, этот выпад Кента, переодетого слугой, против Освальда, ниже которого он стоит на социальной лестнице в этом наряде, ничем прямо не спровоцирован, хотя такая оценка Освальда может показаться верной в ходе дальнейших событий.

С. 98. Его же портной делал, этого труса. – Т.е. своим человеческим обликом Освальд обязан лишь портному, шившему его костюм.

С. 104. Аякс – Один из греческих воинов в «Илиаде». Его обычно изображали глупцом и хвастуном, как это и сделал Шекспир в «Троиле и Крессиде».

С. 108. Из доброй тени да на солнцепек. – Т.е. от хорошего к худшему.

СЦЕНА III

Ни в кварто, ни в фолио эта сцена, содержащая монолог Эдгара, специально не выделена, и место действия там не указано. Традиция выделения монолога в отдельную сцену возникла в более поздних изданиях. Возможно, что Эдгар появляется перед домом Глостера, где в колодках сидит Кент. Они не видят друг друга, но оба являют собой образ отверженных, гонимых судьбой, к которым у Лира проснется сочувствие во время бури в степи.

С. 110. ...из Бедлама... – О Бедламе см. выше.

СЦЕНА IV

И эта сцена также не выделена отдельно в кварто и фолио, она как бы продолжает две предыдущие.

С. 113. Они бы не могли... Юпитером клянусь, не может быть. – Этот обмен репликами Лира и Кента, который есть только в фолио, звучит эхом диалога Лира и Корделии в первой сцене первого акта, когда король сначала не поверил услышанному.

С. 115. Вон куда гуси полетели ...больше тумачков, чем дукатов. – Этот отрывок, включая песенку, есть олько в фолио.

С. 116. Комок какой-то подступает к горлу. – В подлиннике Лир говорит о *Histerica passio*, одной из форм истерии, которой обычно страдали женщины, но она иногда могла поражать и мужчин. Сам этот термин драматург, скорее всего, заимствовал у Харснета. См. статью.

Придется отдать тебя в ученье муравью – Библейская аллюзия: «Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым. Нет у него ни начальника, ни приставника, ни повелителя; но он заготавливает летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою» (Притч 6, 6–8).

С. 119. Я доложил о том... вы поняли меня? – Этих реплик нет в кварто.

С. 120. ...лондонская жёнка... ей сено маслом. – Примеры откровенно глупых поступков: угрей живыми не кладут в тесто, а лошадь не будет есть сено, намазанное маслом.

С. 122. Как коршун... – Комментаторы видят здесь аллюзию на миф о Прометее, которого в наказание за помощь людям приковали к скале, куда каждый день прилетал орел и клевал его печень.

С. 123. Как это понимать? – Эта реплика Лира и ответ Реганы есть только в фолио.

С. 128. Кто здесь ударил моего слугу? – См. статью о разных вариантах этой сцены в кварто и фолио.

С. 134. Терпенье – вот что мне сейчас нужно. – Комментаторы видят здесь библейскую аллюзию: «...от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда» (Рим 5, 3–4).

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА I

С. 140 ... рвет свои седые волосы... Бросая вызов буре. – Только в кварто.

С. 142. Король французский к нам отправил войско... – Слова Кента в фолио изменены по сравнению с кварто, чтобы приглушить намек на вторжение французов. См. статью.

СЦЕНА II

С. 146. ...один умный, другой шустрый. – Из реплики Шута непонятно, кто из них двоих мудрец, а кто дурак.

С. 148. Тебе не холодно? – Лир только теперь в первый раз начинает думать не только о себе, но и о страданиях других людей.

Дуй, ветер, дождь, поливай! – Эта песенка Шута перекликается с грустной песенкой Фесте в финале «Двенадцатой ночи»:

Когда я был совсем еще мал, –

Дуй ветер, дождь поливай...

(Перевод Г. Кружкова)

Скорее всего, обоих шутов играл один и тот же актер – Роберт Армин.

СЦЕНА III

С. 150. Между герцогами раскол и вражда. – Тема грядущей гражданской войны вновь возникает в этом эпизоде.

С. 151. ...предсказание Мерлина. – Этого предсказания с его сатирической картиной нравов нет в кварто. Мерлин – персонаж из легенд о короле Артуре, волшебник, живший якобы на рубеже V–VI вв. н.э.

СЦЕНА IV

С. 155. Иди вперед... Я помолюсь и лягу спать. – Только в фолио.

Бросай якорь! – Этих возгласов Эдгара из шалаша в кварто нет.

С. 158. ...пеликанья скорбь... – Здесь аллюзия на древнее предание, согласно которому пеликан кормит детей собственной кровью.

...слушай отца с матерью... – Эдгар в обличье Тома из Бедлама как бы пародирует некоторые из десяти библейских заповедей: «Почитай отца твоего и мать твою ... Не прелюбодействуй. Не кради. ... Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего» (Исх 20, 12–17).

Неужели это и есть человек? – Здесь библейские аллюзии: «... то что́ есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?» (Пс 8, 5) и «... напротив некто негде засвидетельствовал, говоря: что значит человек, что Ты помнишь его? или сын человеческий, что Ты посещаешь его?» (Евр 2, 6). Кроме того, в этом монологе слышится эхо из «Апологии Раймунда Сабундского» Монтеня: «Рассмотрим же человека, взятого самого по себе, без всякой посторонней помощи, вооруженного лишь своими человеческими средствами...».

С. 160. Это Флибертиджиббет... – Это имя заимствовано у Харснета.

Три раза Витольд возгласил... – Это четверостишие представляет собой нечто вроде заклинания от бесов. Святой Витольд считался защитником от наваждений, насылаемых бесами.

...бьют плетями... – Согласно указу от 1598 года бродячих нищих в Англии подвергали публичной порке.

Смалкин. – Мелкий бес, принимающий форму мыши, имя которого взято у Харснета.

С. 162. Модо и Маху... – Эти имена также взяты у Харснета.

...порожденья плоти... – Глостер имеет в виду старших дочерей Лира и Эдгара.

С философом... – Лир находит в болтовне притворяющегося безумным Эдгара философский смысл.

...с этим мудрым греком. – В подлиннике фиванцем (Theban). Возможно, ссылка на Крата из Фив, философа-киника, считавшегося учеником Диогена.

С. 166. Любезный мой афинянин, сюда. – Как считают комментаторы, здесь, возможно, имеется в виду Диоген.

Вот к Черной баине Чайлд-Роланд подъехал на коне. – Как полагают некоторые комментаторы, строка из недошедшей до нас баллады о Роланде, герое «Песни о Роланде», знаменитой героической поэмы старофранцузского эпического цикла. Однако другие считают, что это строка из английской сказки «Чайлд Роланд» о молодом рыцаре, искавшем похищенную королем эльфов сестру. Тьфуй-фуй... и т.д. – это фраза, которую произносит король эльфов при виде Чайлд Роланда. Ту же формулу говорит и Великан в сказке «Джек и бобовый росток».

СЦЕНА VI

С. 170. Вельзевул... – В подлиннике Фратеретто – имя беса, взятое у Харснета.

С. 170–174. Эти бесы искушали мне всю спину! ... Предатель, почему ты дал ей скряться? – Этот эпизод суда над Гонерильей и Реганой есть только в кварто. Неко-

торые комментаторы считают, что он был сокращен, так как к теме суда и судей Лир вновь вернется в четвертом акте. Однако там будет идти речь уже не о его дочерях, но о правосудии вообще.

С. 176. Он спит, намаявшись... Следуйте за мной. – Это место есть только в кварто.

С. 178. Когда и государи терпят то же... – Этот монолог Эдгара – только в кварто.

СЦЕНА VII

С. 178. ...сообщить ему об этом письме. – Т.е. о письме к Глостеру, перехваченном Эдмундом.

Выватъ у него глаза! – В Средние века ослепление было одной из форм наказания за прелюбодеяние.

С. 190. Любого я греха не побоюсь К его кровавым ранам. – Эти реплики есть только в кварто.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

СЦЕНА I

С. 194. Я был незряч, когда имел глаза. – Глостер, потеряв зрение, наконец-то, прозрел и понял свою ошибку. В подлиннике I stumbled when I saw, т.е. «Я спотыкался, когда у меня было зрение». Комментаторы видят здесь библейскую аллюзию: «Потому-то и далек от нас суд, и правосудие не достигает до нас; ждем света, и вот тьма, – озарения, и ходим во мраке. Осязаем, как слепые стену, и, как без глаз, ходим ощупью; спотыкаемся в полдень, как в сумерки, между живыми – как мертвые» (Ис 59, 9–10).

«Всяк человек есть червь». – Библейские аллюзии: «Я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе» (Пс 21, 7) и «Тем менее человек, который есть червь, и сын человеческий, который есть моль» (Иов 25, 6).

С. 196. ...сумасшедшие ведут слепцов. – Библейские аллюзии: «...Оставьте их: они – слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Мф 15, 14) и «Сказал также им притчу: может ли слепой водить слепого? не оба ли упадут в яму?» (Лк 6, 39).

С. 198. Хобердикут... Хобидиданс... Маху... Модо... Флибертиджибет... – Эти имена бесов также взяты у Харснета.

Пускай богач... разделит свой избыток... – Библейская аллюзия: «Иисус, взглянув на него, полюбил его и сказал ему: одного тебе недостает: пойди, все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах...» (Мк 10, 21).

СЦЕНА II

С. 202. Страшно мне... чудища морские! – Этот отрывок есть только в кварто. В то время было хорошо известно, что крупные рыбы пожирают мелких (некоторые писатели иногда сравнивали их с богачами и бедняками), но Шекспир использовал

это сравнение, чтобы нарисовать страшную апокалиптическую картину людоедства последних времен.

С. 204. Привыкший подставлять ударам щеки... – Библейская аллюзия: «Ударившему тебя по щеке подставь и другую» (Лк 6, 29).

...не способный... «Почему?» – Эти строки есть только в кварто.

Когда бы ты могла увидеть... одно обличье. – Эти строки есть только в кварто.

СЦЕНА III

Эта сцена есть только в кварто.

С. 210. Тут не смогла она сдержать рыданий... – В подлиннике Придворный сравнивает слезы Корделии со святой водой (holy water).

СЦЕНА IV

С. 216. Несчастный мой отец! Из-за тебя / Я снова в Англии. – В подлиннике: It is thy business that I go about, – т.е. «Я приехала, чтобы помочь тебе». Комментаторы увидели здесь эхо слов Иисуса Христа: «...или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?» (Лк 2, 49). По-английски: «I must go about my father's business».

СЦЕНА VI

С. 224. Я отвергаю этот скорбный мир... – Рассуждения Глостера, противоречащие учению христиан, близки мыслям некоторых стоиков (например, Сенеки), оправдывавших самоубийство. Здесь также переключка с монологом Гамлета: «Быть или не быть».

С. 228. Что боги праведные вас спасли... их чтили. – Библейская реминисценция: «А Иисус, возрев, сказал им: человекуам это невозможно, Богу же всё возможно» (Мф 19, 26).

...хоть Голиафу. – Голиаф – воин-филистимлянин, отличавшийся гигантским ростом, которого юный Давид победил в поединке. В подлиннике просто безымянный великан – a giant.

С. 230. Ты – Гонерилья! – Так в фолио, в кварто Лир упоминает обеих старших дочерей.

...подхватывали каждое мое «да» или «нет» – Здесь библейская реминисценция: «... ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. Но да будет слово ваше да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого» (Мф 5, 36–37).

Прелюбодейство? – Намек на Глостера и его внебрачного сына Эдмунда. Лишь в Ветхом Завете прелюбодеиев наказывали смертью, Новый Завет отменил этот закон.

Бастард добрее, чем родные дочери... – В подлиннике Лир прямо говорит о бастарде Глостера и своих законнорожденных дочерях: For Gloucester's bastard son was kinder to his father/ Than were my daughters got 'tween the lawful sheets.

Они кентавры по своей природе... – Кентавры – мифические существа с головой и торсом человека на теле лошади.

С. 232. Вот так обрушится и купол звездный! – Один из апокалиптических образов трагедии.

...слепой Амур... – Согласно некоторым мифам, Купидон (Амур), божество любви, разящий влюбленных своими стрелами, был слеп.

С. 234. ...едва мы в мир пришли, / Как сразу начали рыдать и хныкать. – Библейская реминисценция: «... и я, родившись, начал дышать общим воздухом и ниспал на ту же землю, первый голос обнаружил плачем одинаково со всеми... один для всех вход в жизнь и одинаковый исход» (Прем 7, 3–6).

С. 238. Она должна исправить зло, что в мир / Принесено проклятой этой двойней! – Т.е. избавить природу от первородного греха, который в мир принесли Адам и Ева, но также намек и на старших сестер Корделии.

СЦЕНА VII

С. 248. Громче, музыканты! – Эта реплика есть только в кварто, в фолио мотива целительной музыки нет. Отметим также различие мизансцен: в кварто отодвигается занавеска, за которой спит Лир, а в фолио короля вносят на сцену в кресле.

С. 250. Ты – райская душа... – Лир, думая, что он умер, видит в Корделии душу, находящуюся в раю, а себя считает попавшим в ад.

С. 252. ...опускаясь на колени... – Эта ремарка отсутствует и в кварто, и в фолио и была добавлена позже.

С. 254. Достоверно ли... – Эти реплики начиная с данных слов и до конца сцены в фолио отсутствуют.

АКТ ПЯТЫЙ

СЦЕНА II

С. 266. Нет, человек все должен претерпеть: / Как свой приход, так и уход отсюда. – Комментаторы видят здесь библейскую реминисценцию: «Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него» (1Тим 6, 7).

СЦЕНА III

С. 280. Покрытый пятнами, как жаба... – Жаба считалась тогда низким животным, а ее пятна – ядовитыми.

С. 286–288. Этих бедствий... как и в счастье. – Этот отрывок есть только в кварто.

С. 294. Это ли не час / Обещанного светопреставленья? – Явная отсылка к концу мира, предсказанному в Новом Завете (Мф 24).

С. 300. ...бедный дурачок! – Ласковое обращение, скорее всего, к Корделии, вызывающее также ассоциации с Шутом. См. статью.

С. 301. Взгляните! Нет, взгляните! – Так в фолио, в кварто Лир издает лишь протяжный стон. О разнице финала в фолио и кварто см. статью.

Разбейся, сердце! – Эта реплика в кварто отдана не Кенту, но самому Лиру, который перед смертью на миг приходит в себя.

С. 302. Чем гнет худых времен невыносимей... – Этот финальный монолог в кварто произносит Олбани, а в фолио – Эдгар.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ФРОНТИСПИС

Неизвестный художник. «Чандосский портрет» У. Шекспира. Начало XVII в. Национальная портретная галерея. Лондон

АЛЬБОМ

Лир и его дочери. Миниатюра из книги Гальфрида Манмутского «История королей Британии». XII век

Корделла. Рисунок из книги Р. Холиншеда «Хроники Англии, Шотландии и Ирландии». Лондон, 1587

Иоганн Де Витта. Театр «Лебедь». Рисунок. 1596. Библиотека университета. Утрехт. Неизвестный автор. «Правдивая повесть короля Леира». 1605. Титульный лист.

Уильям Шекспир. «Истинная история жизни и смерти короля Лира». Кварто 1608. Титульный лист

Уильям Шекспир. «Истинная история жизни и смерти короля Лира». Кварто 1608. Начало пьесы

Клас ван Виссер (1587–1652). Панорама Лондона (фрагмент). На переднем плане справа театр Глобус

Уильям Шекспир. Комедии, исторические хроники и трагедии. Фолио 1623. Разворот титула

Фолио 1623. Список актеров шекспировской труппы

Франц Исаак Брун (1555–1610). Шут. Гравюра

Фолио 1623. Начало «Трагедии короля Лира»

Фолио 1623. Последняя страница «Трагедии короля Лира»

Джон Гилберт (1817–1897). Король Лир и Шут

Джошуа Рейнольд (1723–1792). Этюд головы короля Лира

Джон Эверет Миллес (1829–1896). Лир и Корделия

Джордж Уильям Джой (1844–1925). Лир и Корделия в тюрьме (фрагмент)

Король Лир. Фриз Шекспировской библиотеки в Вашингтоне

Ян ван Бирс (1821–1888). Шут короля

СОДЕРЖАНИЕ

КОРОЛЬ ЛИР (Перевод Г.М. Кружкова)

Кварто 1608	6
Фолио 1623	7

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>А.Н. Горбунов.</i> «Конец времен и прекращенье дней» («Король Лир» Уильяма Шекспира).....	307
<i>Е.А. Первушина.</i> Русские переводы трагедии Шекспира «Король Лир».....	348
Примечания (<i>Составил А.Н. Горбунов</i>).....	359
Список иллюстраций	371

Шекспир Уильям

Король Лир: Кварто 1608, Фолио 1623 / У. Шекспир ; подгот. А.Н. Горбунов ; пер. Г.М. Кружков ; [отв. ред. А.Н. Горбунов]. – М. : Наука, 2013. – 373 с. – (Литературные памятники). – ISBN 978-5-02-038104-9 (в пер.).

Новый перевод великой трагедии У. Шекспира выполнен одним из лучших современных переводчиков англоязычной поэзии Г.М. Кружковым. Уникальность настоящего издания заключается в том, что в него включены переводы двух шекспировских версий трагедии (Кварто 1608 и Фолио 1623), которые ранее не публиковались на русском языке. В Англии, как и в России, долгое время печатался свод двух версий, который каждый издатель делал сам произвольно. Только с 80-х годов XX столетия текстологи разделили их, опубликовав отдельно. В «Приложениях» читателю предлагаются статьи А.Н. Горбунова об истории создания трагедии и Е.А. Первушиной о русских переводах «Короля Лира».

Для широкого круга читателей.

Научное издание

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

КОРОЛЬ ЛИР

Кварто 1608

Фолио 1623

*Утверждено к печати
Редколлекцией серии
«Литературные памятники»*

Редактор *Е.Ю. Жолудь*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Ю.И. Духовская*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *А.Б. Васильев,*
Р.В. Молоканова, Т.И. Шеповалова

Подписано к печати 22.10.2013
Формат 70 × 90 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 28,8. Усл.кр.-отг. 29,7. Уч.-изд.л. 23,0
Тип. зак. 3936

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Е-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В.О., 12/28.

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»

Магазины «Академкнига» с «Книга-почтой»

- 119192 Москва, Мичуринский просп., 12 корп.1; (495) 932-78-01
Сайт: <http://LitRAS.ru>/e-mail: okb@LitRAS.ru
- 199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 1; (812) 328-38-12
e-mail: naukaspb1@yandex.ru

Магазины «Академкнига» с букинистическими отделами

- 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
(499) 124-55-00
- 119192 Москва, Мичуринский проспект, 12;
(495) 932-74-79
- 127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2;
(495) 621-55-96
- 191104 Санкт-Петербург, Литейный просп., 57;
(812) 272-36-65 academkniga.spb@bk.ru

Магазины «Академкнига»

- 101000 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8 строение, 4;
(495) 624-72-19
- 142290 Пушкино Московской обл., МКР «В», 1;
(49677) 3-38-80
- 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
(3952) 42-96-20 akademkniga@list.ru
- 660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45;
(3912) 27-03-90 akademkniga@bk.ru

Коммерческий отдел, г. Москва

Телефон для оптовых покупателей:

(499) 143-84-24

Сайт: <http://LitRAS.ru>

e-mail: info@LitRAS.ru

Отдел логистики:

тел. (495) 932-74-71;

факс (499) 143-84-24

William Shakspeare

Франц Исаак Брун
(1555–1610).
Шут.
Гравюра

King Lear

ISBN 978-5-02-038104-9

НАУКА

Уильям Шекспир

Король Лир

Уильям Шекспир

Уильям Блейк (1757–1827).
Лир и Корделия в темнице.
Ок. 1779 г.
Чернила и акварель

Король Лир

НАУКА